

Валида Будакиду
Александрос
Бурджанадзе

**Пасынки отца
народов.
Какого цвета
любовь?**

Квадрология. Книга третья

**Александрос Бурджанадзе
Валида Будакиду
Пасынки отца народов.
Какого цвета любовь?
Квадрология. Книга третья**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11956126
ISBN 9785447425135*

Аннотация

На следующее утро Адель пошла искать работу. Санитаркой устроиться без блата было невозможно, ибо специальность «санитарка» продолжала возглавлять тройку хит-парадов самых престижных профессий. Эта специальность конкретно говорила о том, что девица в белом халате нараспашку поступает в Мединститут. Не попав в санитарки, Аделаида решила пойти в рабочие на стройку. У них в Городе на стройках работали командировочные или условно осуждённые и кавалеры, и дамы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	41
Глава 3	71
Глава 4	98
Глава 5	120
Глава 6	145
Глава 7	165
Глава 8	195
Глава 9	213
Конец ознакомительного фрагмента.	243

**Пасынки отца народов.
Какого цвета любовь?
Квадрология. Книга третья**

**Валида Будакиду
Александрос Бурджанадзе**

© Валида Будакиду, 2019

© Александрос Бурджанадзе, 2019

ISBN 978-5-4474-2513-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Прошло очень много-много дней, похожих друг на друга, как кучка новорождённых хомяков в одном помёте. Конечно, если хорошенечко повспоминать, то вполне можно было найти и какие-то различия.

А этой зимой снег лежал целых четыре дня вместо двух обычных! Поэтому, если пролезть через выломанные решётки ворот стадиона, получалось кататься на санках по спуску и тормозить пяткой!

Ага! Поэтому у тебя вся обувь в таком виде, и Сёмочка заболел из-за того, что ел снег и простудился! А ты, старшая сестра, даже не видела, что он делает.

Или:

Той осенью мне подмышкой на живую ужасно больно вскрывали нарыв...

Не «нарыв», а «сучье вымя»! Диагноза «нарыв» нету! Да! Это когда ты почти неделю школы пропустила и потом не могла «догнать»? Они ушли вперёд, а ты сидела и глазами хлопала! Вот так за бортом и остаются!

В целом жизнь протекала очень странно. Казалось, что Аделаида живёт только дома, а где бы она не находилась, что бы не делала, мысль о маме и доме должна перекрывала всё. И она перекрывала. То есть – то, что вокруг – несерьёзно и временно, а мама и дом – вечно. Внешний мир – это как бы

необходимое короткое общение, истинная же ценность, «начало всех начал», точка отсчёта, пуп Земли, конечный порт прибытия – это их семья и квартира. Где бы Аделаида не находилась, что бы она не делала, она обязана была думать исключительно о доме и своей семье, о том, что мама дома волнуется и может «разнервничаться». А если она «разнервничается», то ей может стать «плохо» или «очень плохо», и мама на самом деле умрёт. Сидя у кого-нибудь из одноклассников на Дне рождения, она постоянно смотрела на часы, чтоб не опоздать вовремя вернуться; если шла на школьное мероприятие, тоже надо было заканчивать как можно быстрее. А уж о том, что после сбора металлолома можно посидеть с подружками в школьном дворе и просто поболтать, не могло быть и речи! Всё это очень мешало жить. Даже школьные экскурсии не спасали, потому что Аделаида знала – как только они вернутся обратно, мама тут же будет звонить учителям и спрашивать, как она «себя вела». Аделаида вставала и ложилась с постоянным ощущением, что за ней кто-то подсматривает, как в плохом шпионском фильме, кто-то старается заглядывать ей в мозги, хочет прочесть её мысли. Она не могла остаться наедине сама с собой ни на секунду. И папа с мамой поддерживали в ней это ощущение «подсматривания» за её внутренними органами и тотального контроля с их стороны за своим поведением.

Все равно ми всегда узнаём! – Любил говорить папа. – Па-таму ничово, ничово от нас ти скриват нэ можеш!

Аделаида верила. Она считала, что это действительно так. И так должно быть. Потому что мама и папа – очень хорошие родители, они за ней всё время смотрят, они её вырастили, они, как говорит мама, для неё «в лепёшку расшибаются», значит – она принадлежит им. Аделаида всё это, конечно, и знала, и понимала, и была очень благодарна своим родителям, которые, вот например, на той неделе купили ей куртку. Правда, совсем не такую, как она просила. Она просила простую, просто чтоб была красивее, чем пальто. А мама купила в очереди голубую финскую, которая, когда Аделаида застёгивала на животе, старалась сесть в нужном месте на талию. Но, за полным отсутствием таковой, скользила и поднималась вверх, от чего плечи топорщились и становились похожими на настоящую бурку. Если расстегнуть, то плечи опускались на место, но было холодно. Мама была очень довольна своей покупкой, и предупредила, что куртка финской марки «Лухта» очень дорогая, стоит пол её зарплаты, поэтому Аделаида в школу её носить не будет, потому что учителя невесть что подумают, увидев её в столь «шикарном наряде». Они могут начать Аделаиде «завидовать» и из «вредности» не ставить хорошие оценки.

Это, – сказала мама, – если пойти куда-нибудь в приличное общество. К кому-нибудь на День рождения...

Где же взять за всю зиму столько Дней рождения, чтоб хоть чуть поносить куртку?! У них в классе тридцать человек, и у половины Дни рождения летом, когда у всех кани-

кулы!

Конечно же, всё было понятно, мама была абсолютно права. Она, как все родители, желала своим детям «только добра» и, как она говорила:

Ну, я же лучше знаю, не правда?

Да, мама всегда всё знала лучше. Только... только это было всё как-то... как-то так... Аделаида даже не смогла бы объяснить, как. И вовсе не потому, что мама могла за провинность наказать, нет, как-то... беспокойно всё время, что ли...

Ещё мама зачем-то дала Аделаиде прочесть рассказ Чехова «Нянька Варька». Аделаида очень любила читать рассказы и очень любила самого Чехова. Рассказы она выбирала по понравившемуся названию. Много их было – разных и замечательных. Про «Няньку Варьку» она читать не хотела. Не интересна ей была «спэрва нанка, а патом лалка». (сперва нянька, а потом лялька.) Всё, что касалось слова «нанка» (нянька), она вообще ненавидела.

Мама сама открыла ей страницу и ткнула в неё пальцем:

На! Читай! – Сказала она. – Видишь, чем может закончиться, когда человека каждый день, каждый Божий день мучают!

Аделаида прочла. Она прочла про несчастную девочку, которую отдали в «люди», и которая весь день работала, а как стемнеет и до утра должна была смотреть за хозяйским младенцем. Хозяйский младенец никак не хотел засыпать,

постоянно плакал, и нянька Варька тоже не смыкала глаз. Так вот эта девочка поняла, что причина всех её бед – ребёнок. Точнее, она, наверное, сошла с ума и потому так подумала. Как только она «поняла», что младенец «портит ей жизнь», ей сразу стало «легче» и она, решив «освободиться» и навсегда избавиться от такой проблемы, хотела изменить свою жизнь к лучшему. Она ночью придушила этого ребёнка прямо в люльке, когда тот спал, как врага, пьющего из неё кровь и не дающего ей быть счастливой!

Почему мама выбрала для неё именно этот рассказ Антона Павловича? Что именно Аделаида должна была понять? Какой «вывод» для себя сделать? Что нельзя человека столько «мучить», а то удушит, что ли? Ну, так там был чужой младенец, хозяйский, а тут родная мама, не нянька Варька, да и она, Аделаида, – не младенец. Хотя, задуматься, именно у Аделаиды мама не идёт из головы! И какие те были ужасные мысли, когда она представляла себе палку, которой папа ей советовал стукнуть маму. Как он говорит? «Зачём так кажди дэн мучаэш нешасную женщину?! Палку вазми, адин раз па галаве бей – канчай!» Сколько раз она завидовала девчонкам со двора, мамы которых вообще не работали, а сидели дома, потому что не были учительницами. Так и папы в школу по вторникам не ходили, и не «разговаривали» с «учитэлний», потому что они не боялись, что их дети «опозорят». А её мама и папа всё время «боятся», но так и у Аделаиды от них скоро припадки начнутся!

Какая стыдоба! Всё это стыдные и отвратительные мысли! Хорошо, что мама с папой действительно не могут знать «всё» (всего), что она думает!

Однажды Аделаида после очередного «приступа» маминной «болезни» вдруг подумала, как было бы хорошо, если бы с мамой действительно что-то случилось! Ну, она бы умерла не от сердца и высокого давления, а то правда бы стали говорить, что это из-за неё, из-за непутевой дочери, и что Аделаида – убийца. Вот если бы мама попала под машину... Но и тут мама как бы заглянула к ней в черепную коробку, и словно угадав мысли, равнодушным голосом предупредила:

– Вот ты меня расстраиваешь. Буду я идти на работу, ударит меня машина, убьёт и все поймут, что это – ты виновата! Расстроила маму, довела до белого колена. Она шла по улице, задыхалась и ничего не видела. Вот её машина и сбила! И все будут на тебя пальцем показывать: «А-а-а-а! Это та самая девочка, из-за которой несчастную мать машина сбила»!

Или мама думала, что Аделаида хочет её под машину толкнуть? Или ещё что-то другое?.. Нет! Всё равно не понятно: зачем ей было читать именно этот рассказ про задушенного ребёнка?! К чему?

Мама же, не глядя по сторонам, не оглядываясь, не заморачиваясь Аделаидиными сомненьями, жила по своему, вырезанному для себя персонально и для окружающих, железобетонному клише. Мама не меняла ничего, ни пальто, ко-

торое Аделаида на ней видела ещё на фотографиях, где мама ходит по парку с коляской; ни причёску, ни юбки, ни кофты, ничего, и делала это с таким удовольствием и самоотречением, будто мстила кому-то. Но кофты и пальто времён Первой отечественной можно было пережить, хотя Аделаида так мечтала, чтоб мама стала ещё красивей и нарядней, однако то, что мама не желала менять ни слова, ни привычки, ни мнение о чём-либо, была катастрофа! Как безудержно тоскливо заранее знать, какое выражение лица она сделает на тот или иной раздражитель. Что она скажет по тому или иному поводу. Как себя поведёт. Что устроит в начале, как выдаст финал, словно мама всю жизнь играла по давно расписанным нотам, причём как талантливый пианист-виртуоз – бегло и без фальши.

– Я тяну тебя всеми силами! Кричу, чтоб ты остановилась! Но разве ты слышишь?! Твое место – с уличными босяками в вертепе! Ты знаешь, что такое «вертеп»?

Аделаида не знала. Но слово ей напомнило «вертел», и она представила, как изо рта у неё торчит эта железная палка, и её крутят над костром, чтоб она равномерней прожарилась. Уличные «босяки», естественно, босые, сидят, в рваных штанах, связанные, под огромным дубом и ждут своей очереди.

У мамы было богатое воображение. У Аделаиды, видимо, не меньше.

Как-то раз во время очередного катания по «колее», мама

вдруг, как человек, поражённый ударом молнии, протянув вперёд руки и растопырив пальцы, замерла в позе городского:

– Ах! Я поняла! – Она вытаращила на Аделаиду удивлённо-сочувственные глаза.

– Ты – заколдованная! – Вдруг прошептала она, как в сказке про спящую принцессу.

– Ты заколдованная, девочка моя?!

– Василий! – Мама уже чуть не плакала от умиления.

– Василий! Наш несчастный ребёнок заколдованный!

– Что делать?! Василий, что нам теперь делать?!

Аделаида чуть было не захихикала, чтоб подыграть маме, хотя на самом деле было довольно жутко. Но вовремя одумалась, решив понаблюдать, что мама хочет сказать словом «заколдованная», и, как выяснилось, очень правильно поступила.

– Ну-ка вспомни, Аделаидочка, доченька, – мамин голос то поднимался, то вновь падал, – тебя кто-нибудь чем-то угощал? Да? Тебе дали что-то покушать и подмешали туда отраву! Наколдовали и дали тебе съесть! Бедная девочка и бедная её мать!!! – Мама заломила руки. – Аа-а-а! Я поняла! Я всё поняла! Приезжала твоя бабка из Большого Города и об кормила тебя какой-то дрянью! Теперь ты невменяемая! Ты заколдованная и сошла с ума! Во-о-от, вот-вот! Ты – одержимая! Бесноватая...

Мама уже как бы просто рассказывала то ли о видах безу-

мия, то ли сюжет какого-то произведения.

– «Бесноватые» знаешь кто такие? Это ненормальные, в которых вселяется бес, и их раньше сжигали на кострах! Да-а-а... Жгли их прямо посреди площади. Собирался народ и фр-р-р! Подходил палач с факелом к эшафоту... Знаешь, это место, куда поднимались приговорённые к казни, называется «эшафот».

– Повтори: «э-ша-фот...»

Мама ещё долго рассказывала, как жгут ведьм и «одержимых», как огонь поднимается и всё вокруг воняет «жареным мясом», как, чтоб уменьшить страдания, могут из особой милости раздуть огонь, чтоб человек сгорал быстрее...

Аделаида слушала про свою «бабку», приезжавшую из Большого Города, про «бесов», которыми одержима, стало быть, именно поэтому и, видимо, в самом скором времени должна взойти на «э-ша-фот», и не могла понять: «Какая „бабка“? Какие „бесы“? Шутит мама, что ли, или притворяется? Никто не приезжал и меня ничем не кормил вообще! Я не заколдованная! И никого во мне нет... Где „сжигают“ на кострах? Как им это милиция позволяет делать? Когда горят волосы, наверное, воняет утюгом с не переключённой на „шерсть“ крутилкой...» Одно хорошо – мама увлечённо и страстно рассказывает, как бы Аделаиду сожгли, зато за кипиловой палкой за дверь пока не лезет. Забыла, что ли? Хотя – тоже дело...

Аделаида не могла поверить, что это говорит мама. Во-

первых, их ещё в школе учили, что никакого колдовства не существует, существует иллюзия. Даже которые в цирке, так и называются – «фокусник-иллюзионист». Во-вторых, зачем мама так не смешно шутит? Кто приезжал? Бабулю она не видела с того дня, как она хотела отвезти их после цирка на автобусную остановку, а папа сказал, что в машину не сядет, возьмёт Сёмочку и уйдёт «куда-нипут» (уйдёт куда-нибудь). Так Сёма уже в сборной города по плаванию, а тогда он был маленьким..Никакие «бесы» её не кормили. Что вообще означает «обкормил и заколдовал»?

Она так и не поняла ни про нянюку Варьку, ни про сожжённых ведьм, на которых она похожа, а мама так и не объяснила, о чём она тогда рассказывала. Тем не менее, именно с того разговора мама ещё пытливей стала вглядываться в Аделаиду и периодически на полном серьёзе повторять, что она – «заколдованная», которую надо «как-то спасти»!

Однако, что бы ни происходило, Аделаида привыкла именно к такой жизни, это и была просто её жизнь. Просто такая жизнь, и всё. Привыкла к тому, что если Сёма ел снег и простуживался – виновата она, что она – мамин «мучитель», от которого у мамы «львиная доля её болезни», к тому, что в неё «вселились бесы, она одержимая» и её скоро «сожгут на костре». Аделаида так жила всегда, и в очень редкие минуты задумывалась, но в то же время и не верила, что может где-то далеко, может очень далеко кто-то живёт по-другому? Все эти каждодневные сюрпризы давно уже не бы-

ли сюрпризами, в её жизни они были совершенно привычными и обычными.

У нас так принято! – Говорила мама.

Поэтому Аделаида уже не сильно расстраивалась, слова стали ездить по ушам.

В одно ухо влетает, в другое – вылетает, – как говорила мама.

Она теперь частенько даже не слышала половины из того, что мама говорила, потому что научилась сама себя мысленно развлекать. Вот если раньше, когда родители говорили про «борт», за которым она «останется», ей виделся потрясающей красоты белый парусник, точь-в-точь такой, как она однажды увидела, когда отдыхала с бабулей и дедулей в сказочном городе Сочи, то теперь Аделаида себе представляла самолёт «кукурузник», сыплющий сухую мочевины на колхозные поля. Такие показывали по телевизору и рассказывали про удобрения для полей с противным названием «мочевина», похожее на «мочу». И вот она – Аделаида летит в этом «кукурузнике», мочевины воняет, аж глаза щиплет. Вдруг в самый красивый момент самолёт тормозит, или делает вираж, и она вываливается прямо в открытый люк вместе с мешками мочевины, и они летят! Мочевина высыпается из развязавшегося мешка прямо вниз на головы людям. Она летит, летит вверх тормашками, крутится, крутится в воздухе, стараясь попасть в центр квадратного поля с жёлтыми початками! Она хочет вдохнуть, но не может. Холодный гу-

стой воздух отказывается лезть в лёгкие. Тело свело судорогой, и невозможно пошевелить ничем. В ушах свистит ветер. Но вдруг она огромным усилием воли отлепляет локти от рёбер и... И руки превращаются в прекрасные белые крылья. Точно такие огромные и сильные, как в сказке Андерсена про Гладкого Утёнка, когда он уже вырос и превратился в Прекрасного Лебедя. Теперь ощущение свободного полёта её совсем не пугает! Оно завораживает своим совершенством и своей лёгкостью. Оно дарит бесконечный простор и чудесно манит свободой! Ей становилось так легко и весело! Даже щекотно внутри. Она купается в блаженстве, в бесконечной радости! Ей хочется, чтоб это ощущение никогда не закончилось! Чтоб всегда, всю жизнь именно так слепило солнце, чтоб по щекам скользил свежий ветер, разогнавший слёзы, чтоб она прямо пальцами отщипывала кусочки белых, толстых облаков и снова выпускала их на ветер, и чтоб сердце замирало от счастья и упоения! А кому нравится – пусть сидит «на борту» и нюхает запах «мочевины», рассыпавшейся из порванного мешка! Ну или пусть месит ногами мамину «колею»!

Аделаида ощущала свободный полёт так явственно, что даже несколько раз увидела во сне: оказывается, если хорошенько разбежаться и быстро-быстро замахать руками, то вполне можно взлететь самому, совсем даже без «кукурузника»!

Мама тоже не теряла времени даром. Она столь же целе-

направленно и чётко, как готовила для Аделаиды новые эпитеты, продолжала выбирать для неё же «круг», которого ещё никак «не было». Себе мама не выбирала никого, ни круга, ни квадрата, потому что, как она объясняла – ей никто не был нужен. «Моя жизнь – это вы! – Говорила она. – Моя жизнь – в детях!» Мамин выбор подруг на первый взгляд совершенно ничем не объяснялся. Он постоянно падал на разных одноклассниц. Сперва одноклассница внезапно становилась входя в дом. Её «принимали», даже могли напоить чаем с хлебом и с маслом. Мама внезапно становилась уступчивой, очень доброй. Садилась с очередной «избранной» поговорить, задавала интересные вопросы, находила приятные слова, делала одобрительные замечания, всеми силами старалась поднять у «новой девочки» уверенность в себе. Но всё это длилось ровно до тех пор, пока мама в новой «подруге» не «разочаровывалась». Разочаровывалась же мама ну очень быстро! Одна была «тупенькой». «Чему ты у неё можешь научиться?! Так, ну... средненькая... умом не блещет... девочка как девочка...» – говорила в таких случаях мама. Вторая одноклассница «не умела себя вести в обществе», «подтирала нос не вот так, а во-о-от так!» – И мама показывала как именно подтирала нос претендентка на «круг». У третьей «нет отца», а мать «неизвестно кем работает», и так далее. Не понявшая тонкостей ситуации одноклассница развешивала уши и на самом деле думала, что теперь она может при маме громко разговаривать, в открытую смеяться

и в целом вести себя «распущенно»! Она по своей простоте не понимала, что её своеволие будет тут же пресечено, потому как источником и радости, и переживаний может быть только мама! «Дура она какая! – Мама была само возмущение. – Невоспитанная! Ничего не понимает!» Это в смысле одноклассница отказалась играть в мамину игру и продолжала ржать как лошадь в ковыльных степях, невзирая на мамино могильное выражение лица. Как только мама понимала, что «круг» снова не замкнётся, она начинала угрюмо ходить по пятам за недавней фавориткой, делая удивительно колкие и меткие замечания в её адрес по поводу того, что в своё время разжалованная «фаворитка» имела глупость ей «по секрету» сообщить. Мама безжалостно рушила планы, надежды и чаяния и Аделаиды и её несбывшейся «подруги», без всякого сожаления отправляла подругу в лучшем случае туда.

Ты не вовремя пришла! – Говорила мама переминающейся на пороге дома с ноги на ногу очередной Вике, Наташе, Тамаре. – Аделаида сегодня очень занята. Ей надо «четвёрки» по нескольким предметам исправлять, и она дополнительно занимается. А ты вообще дополнительно занимаешься? У тебя есть дополнительная литература, методички всякие, пособия? Что-то ты слишком быстро уроки сделала. Твоя мама проверяет уроки? Она знает, как ты учишься?

Через несколько минут такой беседы «подруга» уже кубарем слетала вниз по лестнице, в полной уверенности, что

больше никогда и никакой хлеб с маслом не заманят её туда, где спрашивают, почему её «папа убежал от мамы» и про что-то мудрёное с противным звуком «и» в середине слова «методи-и-чка».

Далее мама выбирала новую кандидатуру. Её никак не покидала уверенность в том, что она-таки найдёт «более-менее достойную подругу» для Аделаиды. Недели две проходили в исследованиях, в методах проб и ошибок. Наконец, мама, завершив тщательную селекцию, намечала очередную жертву:

Дружии-и-и-и со Светочкой Тваримия!.. – Прищурив в умилении глаза, ни с того, ни с сего минимум пять раз в день начинала канючить мама. В такие минуты Аделаиде казалось, что те самые «бесы» вселялись в маму! Она так разительно менялась, становилась такой вкрадчивой, мягкой, воспылав симпатией к довольно ограниченной, но «покладистой» и «уважительной» однокласснице. – Что она тебе мешает? Приведи её к нам домой, поговори с ней...

Только зачем это всё?! Далась ей эта «Светочка Козлова»! Ведь на самом деле мама навряд ли действительно хотела с ней познакомиться и чувствовала к ней симпатии! И что? Ну, приведи она даже эту «Светочку», так это даже не на неделю. Это дня на три максимум. Она же маме сто лет не нужна. Её выставят и скучать по ней не будут.

Вообще, Аделаида точно не знала, может ли мама что-то чувствовать из того, что не касается лично её. Мама же бы-

ла очень серьёзной, «сдержанной», как она говорила о себе и Сёмке, и очень не приветствовала проявление никаких эмоций вообще, если причиной этих эмоций не являлась она сама. Нигде и никогда! Ни в жизни, ни в театре, ни в кино. Мама ненавидела, когда целуются, ни в жизни, ни на экране. Или когда она, например, смотрела индийский фильм, где были дети, то в самый душещипательный момент, когда весь зрительный зал содрогался от рыданий от жалости к ребёнку, у которого «воды Ганга» унесли родителя, а маленькая, вся в заплатках фигурка стояла на берегу, протягивая свои слабые, дрожащие ручонки в сторону чёрной воды, мама, согласно кивая, поправляла очки и неизменно произносила:

– Как мальчик хорошо играет, а-а-а!

Про «хорошо играющего» мальчика папа тоже мог сказать, когда особенно хотел отличиться и поразить маму своими душевными качествами. Чужого похвалить иногда можно. Ведь это был незнакомый мальчик в кино, ничей из знакомых ни сын, ни внук. Вообще чужой. Поэтому мама не могла на папу обидеться за то, что папа хвалит чужого сына, а не их. Понятно, что этот чужой мальчик в «картине» и играл, и деньги за это получал, и что его за это теперь любить, что ли? «Играет себе «хорошо и пусть играет! Мама откровенно не любила реальную Кощейку, так и оставшуюся с детства единственной подругой Аделаиды. Аделаида больше не спрашивала как дура:

– Почему Кощейка не может прийти ко мне поиграть?

Она знала, что мама всегда отвечает одно и то же: Потому, что это мой дом! Что хочу – то и делаю!

Мама очень любила повторять, что дом именно её. Она и говорила, что «квартиру» государство дало ей, а не кому бы то ещё. Они все – и папа, и Сёма, и Аделаида жили, оказывается, «у мамы». И в квартире тоже всё было мамино. Всё. Ну, могло быть и ещё общее.

– Не видели мою стёрку? – Аделаида ковырялась в ящике письменного стола, стараясь отыскать малиновый ластик, из которой Сёмка ещё вчера наделал шариков для плевания в бамбуковую трубочку.

– Здесь «моё-твое» нету! Здесь всё наше! Всё наше, поняла?!

Что мама скажет и как, Аделаида знала с точностью до полутона, но каждый раз надеялась, вдруг что-то изменится? Вдруг мама передумала и скажет просто и понятно, что не видела её стёрку. Нет, не говорила.

Если они с мамой проходили мимо знаменитой «пончиковой» на площади Ленина, и выедающий ноздри, сладкий запах заставлял её просить:

– Мам! Купи мне пончика!

Мама неизменно, одним и тем же тоном строго отвечала:

– Иди домой и спеки!

Всегда одно и то же:

– Иди домой и спеки!

Ну, так пока дойдёшь и спечёшь, уже расхочется! И как их

печь вообще? Там же в подвале специальные машины стоят!

Фраза: – Я не хочу суп! Без промедления билась козырным тузом: – Я тебя не спрашиваю, что ты хочешь!

Мама целый день могла ходить по квартире, что-то передвигать, что-то искать, терять, снова находить, перепрыгивать. Часам в трём дня, если это было воскресенье, она, как бы глядя на себя со стороны, ласково сообщала:

– Вот я уже уста-а-а-ала... Моя миссия закончена...

Аделаида многие годы потом думала, что «миссия» – это выдвигание ящиков в комод.

От маминого «клише» и в школе были одни проблемы!

Каждый год с подпиской на газету «Пионерская правда» в классе возникал конфуз. Подписка на год стоила шесть рублей. Все одноклассники приносили положенные шесть рублей и получали взамен квиточек об уплате. Мама каждый год давала три и, удивлённо пожав плечами, говорила: Зачем мне на год? Меня целое лето в городе нет! – Недоумевала она, видимо, намекая на летние школьные каникулы, когда они всей семьёй выезжали куда-нибудь на месячный отдых. Да лучше бы и не ездили, чем жить в тех комнатах, которые они снимали! Аделаида хорошо помнила, как чуть не утонула в общественном туалете на краю огорода. Так ведь этот отдых длился только один месяц, а не «три»! И вообще очень хотелось опять получать «Пионерскую правду». Это же была единственная детская газета, с картинками, с новостями из пионерской жизни и кино! Некоторые од-

нокласники даже уже выписывали «Комсомольскую правду». Выделялись! Им же надо было показать, что они уже взрослые. Когда Аделаида приносила три рубля – на полгода, вместо положенных шести, в классе дети над Аделаидой смеялись. Учителя молча брали трёшник. Но самое обидное начиналось, когда после июня газета переставала приходить, а дети в классе как будто бы назло обсуждали при ней прочитанное, смеялись напечатанным на последней странице смешинкам, обсуждали всякие пионерские новости. Тогда Аделаида чувствовала, что теперь реально «выпала из колеи».

А ещё, хоть и редко, и папа и мама шутили. Причём, у них были общие любимые шутки, произносимые изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год, из пятилетки в пятилетку. Как-то раз, очень давно, папа рассказал анекдот, который, видимо, отвечал душевному состоянию мамы, и они потом всегда говорили:

– Ты сто? С ума сасёл?! (Ты что – с ума сошёл?!) – И смеялись вместе.

Мамино душевное состояние отличалось завидным постоянством. Например, никто бы никогда её не смог убедить, что нога – это человеческая конечность с костями, мясом, сосудами и нервами, что она может болеть и нельзя на неё натягивать обувь тридцать седьмого размера, если сама она (живая человеческая нога) – тридцать девятого! Что странно – тут у мамы с папой была потрясающая гармония и полнейшее взаимопонимание. Даже Аделаиде покупали обувь

не тридцать седьмого размера, а как мама считала нужным – «тридцать шесть с половиной». Эта проклятая «с половиной» резко портила пионерке Аделаиде и без того не розовую жизнь. Обувь давила, а ноги через несколько часов отекали от веса, от неё начинала болеть голова, появлялась усталость, всё время хотелось если не прилечь, то хотя бы сесть, но непременно снять туфли. Они натирали кровавые волдыри, которые потом лопались и долго не заживали. Аделаида волдыри обкладывала ватой, а вата прилипала, она отдирала вату и из болячки снова сочилась кровь... Аделаида просила покупать ей «туфли побольше», на что мама резонно замечала: А ты изнашивай дома! Одень и ходи по квартире.

Папа подключался очень вовремя: Смотри – эсли туфли нэмного жмут – они ногу дэржат, чтоб она нэ расла. Если адэт свободна, тагда нага тоже будэт свободна и будэт свободна расти. Патом адэнэш эщо болшэ. Эщо вирастэт. Патом эщо, эщо, эщо и сколка ти так будэш адэват? Да сорок пяти? У дэвочки нага далжна бит малэнки. Када балшой – это нэкрасива! Никто, абасалутна никто нэ женица! Абсалутна! Ти знаэш, в Китаэ девочкам ноги вот так, вот так перевиазивали, палци вниз заварачивали, чтобы ноги савсэм не росли. И они палучались маленки. (Смотри, если туфли немного жмут, они удерживают ногу, чтоб она не росла. Если надеть свободную обувь, нога в ней будет свободна и снова будет расти. Потом придётся покупать обувь большего размера. Нога ещё вырастет. Потом ещё большего. Потом ещё и ещё.

И сколько это будет продолжаться? До сорок пятого размера? У девочки размер ноги должен быть маленьким. Когда большой – это некрасиво! Никто абсолютно потом не женится. Абсолютно! Ты знаешь, в Китае девочкам ноги вот так перевязывали, пальцы вниз загибали, чтоб ноги вообще не росли. И ноги оставались маленькими.)

Это точно! Когда Аделаида в журнале в первый раз увидела фотографии ног какой-то китайки, которой «пальцы вниз загибали, чтобы не росли», она чуть не лишилась рассудка. Эти ноги были похожи то ли на козлиные копытца, то ли на ступни, изуродованные во время Второй Мировой, если бы их обладательница ненароком наступила на мину. Оказывается, именно это «красиво и прилично». То есть – если у тебя такие копытца – ты аристократка из хорошей семьи и завидная невеста. После этого журнала Аделаида стала с удовольствием носить свои «тридцать шесть с половиной» до кровавых пузырей, страшно боясь, что в противном случае ей для красоты мама с папой сломают и закрутят пальцы, как родители той китайки.

Ещё мама ненавидела всякие, с её слов, «излишества». Как показывали в русских фильмах застолья, где в какой-то деревне односельчане «напивались водки», и потом дружно пели за столом, мама и папа старались выключить телевизор.

К слову говоря – песен ни мама ни папа вообще не знали. Они могли запомнить одну, или две строчки из какого-нибудь, особенно понравившегося им, шлягера и потом напе-

вать эти две строчки до бесконечности. Но почему-то то, что они выбирали для напевов, опять касалось Аделаиды?! Как она ненавидела эту мерзкую песню, особенно в исполнении папы:

Я встрéтил девочку-у-у
Полумизсаем бров.
На попке родинка-а-а-а...

На самом деле надо было петь «на щёчке родинка», но! Но у Аделаиды на попе действительно была родинка! Как она её ненавидела! Конечно, если б не мама и папа, она бы сто лет и не помнила о её существовании. Она вообще-то давно бы выковырнула её гвоздём, если б можно было стоять перед зеркалом спиной в хоть чуть-чуть более удобной позе, а так не развернуться, не достать нормально... Её не было видно, она и не мешала, в принципе. Но, когда мама с папой были в хорошем настроении и, загадочно улыбаясь, заводили:

На попке роды-ы-ынка-а-а-а!...

Ей уже самой хотелось на костёр, на котором жгли «одержимых ведьм», потому что желание, которое в ней возникало по отношению к маме и папе, могло прийти в голову только «бесноватой»!

А папа с мамой периодически продолжали резвиться в унисон, совершенно не обременяя себя мыслями – нравит-

ся это Аделаиде не нравится...

Ещё у неё была какая-то пластинка со сказками, которые ей иногда по старой памяти разрешали слушать. Там была трогательная история про слонёнка. Его обвинили в несусветной пакости, и он сказал фразу, ставшую ужасом всей аделаидовской жизни! Её кошмаром, её статусом, её девизом. Фраза приводила в такой экстаз маму и папу, что они долгие годы в минуты редкой нежности, например, когда Аделаида получала по физике «пятёрку», вместе с надрывной репликой:

Частичка моя! – Обожали припевать:

Я – слонёнок! Я ещё ребёнок!

Я совсем не виноват, что немного толстоват!

Эта простая песенка вызывала у родителей такой прилив нежности, что их глаза невольно наполнялись влагой.

У Аделаиды тоже. Но она, в отличие от мамы, отворачивалась.

Вообще, когда она была в первом классе и весила сорок два килограмма, прямо с того дня, как этот противный весовщик в парке в Муштайнде, взвесив, специально написал ей на бумажке жирными цифрами «42», чтоб она то ли не забыла, то ли радовалась, Аделаида стала ждать. Она стала ждать, когда будет весить шестьдесят. Всё потому, что никто не говорил, что она весит сорок. У неё даже не спрашивали: «Сколько ты вешишь?» К ней подходили и говорили сразу: «Ты наверное вешишь шестьдесят килограммов!»

Но она весила на восемнадцать килограммов меньше! Вот тогда она и стала ждать, когда вырастет. Но самое противное было в том, что когда она правда стала шестьдесят, эти отвратительные дети стали говорить: «Ты наверное вешишь восемьдесят килограммов!» И она была в четвёртом классе. И её одноклассники весили тридцать.

Хотя про слонёнка мама пела не очень часто. Она вообще редко бывала так благодушно настроена, чтоб напевать. Но не только по отношению к Аделаиде, а в целом. Она любила напоминать: «Я уже не человек! Я – комок нервов!» Интересно – где это она вычитала? Но навряд ли в любимой «Медицинской энциклопедии». Да она и по отношению к папе вела себя странно...

Они очень редко покупали мороженое, потому что «готовила» его сама мама. Хотя, если спросить Аделаиду, то, что получалось, было больше похоже на холодный заварной крем – очень сладкий и очень жирный, потому что мама туда бросала пачку сливочного масла. Потом она этот заварной крем обкладывала «солёными кусочками колотого льда», как говорилось в книге «О вкусной и здоровой пище», и это была такая гадость! А когда всё-таки изредка покупала магазинное, то всегда брала не четыре, а три, и говорила:

– А папа не хочет! Васили-и-и-и! – Обращалась она к нему. – Ты что, мороженое хочешь?

– Нэ-э-т! – Папа даже отворачивался для пущей правдивости, хотя любил сладкое.

Когда они куда-нибудь ехали всей семьёй, мама всегда покупала три билета на поезд. Она говорила:

– Я лягу с Сёмочкой, и всё!

Но она никогда с Сёмочкой не ложилась. Аделаида помнит, как один раз проснулась ночью и увидела, как папа сидит в спящем купе один перед столом, положив голову на руки, и дремлет. Папино тело болталось в такт движению поезда, и это было очень неприятно. Ей стало папу очень жалко, но она тут же уснула снова.

Вообще-то мама обычно называла папу «дебильчик», то есть, когда звала, так и говорила: Э-э! Дебильчик, глухой, что ли?

Она его так называла не из вредности, просто так, ласково, в шутку.

Кроме совместных шаблонных слов и стандартных тем воспитания Аделаиды, были вещи, априори принадлежащие исключительно или маме, или исключительно папе. Так сказать – «запатентованные». Вот папа считал, что у «дэвучки», оказывается, не только «плэчи дальжни бить кругли» (плечи должны быть круглыми), «нага малэнки», но и рот «малэнки», в который при самом большом открытии входит только одна ломанная макаронина! «Балшой рот стыдно!» (Иметь большой рот стыдно!) «Чёрт возьми, стыдно перед кем?!» – Всегда хотела понять Аделаида.

По поводу большого рта у папы был любимый анекдот, рассказываемый им в разных тональностях несметное чис-

ло раз. Он был с национальным колоритом и папе ну о-о-о-чень нравился!.. Простому постороннему человеку понять его практически невозможно, но Аделаида жила с папой, поэтому понимала.

В одной семье девочку должны были отдать замуж. У неё, оказывается, был «балшой рот» (большой рот). Поэтому, чтоб скрыть недостаток, родители девочку предупредили:

Когда вечером придут сваты, ты им предложи: «Кушайте изюм!» И губы твои сложится трубочкой, и никто не увидит, что ты некрасивая, что рот у тебя большой, и тогда тебя возьмут замуж.

Девочка переволновалась, потому что знала, что она из-за большого рта «очэн нэхароши», и когда сваты привели к ней «такова малшыка» (такого мальчика), растерялась, забыла слово «изюм» и сказала:

Пожалуйста, кушайте киэш-ми-эш! (Кишмиш)

Рот её от слова «кишмиш» растянулся, – тут папа растягивал руками свои губы, показывая как именно он растянулся, – все увидели, какая она «нэкрасиви», и какой у нэво балшой, страшни рот (какой у неё большой и страшный рот), и все встали из-за стола и «убэжали»!

Это было очень смешно!

Папа всегда, когда хотел сделать замечание и сказать, что Аделаида очень громко смеётся, вместо того, чтоб «улибнуца», говорил:

Кушаитэ киэш-ми-эш!

И все смеялись! И Сёма, и мама. Это значило, что у мамы опять минута хорошего настроения, папа любит маму и он сострил, Сёма заливается и сквозь смех тоже тянет: Ки-эш-ми-эш!

Папе не нравилось, что она смеётся, выставляя напоказ все свои зубы, вместо того, чтоб скромно «улыбаца», прикрыв рот ладошкой, как девочке из порядочной семьи и положено. И папа делал ей замечание. Мама бывала довольна. Каждый раз, когда в принципе незлой папа приводил на жертвенный алтарь Аделаиду, он ей напоминал кота-крысолова, мечтающего выслужиться перед хозяином. Кот, даже если был совершенно сыт, просто так, от любви к искусству душил серого зверька, нёс его в зубах и гордо клал у ног Хозяина окровавленную добычу, в ожидании хоть малой похвалы. Так как с воображением у папы было совсем не густо, он тщательно примерял ситуацию на вкус жены и интуитивно находил беспроегрышные ситуации. Так было с «кишмишом», с дурацкими пластмассовыми вишнями. Но до вишен сперва были значки. Там Аделаида папе подпортила возможность обрадовать маму, просто не обратившись к нему с просьбой. Вот зато вишни-и-и-и...

В школе, где училась Аделаида, одно время было страшно круто носить на одежде значки. Не привычные «Ударник коммунистического труда», и даже не «Универсиада», а настоящие довольно крупные круглые значки с изображением настоящего Микки Мауса – чуждого мультиковского персо-

нажа, из ещё более чуждой и враждебной Америки. Уж как эти значки тогда могли попасть в СССР, для Аделаиды осталось загадкой на всю жизнь. Но их «доставали из-под полы», по каким-то совершенно немыслимым каналам. Те, у кого на воротнике под названием «апаш» – огромном и висячем – был такой значок, считались «блатными». Аделаида совсем не думала о том, чтоб казаться «блатной». Ей нравился яркий, красивый мышонок сам по себе. Она мечтала о таком украшении. Даже хотела срисовать у кого-нибудь, приклеить на картон и приделать булавку. Правда, булавку никаким клеем, наверное, приделать будет невозможно... Один раз она даже попросила клей у расклейщика афиш. У него было целое огромное ведро и в ведре ещё плавил куски макарон. Аделаиду это не удивило, потому что она знала, что клей, точнее, клейстер варят из макарон и муки. Так делала Кощейкина мать, когда они ремонтировали квартиру. Они на это клеили обои на стенки. Аделаиде клей понравился. Он выглядел аппетитно, и если бы она хоть на секундочку осталась в квартире одна, то обязательно вытащила и съела хоть одну макаронину. Она хотела этим клеем попробовать, приклеится ли железо к бумаге. Старый дядька в клетчатой рубашке положил ей немного в спичечную коробку. Она его не съела и честно принесла домой. Конечно же, булавка к бумажке не приклеилась. Тогда она решила починить раздавленную катушку от ниток. И тут не получилось. Одним словом – клей кроме бумаги ничего не клеил! Значит, значок

сделать не получится. Остаётся или попросить, чтоб мама или папа «достали» ей такой, или пытаться самой что-то сделать. Тогда Аделаида решилась на последний и самый дерзкий шаг!

В школу она ходила мимо газетного киоска и иногда, когда были деньги, покупала там открытки. Всякие разные там поздравительные, «С праздником!», «С Днём рождения!» Аделаида их собирала в небольшую коробочку от конфет. Не в ту, где фантики, а в другую, с огромной бордовой розой. С продавщицей она раньше никогда не здоровалась. Они просто знали друг друга в лицо, и всё. Аделаида сперва решила не беспокоить папу, мама всё равно бы ей не купила, сказала бы, что это «мещанство». Она решила пойти к газетному киоску и попросить тётю-продавщицу, если она получит такие значки, чтоб ей один оставила. Это было очень дерзкое решение! Аделаида никогда ничего и ни у кого не просила. Мама говорила, что просить – это «унижаться», и это отвратительно. «Это низко! – Говорила мама. – Надо не унижаться перед кем-то, а наоборот, контролировать мысли, чувства и действия других людей, потому что они – источник опасности и неприятностей! Что ты думаешь – кто-то кому-то нужен? Никто никому не нужен абсолютно! Никто никому ничем не обязан! Вот!»

Да, тётя из киоска ей, конечно, никто, и, как говорит мама, она мне «не обязана», но очень хочется значок! Кажется, никогда и ничего в жизни так сильно не хотелось...

Через несколько дней Аделаида подошла к киоску. «Ну и пусть унижение!» – Решила она. – Перетерплю!..»:

– Здравствуйте! – Очень вежливо сказала она. – Вы бы не могли мне оставить такой вот красивый большой значок... вот такой... – она смутилась и опустила голову.

– С Микки Маусом? – Тётя продавщица дружелюбно улыбалась и кивала головой.

– Да!.. – Ой как стыдно... между лопатками по спине противная холодная струйка,

– Конечно, оставлю! – Тётя упорно делала вид, что правда может что-то сделать для Аделаиды. Хорошо, что мама этого унижения не видит!

– Приходи послезавтра! Может быть, что-то получится! Аделаида не поблагодарила тётку. А чё? Ради значка такое унижение! Да ладно! Хорошо, что они не знакомы.

Послезавтра пришло быстро.

– Помните, я вас просила оставить мне значок. Вы... случайно... не... не оставили? – Аделаида просто так пришла к киоску.

Продавщица, не ответив, слегка улыбнулась и из своей сумки вытащила что-то завёрнутое в огрызок газеты и протянула ей.

Это был он – настоящий, белый, круглый значок с приделанной булавкой и замечательным Микки Маусом посередине!

– Одиннадцать копеек! – Тётя продолжала смотреть

на неё и глаза её были как две светлые щёлочки с морщинами по бокам...

Аделаида вынула дрожащей рукой из кармана деньги.. Незнакомая тётя почему-то захотела её обрадовать. Это было непонятно и нехорошо.

С тех пор она перестала ходить в школу по той дороге. Ей было жутко неудобно перед продавщицей зато великое одолжение, которое она ей сделала. Она чувствовала себя в страшном долгу, за который никогда в жизни не сможет расплатиться. Душевный покой нарушен. Вот она – расплата за подаяние!

Потом, после значков, в Городе в моду вошли «вишни». Это была такая пластмассовая брошка – гроздь ярко-красных вишен на зелёной ветке и с зелёными же листьями. У некоторых вишен листья были настоящего зелёного цвета, у некоторых синюшные. У Аделаиды не было ни тех, ни других. Это украшение цеплялось на куртку, на жакет, на пальто, даже на школьный фартук. В школе кто куда хотел, туда и цеплял. Это было безумно круто! Вишни были большими и тяжёлыми, со следами клея по экватору. Настоящая шикарная брошь! Да, брошь – это не значок за одиннадцать копеек, которые, если постараться, в принципе можно собрать за несколько дней. Если сдать бутылку от лимонада из подвала – вообще сразу. Брошка стоила целых три рубля сорок копеек. Таких денег не то что у Аделаиды никогда не было, такие деньги она видела только у Ирки из их класса. И бы-

ли они у неё потому, что с ними жили и бабушка и дедушка, и они, по Аделаидиным подозрениям, Ирку и баловали – давали ей много денег и покупали специальные обёртки для школьных учебников. Они были такими красивыми – голубыми и прозрачными, с золотистыми буквами, и сквозь них была видна обложка учебника. Аделаида свои книжки оборачивала калькой. Калька – это почти непрозрачная бумага для выпечки печенья в духовке, чтоб оно не прилипало. Зато Аделаида делала закладки из тесьмы и кружев с приклеенными к ним открытками, и это класс!

«На „вишни“ надо просить у родителей, или всё же собирать по двору пустые бутылки от пива? – Аделаида долго размышляла на этот счёт, но, подсчитав, к ужасу своему поняла, что альтернатива равна нулю. – Таких денег я не соберу и за год!» У мамы просить не стоит. Она два Аделаидиных прекрасных маленьких колечка, одно с ярко-красным стёклышком, второе – с зелёным, которые ей подарил дед, очень насмешливо называет «драгоценностями» и «бриллиантами». Да, драгоценности! Они такие красивые! Стёклышки так и светятся! Прямо блестят на солнце! Мама скажет, что «вишни» – «безвкусица», «мещанство», «уродство» и попросит, чтоб Аделаида её не «позорила перед людьми».

– Ты и так ходишь как босячка! Самая настоящая босячка! Теперь ещё эти пластмассовые абрикосы на себя прицепи!

– Вишни!

– Какая разница?!

– Все девочки так ходят, и никто не говорит, что это «мещанство»!

– Какое мне дело до каких-то «девочек»?!

То мама говорит «девочки так носят!», То «какое мне дело до других?!»

Мама вообще не разрешала ни салфетки стелить под сахарницу, ни картинку повесить на стену. Она говорила, что это «убожество» и «пошлость», что «стены портятся». Что раньше было такое сословие – мещане, у которых не было достаточно ни образования, ни вкуса, ни фантазии, ни денег. Они вместо настоящих украшений «как перепёлки носили поддельные стеклянные бусы, позолоченные цепочки». Почему «перепёлки»? Разве перепёлки носят бусы? А как здорово было тогда на стенах у тех девочек дома, где она ночевала в Большом Городе, когда деда... Там у них все стены были обклеенными их рисунками с росписью в нижнем правом углу.

А ей так хотелось быть мещанкой! Стеклянные бусы – это так красиво! Блестят, переливаются от света! Очкрасиво! У них в Городе все женщины носят только золотые серьги, и они у них всё время в ушах и всё время маленькие такие и одни и те же. Да и очень глупо носить постоянно одни и те же украшения только потому, что они из настоящего золота! Понятно, если женщина взрослая, идёт вечером куда-то в театр, или на свадьбу, конечно, в пластмассовых

серьгах будет нехорошо. Тогда можно надеть и высокий каблук и золотые серьги. А вот если, как её одноклассницы, или девчонки с бассейна вставили себе в уши небольшие серьги, похожие на пять муравьиных пальцев, держащих все вместе блёклый розовый камешек, и ходят с ними и день и ночь, не снимая, и на занятия, и на тренировку, и по улице, и в бассейне. Кажется, что они всё время грязные. Разве такие серьги – украшение только потому, что они из золота?!

Да ладно, серьги! Это всё магазинное. Вот Аделаиде всегда хотелось самой сплести из тряпочек накидку на стул, из кукурузных листьев такую вот интересную корзиночку, и поставить туда бумажные грибы. Аделаида знала, как надо делать грибы из жатой бумаги, а если нет жатой, можно сделать из туалетной, только потом придётся красить акварельными красками, особенно красивыми получаются мухоморы, потому что... потому что... какая разница – почему? Всё равно это – «страшная безвкусица»! Ну и ладно! Всё равно: вот можно сделать куклу из тряпочек и посадить её на диван, можно на занавесках сделать такой шикарный бант и самой из проволочек сплести такую держалку вроде как зажим, можно...

Одним словом – деньги на «вишни» надо просить у папы. Пойманный в коридоре папа просьбу выслушал внимательно и серьёзно, казалось, даже с душой. Он не стал ничего говорить о «драгоценностях», потому как скорее всего, о существовании «мещанства» как класса даже не подозревал.

– Ти палажениэ в школе исправила? – Задумчиво произнёс он.

Аделаида не поняла: о котором из «положений» в целом идёт речь, но ответила как можно уверенней:

– Исправила!

– Харашо, – сказал папа не менее задумчиво, – тада сдэлаэм так: я тэбэ куплю этат штучка, чтобы ти нэ думала мнэ денги жалка. Мнэ нэ жалка. Всю, всю, что у нас эст – эта ваша, твая и Сёмичкина. Пуст лежит дома. Ти по химии пока нэ принэсла ни одын «пиат». Када принэсёш «пиат» – тогда вазмёш и адениш, харашо?

– Хорошо! – Аделаида была на седьмом небе! Тогда она ещё не знала, чего ей вскоре будут стоить уроки химии от Алины Николаевны Белкиной – дамы принципиальной и строгой во всех отношениях. Алину Николаевну не смущали ни ежевторничные посещения папы с душеспасительными беседами об «успехах» Аделаиды, скорее даже нравились – ведь можно было себя почувствовать настоящим трибуном, около которого паршивый Цицерон просто отдыхает. Не смущали и ледяные взгляды мамы, которыми она обычно во время беседы окидывала собеседника. Алина Николаевна гордо гордилась своей гордостью и очень быстро дала понять Аделаиде, что все её прошлые заслуги в учёбе «яйца выеденного не стоят». Потому что на самом деле все её «пятёрки» – это не от «больших способностей» к учёбе, а «зубрёжка», замешанная на нежелании школьных учителей «вступить в де-

баты с её родителями». Алина Николаевна Белкина довольно быстро дала Аделаиде понять, что ей по химии четвертная отметка «три» или «четыре» красная цена. Ни о каких «пятёрках» речь идти не может. Она так же беззастенчиво сообщила, что с такими «очень средненькими умственными способностями» Аделаиде «подошла специальность парикмахера при каком-нибудь банно-прачечном комбинате». Аделаида, конечно, не совсем ей поверила, она всё-таки считала, что банно-прачечный комбинат вовсе не предел, которого она может в жизни достигнуть... Но Алина Николаевна, скорее всего, как и мама, «лучше знала» и считала своим прямым партийным и просто человеческим долгом указать каждому ученику номер его жизненной ниши.

Так и пролежали эти самые бесконечно замечательные «вишни» с синюшными листьями в ящике письменного стола, пока совсем не вымазались чернилами и не выцвели... зато мама папину воспитательную методику очень одобрила.

Глава 2

Сёма продолжал ходить на плавание, показывал совершенно фантастические результаты. Это было так странно! Такой ленивый, флегматичный и, казалось бы, совершенно без азартный Семён возглавлял сборную города! Его начали возить на соревнования, спортивные сборы. Иногда он не появлялся дома по две недели, а то и больше. Он неожиданно для Аделаиды стал исчезать и так же неожиданно появляться. Дома никто не говорил, не обсуждал, не заострял внимание, дескать, вот Сёма завтра уезжает или послезавтра. Приходишь со школы, а его дома нет – это означало, что он опять уехал. Казалось, он живёт в параллельном мире, по одному с ней адресу, но, как учили по геометрии, оказывается, две параллельные прямые действительно не пересекаются... Последнее их общение было полгода назад, когда Аделаиде вдруг страшно захотелось о младшем брате заботиться, ну, типа как Ирка, у которой были и бабушка, и дедушка, и красивые обёртки на учебниках, заботилась о своей младшей сестре Вике. Вот захлестнула Аделаиду то ли зависть к Ирке, то ли внезапная нежность к младшему брату, который не так давно слюнявил ей корочки от булок и сморкался в её кофты. Захотелось ей вылить на него всю свою нежность, как маленькие девочки от избытка чувств целый день могут носиться с шелудивым котёнком на руках, целуя его

и выковыривая из глаз козявки. Но ни обниматься, ни ковырять у Семёна в глазах было нельзя. То есть даже смешно! Во-первых бы и сам Семён не дался. Он бы подумал, что сестра сошла с ума. И потом – мама с папой! Это же было бы разговоров на несколько лет! «А помнишь, как ты братика обняла, и он испугался?! Ха-ха-ха!!!» Мама всегда говорила, что надо «скрывать» свои чувства, «надо быть сдержанным всегда и во всём!» Аделаида долго думала и не смогла ничего лучше придумать, как разнообразить Сёмкин пищевой рацион, таская ему со школы разные вкусняющие «сюрпризы».

В школьном буфете продавали по десять копеек ломтик серого хлеба с маленьким кусочком варёной «ткацуны» – сосиски в настоящей кишке, которая при откусывании издавала хрустящий звук «ткац!», И за двадцать копеек можно было приобрести довольно большой кусочек такой кишки. У серого каравая в середине была дырочка, и этот хлеб, похожий на небольшое колесо, резался очень ровно, без крошек, с кругленькой горбушкой. Если такую красоту с ткацуной немного украсить горчицей, то бутерброд получался похожим на мечту. И эта мечта так реально пахла, что на голодной переменке можно было потерять сознание или вообще захлебнуться собственной слюной. Казалось, весь пролёт, даже стены вокруг буфета пропитаны запахом ткацуа с горчицей. Элементарно пройти мимо входной двери буфета, не обернувшись и не заглянув внутрь, совершенно не представлялось возможным!

Школьный буфет, если бы не был украшен таким неземным ароматом, в принципе, производил довольно тоскливое впечатление. Это было обычное классное помещение, разделённое вдоль стен на две половинки. В одной стояло несколько столов и стульев, которые просто занимали место. За них никто никогда не садился потому, что в буфете было слишком темно и неуютно. Там полностью даже очередь за ткацунками не помещалась. Все всегда ели на ходу – в полных коридорах, в школьном дворе, в классных комнатах, туалете. Во второй половине перегородженной классной комнаты за малюсеньким окном раздачи маячила лохматая буфетчица тётя Нази. Перед ней стояла огромная цинковая кастрюля с кипятком, в которой в мутной воде плавали эти самые ткацунки и большой тазик с уже нарезанным хлебом. Не успевали дозвонить последние ноты звонка на перемену, а перед окошечком уже стояла огромная визжащая и дерущаяся толпа страждущих. Страждущие принципиально не становились друг за другом. И главное – зачем?! Ведь так гораздо веселее!

Школьная форма мальчиков в целом позволяла принимать участие в потасовках. Упал, ну и упал. Умопомрачительно! Были даже весельчаки, которые с разбегу прыгали на сотоварищей, потом специально по ним сползали на пол и падали, чтоб было смешнее. Клёво! Пацанам всё можно! У них же брюки выше головы не задерутся! Дамам было сложнее. Школьные платья, не прикрывавшие даже колен,

могли остаться отдельно, а голое девичье тельце – отдельно! Тут, чтоб не остаться голодной, было три пути. Первый – протянув деньги, попросить кого-нибудь из одноклассников, чтоб «взял» «что-нибудь». Кстати – это был один из методов протестировать, питает ли к тебе что-нибудь лохматый красавец в серых штанах с клёшами от колен. Если он улыбнулся, взял деньги и с ещё большим усердием кинулся давиться – точно питает! Если оглядел с головы до ног и буркнул: «Самому мало!», – Значит, даме выпал фаул. Но так бывало редко. Обычно, даже если дама и не нравилась, было делом чести и принципа помочь девочке. А уж если вообще улыбнулся и сказал: Не надо! У меня есть деньги! Булочка тебе подойдёт? ...Тут уж весь буфет понимал, что они вынесли свои отношения на всеобщее обозрение. Значит, это серьёзно... Второй способ добыть пищу, очень опасный и чреватый, – всё же лезть самой в визжащий, накрывающий друг друга с головой водоворот из человеческих тел. Лезть самой в теловорот. Это делали только очень беспринципные и некрасивые девочки. В основном злющие, которые детдомовские. У которых ни ума, ни фантазии. И третий, самый верный – остаться голодной! Ну, или носить завтрак из дома. Так делали только аристократки. Они не бегали ни за ткацунами, ни за мальчиками. Они чинно подпирали стенки коридоров и, маленькими кусочками откусывая от своих пакетиков, медленно, без аппетита пережёвывали пищу. Но никакой холодный бутерброд не мог заменить ткацуну с горчи-

цей, и уж если кто-то из ребят «преподносил» даме сердца такой подарок, она никогда не отказывалась и съедала его, но тоже тщательно пережёвывая пищу и откусывая новые маленькие кусочки!

Аделаиде мама каждый день с первого класса продолжала из дома выдавать на завтрак яблоко. Аделаида уже видеть не могла даже на картинках эти самые яблоки. Её тошнило от одного их вида. Но из-за райского аромата ткацун, проникающего в самые потаённые места школьных закоулков, есть, особенно после второго урока, хотелось ужасно! Казалось, что в кишках кто-то сидит, совершенно живой и реально злоющий, дёргает за них, кусает желудок изнутри. И весь этот неуправляемый ливер беснуется, грозя большими разрушениями и даже выходом на свободу. Тогда Аделаида, преодолевая отвращение, с хрустом откусывала куски от зелёной кислятины. Мама объяснила однажды обмолвившейся Аделаиде, дескать – нельзя ли мне иметь для школы десять копеек в день? – Что она «брезгует буфетную грязь. Неизвестно как эта Нази моет кастрюлю. Может, она ходит в туалет, а потом грязными руками режет хлеб! А может, вообще ноги в ней моет! – Негодовала мама. – Она на учениках деньги делает, ты не понимаешь? Покупает за два рубля эти сосиски, а потом продаёт вам в десять раз дороже! Делать мне нечего, вашу Нази кормить!»

Перекусывай яблоком, – сказала тогда мама, – придёшь домой и хорошенько покушаешь!

Аделаида на каждой «большой перемене» молча «перекусывала яблоком», вдыхая трепещущими ноздрями совершенно неземной аромат горчицы с серым хлебом. После яблока есть обычно хотелось ещё сильнее и кишки раздувались так сильно, что их бурчание страшно отвлекало на уроке соседа по парте. Он пересел от неё на последнюю парту. Тогда Аделаида стала таскать из подвала под домом пыльные бутылки и регулярно сдавать их по дороге в школу в «Сергееву Будку». Старый дядя Сергей ругался, что бутылки грязные, но каждый раз всё-таки выдавал Аделаиде заработанные десять копеек.

Оказалось, это бешеные деньги, на которые можно доставить себе гораздо больше удовольствия, чем долгое сосание «конфетки», сделанной во рту из кусочка ароматной ткацунны.

Всё началось с того, что Ирка, та самая, у которой Аделаида однажды видела настоящие три рубля целой бумажкой, не доев бутерброд, стала заворачивать его в двойной тетрадный листик и засовывать в портфель.

Ой, что-то я уже наелась! – Сказала она. – Лучше домой отнесу, Вике.

Из этой фразы Аделаида не поняла практически ничего. Что означало слово «наелась»? Как можно ткацунной «наестся»?! Ткацун можно съесть всю цинковую кастрюлю тёти Нази и ещё хотеть. Едят для того, чтоб был приятный вкус во рту, и едят до тех пор, пока станет трудно дышать. По-

ка станет трудно дышать, можно съесть очень много! И что означали слова «отнесу Вике»?

Вика – это Иркина сестра, которая учится на несколько классов младше. Смены их не совпадали, поэтому, когда Ирка ещё была в школе, Вика уже бегала по двору, и потом наоборот. И ничего в этой Вике хорошего не было. Она даже не здоровалась. А вот Ирке, скорее всего, Вика нравилась. То она с ней ходила куда-то, то домашнее задание по рисованию ей делала. Теперь вот решила угостить. «Счастливая Вика! Приятно, наверное, когда тебе со школы вот просто так принесут домой настоящую сосиску, без Дня рожденья и без ничего! – Подумала Аделаида с тоской. – И не седьмое ноября, вообще ничего, а вот просто так! Вот возьмут и принесут!» Однако вдруг её осенила другая, не менее неожиданная мысль, прямо-таки открытие: «Но... но, может быть, ещё приятней вот просто самой взять и принести что-то кому-нибудь?! Была бы у меня кошка, я бы ей сосиску принесла! Сама бы залезла в очередь, никого бы просить не стала и принесла. И она бы ластилась ко мне, и хвостиком гладила! Но кошки нет... Никого нет... Только мама, но она «брезгует» грязные сосиски... папа... папа ест то, что даёт мама... А Сёма? Сёма – это мысль... он, пожалуй, съест... ой, как это я про него всё время забываю! А так здорово можно сделать! Вот буду я идти со школы домой. Сёма, наверное, будет во дворе играть с ребятами. Я его позову.

Говори, что надо? – Скажет он сердито, совсем как мама,

но это потому, что я его отвлеку от игры. Он-то ведь не догадывается, зачем я ему мешаю. Я его подзову к себе и... достану из портфеля такой сюрприз! Конечно, он схватит ткацуну прямо грязными руками, мама бы сильно поругала, но с каким удовольствием будет её есть! А с какой завистью будут смотреть на него «дворняги»! Конечно, у них у всех старшие братья, только у Сёмы сестра. Да, ещё которая его... его... как бы это сказать... наверное, любит...» Аделаида вдруг удивилась, что можно думать с такой нежностью о своём брате. Да, можно думать свободно самой, то есть совсем не потому, что родители каждое мгновение вдалбливают:

– Это твой единственный брат! Больше у тебя никого на свете нет и не будет. Ты должна его любить! Он должен быть тебе дороже всех!

Скорее всего – родители правы. Только не надо говорить, что любить надо а что-то, за то, например, что он – единственный на свете брат. Любить можно просто так. Не задумываясь, почему. Любить можно потому, что она помнит, как они с папой и детьми со двора играли напротив дома около стройки, срывали одуванчики, делали «парашюты» и бежали за ними, и ловили уносимые ветром пушистые семена. На Сёмке были голубые вязаные ползунки и беленький жакетик. У него была большая голова и белые волосы, торчащие ёжиком. Он хлопал в ладоши и заливался счастливым смехом, когда пушок пролетал мимо него и ему ни разу не удалось его поймать. Аделаида отдала ему свою семечку. Сём-

ка сжимал парашютик в пухлой, влажной ладони, потом раскрывал её, и от зонтика почти ничего не оставалось, кроме чёрной точки. Так он сидел с парашютиком от одуванчика в руке, раскачиваясь из стороны в сторону, потом вдруг подавшись вперёд, стал на четвереньки, потом на ноги и, шатаясь во все стороны, сделал два шага почти вперёд!

– Ходыт! Ходыт! – Закричал тогда папа, схватил Сёму и стал подбрасывать. Сёмка визжал от восторга, и изо рта его капали слюни...

С того дня он стал её тенью. Он ходил за ней молча. Скорее всего, даже не видя, просто по запаху, как ходят маленькие козлята. Он не мог произнести её полное имя и когда хотел что-то сказать, то по несколько раз повторял:

– Аида! Аида! Аида!..

– Что?

– Аида...

– Что?

– Ницово!

Ему не нужно было сообщить ей ничего весомого и сверхъестественного. Ему просто каждый раз хотелось убедиться, что старшая сестра, такая большая, сильная и умная, рядом – значит, всё в порядке!

– Ткауну на десять копеек! – Аделаида, зацепив за чьи-то ноги свои толстые тёмно-синие колготки, всё-таки пробралась к заветному окошечку в буфете.

Тётя Нази работала как слетевший с катушек робот-ав-

томат. Она за одну секунду отпускала троим или четверым жаждающим, работала обеими руками и каким-то непостижимым образом ещё отсчитывала мелочь.

Выстраданные хлеб с сосиской были в руках, и пять копеек сдачи в кармане. Что до порванных колготок – конечно, влетит, но ведь не впервой! Чтоб влетело, маме-то повода и не нужно!

Дальше день тянулся как начинка от сливовых карамелей. Аделаида сидела на последних уроках ещё более рассеянная, чем обычно. Она не слушала рассказ учителя, потому что уже рисовала картины двора, и от нетерпения так елозила ногами под партой, что ей сделали строгое замечание. Тут уже самой ещё сильнее захотелось есть. От ненавистного яблока во рту поминутно собиралась слюна и вообще казалось, что оно просто грызёт желудок изнутри. А завёрнутая в два тетрадных листа сосиска – зараза, несмотря на прекрасную упаковку, продолжала страшно пахнуть! От неё кружилась голова, слюни перестали проскальзывать в пищевод. Тогда Аделаида накрутила сверху ещё и носовой платок. Это помогло мало, но и школьные уроки уже подходили к концу.

А в кармане была сдача с удачной покупки – пятак. Жёлтый, круглый и большой. Самая большая денюжка, если не считать юбилейного рубля. Аделаида пол-урока тёрла его под партой об юбку, и он заблестел, заискрился, как настоящее золото. На него, если постараться, тоже что-то можно купить. Тогда получится как за обедом – и первое и второе,

только без ненавистного супа!

На последней переменке Ирка ела варёную кукурузу. Её прямо около школы каждый день продавали бабушки. Она покоилась горкой в коричневых эмалированных вёдрах. Бело-жёлтые початки с прожилками пестиков, похожих на волосы блондинок. «Горку» в ведре прикрывал мутный целлофан, или клеёнка со стола, а сверху ещё прикручивалось большое банное полотенце. Когда бабушка приподнимала эту шапку, поднимался густой пар.

Мама с папой никогда не покупали кукурузу на улице. Они говорили, что в эти вёдра бабки ночью и писают. Говорили, что бабки грязные, от них можно заразиться какой-то «холерой» и умереть в «страшных муках». Все одноклассники эту кукурузу у бабок ели, и никто из них от холеры не умер.

Несколько раз мама с папой сами дома варили кукурузу. Аделаида никак не могла дождаться, пока она сварится, тыкала её вилкой и громко хлопала крышкой. Потом перестала хлопать и стала красть из кастрюли полусырые кочаны и, обжигаясь, глодать с них кукурузу, спрятавшись в туалете, а из кочана высосала всю воду, и он стал сухим.

Кукуруза у бабушек стоила десять копеек. У Аделаиды осталось только пять.

Ир! – Аделаида решила провернуть дельце. – Продай мне пол кукурузы! Я тебе дам пять копеек!

Ирка недолго торговалась. Она подравняла зубами сере-

динку и разломила початок пополам, обдав Аделаиду солёными брызгами.

Аделаида домой летела! Ощущение радости наполняло её всю, как если бы... ну как если бы... ну, она даже не знает что!

Сёма действительно играл во дворе перед домом. Всё вышло почти так, как и рисовала себе Аделаида. Завистливые взгляды «дворняг» провожали в Сёмкино горло каждый миллиграмм ткацуны. Сёмка специально ел медленно, слизывая с грязных пальцев горчицу и крутился во все стороны. «Ну и ладно!.. – Аделаида не расстроилась. – У них есть братья, пусть они за ними и смотрят!»

С того дня Аделаида решила «ухаживать» за младшим братом и стала сдавать бутылки почти каждый день, благо их в подвале была целая куча. Один из соседей сверху мучался печенью и в невероятных количествах поглощал нарзан. На вырученные деньги она стала приносить Сёме съедобные «подарки». Сёма уже поджидал её после школы. Он с аппетитом ел, и снова убегал играть. Она была счастлива. Оказывается, что можно иметь смысл жизни, даже не имея кошки!

Длилась, однако, эта идиллия совсем недолго. До тех пор, пока мама, наконец, не заметила Аделаидино подозрительно счастливого выражения лица. Она потребовала объяснений. Как это так? Что-то доставляет Аделаиде несомненное удовольствие и это «что-то» исходит не от неё! Потом мама снова потребовала объяснений – откуда у Аделаиды деньги,

если они ей не дают. Но больше всего её рассердило именно само действо:

– Что ты таскаешь домой дрянь всякую?! Что ты позоришь меня перед людьми?!

– Что, у нас дома кушат ничаво ниэт?! – папа был вне себя! – Сасэды думают, что ми ребйнка нэ кормим! Што мой жена не готовит! А что тагда мой жена делает, а-а-а-а?! Может крэм на своё лицо дэлаэт?! (Что моя жена не готовит дома кушать?! И чем тогда она занимается?! Может крем на лицо мажет?!)

– Оказывается – носит и носит! Носит и носит! – Продолжала сердиться мама. – А я-то, глупая, не пойму: почему ребёнок стал так плохо кушать?! Давай, давай, отрави его! От тебя всё можно ожидать! Ты же ненормальная!

– Взаместатаво, чтобы на пэрэмэнэ павтарит уроки, пригатовица, сидыт в буфэтэ! У тебя яблок нэту?! Кушай, ну, сиди! Сматри, чтоб эта болше не било! Извинис сечаже пэрэд мамай!

– Но за что?!

– Как «что»?! Ти иво апазорила перед лудми! Значит мама дома ничаво нэ готовит, плахая хазяика, ми вам нэ кормим, капуту ти иво кормиш! Скажи сечаже: «Извини, мама!», скажи: «Эта больше нэ павтарица!» Тиш то принэсла? По матэматикэ спрашивали?

– Э-эх! Останешься за бортом! И все будут плевать в твою сторону! – Мама делала вид, что уходит в кухню, но топта-

лась на одном месте и ждала извинений.

Сёма стоял рядом и тоже с интересом ждал развязки. Он как бы даже и не расстроился, что больше ему не будут приносить сосиски. А, ну и что! Большое дело! Он маме скажет, она пошлёт папу и папа купит ему! Зато сейчас то, что происходит, гораздо интересней!

– Извини, мама! Я так больше никогда не буду! – Аделаида смотрела в пол.

– Даёш чеснаэ слово? – Папа, спасая поруганную честь жены, никак не мог унятьсь.

– Даю! – Голоса Аделаиды почти не было слышно.

– Нэ слышу! Что ти сказала?

– Сказала: «Даю!»

– Что за тон?! – Мама, почти ушедшая на кухню, снова развернулась обратно. Она прямо на глазах оскорблялась всё больше и глубже. – Ты посмотри, как ты со мной разговариваешь! Смени тон! Посмотри – как ты со мной разговариваешь и как ты с чужими разговариваешь! Я тебе не какая-нибудь там твоя дебильная подруга! Ты забываешься. Ты с матерью разговариваешь, а не с кем-нибудь на улице! Не «сказала даю», а говори нормально! Как тебя учили?!

– Мамочка! Извини меня, пожалуйста! Я так больше никогда не буду! Я даю честное слово исправиться.

– Хорошо! Чёрт с тобой! Поживём – увидим. Говори: что принесла? – Как обычно все беседы начинались или заканчивались вопросами о школьных успехах.

– Меня не спрашивали.

– Что значит «не спрашивали»?! Значит, была не готова! Была бы готова, подняла бы руку, тебя бы спросили! Значит – не занимаешься. Опять дурака валяешь. Сказала я тебе – останешься за бортом! Потом локти будешь кусать, но будет поздно!

И снова слово «борт» подействовал на Аделаиду магически...

Она летит к земле, раскинув руки и улыбаясь ощущению чудесной радости от свободного полёта... Хрустальный воздух смахивает с её лица слёзы.., И вот руки превращаются в огромные сильные крылья...

– Да она меня не слышит! – Мама готова была сорваться на крик и из последних сил сдерживала себя.

– Василий! Эта дура даже не слышит, о чём я говорю!

– Слышу! Мамочка! Извини меня, пожалуйста! – белые крылья за спиной исчезли. Аделаида снова в коридоре с круглыми часами на стене с золотистыми цифрами, стоит навтыжку перед мамой. – Я так больше никогда Не буду! Я даю честное слово исправиться и приносить только «пятёрки». Я сейчас переоденусь и сяду готовить уроки.

– Иди сперва жри! – Мама начала «успокаиваца», но пока нельзя было сдавать так сразу позиции, то есть надо было пока дать понять Аделаиде, что её «обида» пока не «отпустила».

Горелая вермишель была похожа на тот клей, который ей

подарил расклейщик афиш в спичечной коробочке, и которым она хотела склеить деревянную катушку, только с чёрными прожилками... Клейстер из «вермишол» (вермишели) расползался по нёбу и при глотании лез обратно. Аделаида залила «клей» томатной подливкой. Так получалось монолитней и скользило лучше.

Она ушла в свою комнату переодеваться.

Почему ей нельзя за кем-то ухаживать? Животных в доме держать ей не разрешают ни за что. Даже за «пятёрку» по химии. Правда, один раз, когда была помладше, Аделаиде так сильно захотелось кого-то приласкать, поцеловать, понюхать, что она пошла в курятник и выманила оттуда свою курицу Белку. Она подмышкой приволокла её домой, зажимая клюв пальцами, чтоб Белка не орала на весь двор. Дома Аделаида сперва сколько хотела целовала курицу в белые, жёсткие перья, потом посадила её с собой на диван. Белка тут же накакала жидкой зелёной кучкой прямо на ковёр, потом всё-таки вырвалась и начала метаться по квартире, скользя по красному крашеному полу и практически садясь на шпагат на поворотах. Белка отражалась в лакированной мебели, и казалось, что от Аделаидиной нечеловеческой любви пытается спастись бегством целое подворье. Так прошёл Аделаидин первый опыт по выражению чувств... Потом ещё Аделаида вспомнила, что хотела заботиться о человеке, что очень много лет назад, когда деда умер и бабуля осталась совсем одна с кошкой, которую звала Котик, она очень пере-

живала за бабулю и стала собирать для неё деньги в баночку от сметаны. В «овощном» за школой покупала длинные, как палочка, белые конфеты под названием «нуга». Аделаида сама их страшно любила. Ей даже нравилось, что они клеились к зубам, и рот потом невозможно было открыть. Тогда, давно, у Аделаиды даже два молочных зуба остались в этой самой «нуге». Было так смешно и совсем не больно! Так вот, она себе представляла, как к ней приедут бабуля с дедулей и у них не будет денюшек, а тут она достанет свою копилку из стеклянной банки из-под сметаны, полную денег, и как они обрадуются! Она, конечно, отдаст им все! Пусть делают с ними, что хотят! И потом ещё конфеты впридачу.

Однако баночка оказалась такой большой, а монетки так редко попадали ей в руки! Она всё не наполнялась и не наполнялась, и это было так обидно!

«Нугу» Аделаида аккуратно заворачивали в газетную бумагу и прятала на дно холодильника. Однажды, когда мама убирала холодильник и выгребла из-под завалов этот размякший и совершенно расплывшийся конгломерат, вот когда был скандал! На вопрос: «Как ты смела от меня что-то прятать в моём же доме?!» Аделаида так и не нашлась, что ответить.

– Потому, что это дом – мой! Поняла? Заруби себе на носу! И холодильник деда мне покупал на мои деньги! И в моём доме скрывать от меня деньги, вещи и устраивать тайники я не позволю! Вот когда у тебя будет свой дом, тогда делай

что хочешь! Хочешь – прячь, хочешь – доставай что хочешь! И вообще – это что за манера прятаться?! И от кого, спрашивается?! От матери?! Что ты постоянно от меня скрываешь? Так знаешь до чего можно докатиться?!

Какое это самое «другое», Аделаида не задумывалась, да ей и не было интересно, потому что скрывать-то она ничего не собиралась! И сейчас можно ответить честно. Что в этом плохого, если она хочет помочь?

– Потому что я жду, когда снова приедут бабуля и... – она запнулась, – и де... дедуля... и я бы им помогла... то есть – хотела угостить...

– Послушай, сволочь! – у мамы побелело лицо, но она не дала Аделаиду пощёчину, а собрала волю в кулак и обратилась с торжественно-разъяснительной речью. Она упёрла руки в бока и стала слегка раскачиваться:

– Деда умер! Он не приедет больше ни-ког-да! – Раздельно по слогам, доходчиво и твёрдо резала ножом мама. – Эта дрянь продала весь дом за шестнадцать тысяч и квартиру ещё за три. Пока деньги были, она вонючие билеты на ёлку купила. Как деньги прожрала – даже не позвонила ни разу. Эта сволочь тебе – дуре постаралась внушить, что любит тебя. Конечно! Любит! Ты ей нужна, как собаке пятая нога. Она плевать на тебя хотела. Ты ей нужна была только для того, чтоб ходить с тобой по улице, как с собачкой, ну, понимаешь, ходить с готовым, красивым ребёнком, чтоб на неё побольше внимания обращали. Она же всю жизнь только о се-

бе думала, как получше пожрать и побольше погулять. Она загнала деду в гроб... сволочь, которая, которая... – маму всё же несло. Губы её дрожали, и в их углах пузырилась белая пена. Она сопела, как если б пробежала стометровку без тренировки. Мама тогда ещё много чего говорила об «этой женщине», о том, какая она «мразь», а Аделаида «глупый ребёнок», которого «обмануть – раз плюнуть» и что её приручили как «вонючую уличную кошку» и «игрались» с ней от скуки. «Книг-то она не читает, – уже почти ласково объясняла мама. – Интеллекта-то нет! А ты, ду-у-у-ра, поверила!» – Мама в упоении никак не могла остановиться. Она взяла на себя грязную работу по открытию Аделаиде глаз на жизнь и, судя по всему, получала от этого безграничное удовольствие.

– Запомни – ты без меня никто! Ничтожество! Никому не нужное дерьмо! Меня не будет – сдохнешь в подворотне! Поэтому ты будешь такой, как я хочу тебя видеть! Ты создана мной. Ты – детище моего таланта, моих трудов. А ты специально что ли хочешь от меня избавиться? Хочешь, чтоб я умерла, а ты стала уличной? Ты же неуправляемая! Ты же никого не слушаешь! Я тебе объясняю, а ты – бабка твоя, да бабка твоя...

– Что я просила тогда? – Мама снова перешла в минор. Она стала с надрывом ломать руки.

– Что?! – в трагическом экстазе вопрошала мама, воздев влажные очи к небу. Упиваясь своим «горем», она чи-

тала как на сцене свой монолог, по силе воздействия достойный обращения минимум к спорткомплексу «Олимпийский», чего уж ей внимание раскрывшей от удивления рот глуповатой Аделаиды!

– Магнитофон попросила её отдать как память! Чтоб детские записи слушать! Когда мои дети были маленькими! Стихи рассказывали, песни пели... Что, я мать и не имею права слышать их голоса?! Но почему?! Кто ей дал право отбирать у меня голоса моих детей?! Не дала мне в тот раз магнитофон... Привезу, говорит, сама, привезу, вы же без машины. Не унизит – сдохнет! Ей надо было подчеркнуть, что мы – бедные, у нас нет машины. А она теперь богатая! Мужа в гроб загнала, всё! Теперь машина её. И деньги её, и машина её, всё её, а человека уже нет! И где магнитофон? Где он?! Где, я спрашиваю?! Ни сама не привезла, ни мне не дала! Ведь выбросит же, дрянь такая, мои дети там поют... такие хорошие стихи о маме декламируют...

Аделаида помнила тот магнитофон: квадратный, довольно забавный ящик, похожий на их радио «Аккорд» с деревянной крышкой и железной подпоркой. Магнитофон назывался «Днипро – 11» и на нём были большие, квадратные, похожие на куски рафинада переключатели: «быстрая перемотка», «стоп» «воспроизведение» и другие. Кода деда был жив, они с Сёмой «записывались в микрофон». Сёма читал Чуковского:

Ехали медведи на велосипеде... и дальше до конца:

Шишка отскочила прямо мишке в лоб,
Мишка рассердил и ногою топ!

Маленький Сёма на ленте особенно выразительно произносил слово «Топ!» Папа смеялся от всей души, как не позволял себе смеяться никогда. И вот сколько раз он перематывал это самое «топ!», столько раз заливался безудержным, счастливым смехом. Но сама Аделаида не любила прослушивать эти записи. Потому, что, во-первых, тогда это ещё было до операции на гландах и она когда говорит, то задыхается и голос глухой и грубый, во-вторых – потому, что это было тогда, в том Большом Городе, в тёплой квартирке с облупленной входной дверью. Три ступеньки вниз... вот мы и дома! Живая ёлка в углу комнаты, вокруг неё детская почти настоящая железная дорога. Рельсы, мостик, крошечные картонные домики с красными крышами. В них, наверное, живут маленькие люди. И, конечно же, когда все вокруг ночью спят, они выходят из своих домов, поливают нарисованные цветы, украшают свои ёлочки...

Да, действительно, Аделаида после той встречи в цирке бабулю больше не видела. Это тогда, когда папа кричал, наверное, чтоб понравилось маме, потому что на самом деле ему было всё равно:

– Я ви эту праклятую машину нэ сиаду! Я вазму Сёмочку и уйду. А ви что хатитэ – дэлайте!

Аделаида никогда не задумывалась ни о длине, ни о переплетении ветвей генеалогического древа. С родственниками они теперь практически перестали общаться, и вопрос хитросплетений браков и фамилий её даже не интересовал. Степень родства и такие названия как «тёща», «двоюродный брат», «сводная сестра» ей совершенно ни о чём не говорили. Она даже путала термины «вышла замуж» и «женился». Но... Не так давно Аделаида совершенно случайно выяснила, что бабуля и дедуля у других людей – это родители или папы, или мамы. Папиного отца, который один раз приезжал с родственниками из деревни, она всё ещё помнила. Это был другой дед. Значит, бабуля и дедуля – мамины? Деду мама любила и всегда отзывалась о нём хорошо. Плакала, когда он умер. Хотела на память его магнитофон «Днипро – 11». Но маму, то есть бабулю, она, кажется, совсем не любила, иначе – как она может свою маму называть «эта женщина»?! Наоборот – они должны дружить. Папа же говорит «Ви дальжни бит как самии близкие падруги»! (Как самые близкие подруги.) Так это я со своей мамой должна, а что ж мама со своей не такие уж «самии»?! У них в домах всё-всё одинаковое. И дома такая вся спальня и кровать, и у бабули, и всякие гардеробы, трельяжи, ковры, холодильник и вообще всё. Значит – они всегда всё вместе покупали. И даже если они поссорились! Ну, и что? Вон сколько раз они с мамой и ссорились и мирились, ну и что? Всё это понятно, если только... если только... может это... вообще не её мама?!

Аделаида не раз видела, правда, не в реальной жизни, а в кино, что некоторые мужчины могут остаться жить в доме, где у женщины уже есть свой ребёнок, но без отца. Чужой мужчина остаётся там, и вроде как у ребёнка снова есть отец, но другой, новый. Но тогда получалось, что бабуля – мама её, а деда – папа не её! Однако этого не могло быть! Значит... Значит так: всё наоборот. У маминого папы, то есть у деды, уже была дочка, когда к ним пришла жить бабуля. Так что получается: у мамы была не мама, а мачеха?! Бабуля, конечно, хорошая, но она – не родная мама?! Мама жила в доме с мачехой? Но мачехи хорошими не бывают! Есть даже такое растение – мать-и-мачеха. У него там, где пушистая и ласковая сторона – мать, то есть мама, а там, где холодная и жёсткая – мачеха. Так бабуля – мать или мачеха?! Тут Аделаида внезапно вспомнила настолько часто повторяемые слова папы, что смысл их её никогда не волновал, они словно скользили по ушам и падали на землю:

– Знаэш какой у мамы била тяжёлое дэтства, а ты ево ещо мучаэш! Она из-за тэбя бальная! Зачэм долго мучаэш?! Вазьми одын раз палкай па галове бэй, канчай! Как тэбэ нэ стидно! Такой тажэлая дэство, ти ещо дабавляэш! (Знаэш, какое у мамы тяжёлое детство было, а ты её ещё мучаешь! Зачем долго мучаешь? Возьми, один раз палкой по голове ударь и заканчивай. Как тебе не стыдно?!)

Ох, знала бы сейчас мама, о чём она думает, сидя над раскрытым учебником...

Аделаиду стали душить рыдания. Ей действительно стало страшно стыдно, что всё мамино горе и все её несчастья – это она! Она вдруг совершенно ясно увидела перед собой несчастную маленькую Золушку, которую замучила злая мачеха. Она била её и наказывала, ставила в угол и трепала за волосы. А она плакала... Золушка, медленно меняя черты, перетекала то в мамуленьку, то возвращалась в Золушку. Ей захотелось броситься маме на шею, и целовать, целовать её! Захотелось утешить её, сказать что-нибудь нежное, ласковое, тем более и папа всегда говорил «ви дальжни бить падругами!» Так кто ж пожалеет и приласкает, если не самая близкая подруга?!

– Мамочка! – Поддавшись сильнейшему душевному порыву, кинулась Аделаида к наклонившейся над стопкой тетрадей спине, к такой родной клетчатой шали. – Мамочка! Как я тебя люблю!

– Ты чего? – Мама несколько секунд дала себя пообнимать и отстранилась. – Что случилось? Что-нибудь случилось? Что это за наскоки такие?! «Мужик и ахнуть не успел, как на него медведь напал» – из-под очков на Аделаиду смотрели строгие холодные глаза. – Ты что, белены объелась? А-а, понятно! – На маму нашло озарение. – Сегодня вторник и папа был в школе. Небось, «четвёрок» нахватала? Теперь подлизываешься? Тебе это не поможет. Я тебя, предупреждала... И вообще – как ты стоишь?! Как стоишь, я тебя спрашиваю? Убери волосы со лба. И не сутулься! Посмот-

ри, посмотри на себя в зеркало! На кого ты вообще похожа?! Слушай, ты не понимаешь, что заставляешь меня выходить из себя?! Тебе не стыдно?! Тебе не стыдно, я тебя спрашиваю?! Так нахвatala «четвёрок»? Отвечай. С тобой же разговариваю!

Не нахвatala... – Аделаиде уже не так сильно хотелось кинуться к маме на шею, но сочувствие и желание узнать хоть что-то из жизни мамы, чтоб выяснить: действительно ли только Аделаида виновата в её болезни, или может ещё и злая мачеха, было столь велико, что она пошла на хитрость.

– Мам! А что такое «крёстная»? – издаleка начала она.

– Какая?! – Маму уже не интересовали тетради её учеников. Она отодвинулась от стола и, повернувшись к Аделаиде, выключила настольную лампу. – Ты где таких слов вообще набралась?! Где ты этого нахвatalась?!

Совeсть Аделаиды была совершенно чиста, потому что «нахвatalась» она прямо в классе во время урока.

– Да сегодня нам задали придумать задачу по математике и Наташка Курица...

– Это которая Курилова, что ли? – Мама никогда не теряла случая продемонстрировать свою осведомлённость.

– Да. Так вот, Курица придумала в задаче, что у папы в руке было четыре розы, а у её «крёстной» то ли больше, то ли меньше. Только ей договорить не дали, дети стали смеяться и потом учительница вызвала директора. Наверное, завтра вызовут и Наташкину мать в школу, потому, что хотят

узнать – откудова...

– ...Не «откудова», а «откуда»!

– Да! Откуда Курилова такие слова знает. Я вот подумала, – Аделаида задумчиво посмотрела в сторону, – раз уж я это слово всё равно слышала, то можно у тебя спросить: бабуля не настоящая твоя мама? Она наверное твоя крёстная? То есть мама, но не совсем.

Впервые в жизни Аделаида увидела, что мама сидит с открытым ртом и не знает, как себя повести. Сперва она сделала глубокий вдох, чтоб накричать на неё и в очередной раз напомнить о её прямых обязанностях – учиться. Однако, если же всё это происходило прямо в классе и большая часть вины лежит не на Аделаиде, а на Куриловой. Кстати, надо Аделаиде строго-настрого запретить с ней общаться, потому, что Курилова не из благонадёжной семьи, если не сказать больше. Вероятно, на этот раз ей, как учителю, надо что-то хоть поверхностно, но разъяснить... и эти вопросы про «мать» – «не мать». Ужас!

– Хорошо!.. – Строго начала мама. – Раньше, когда люди были ещё очень тёмные и верили в бога, они «крестились» в церкви и «крестили» своих детей. Этих маленьких детей раздевали и клали в холодную воду в церкви прямо в специальное ведро, А потом им обстригали волосы, и это называлось его «постригли». Но это не парикмахерская стрижка, а специальная. Так вот, кто всё это делал, и назывался «крёстный» или «крёстная».

– «Крёстная» что? Мать?

– Мать у нормального человека одна. Просто «крёстная»!

– Бабуля твоя неродная мать, она просто твоя «крёстная»? – Аделаида выпалила эту фразу и сама испугалась. Но было поздно. Как говорится – слово не воробей, вылетит – не поймаешь! Она стояла молча рядом, боясь заглянуть матери в лицо, опустив голову, и ожидая крика или удара.

Мама не любила, когда с ней заговаривали. Она могла заговорить сама, когда считала это нужным и исключительно на тему, которая нравилась ей. Мама исключительно сама могла породить бурную радость или погрузить в отчаяние. Было совершенно недопустимо, чтоб кто-то испытывал радость или какое-то другое чувство, не относящееся к маме. Никто не имел права затевать беседы, заранее зная, что маме эта тема может быть неприятна! Однако на этот раз, как ни странно, мама не швырнула тетради на пол, не затопала ногами и не схватила Аделаиду за волосы. Она даже каким-то радостным голосом произнесла:

– Да-а! Она мне не мать! И деда мне был не отец! Деда – просто дядя, младший брат моего отца! Я – си-ро-та! Поняла? Нет у меня и не было ни отца, ни матери! Деда меня пожалел и не отдал в детдом. Они мне вообще-то никто! Но деда был очень хороший человек и любил меня, а эта сволочь убила его! Будь она проклята и чтоб она сдохла! Моя так называемая мать бросила меня и сбежала, когда мне было всего два года. Мой папа женился на её подруге и привёл в дом ма-

чеху. Я росла с мачехой. Знаешь, какое у меня тяжёлое детство было! Да! Я росла с мачехой! Мой папа знаешь, какую должность большую занимал? И ещё был красавец! Когда он проходил по улице, на него все женщины оборачивались! Ещё такая красивая форма военная на нём была! Он работал в НКВД, а потом стал парторгом целого завода! Ты знаешь, что такое НКВД?! Это был такой партийный аппарат, который выявлял внутренних врагов Советской власти и наказывал их. А потом на него настоящие враги народа написали донос, его арестовали и расстреляли! Прямо ночью пришли и забрали! Поняла?! – Мама снова входила в раж. – А моя настоящая мать – стерва и шлюха! Бросила меня и сбежала куда-то. Смотри, смотри, – мама кинулась к шкафу, где в белой сумочке лежали документы, – на, на... – мама хватала все подряд, раскрывала и швыряла на кровать. – Вот смотри: моё свидетельство о рождении. Метрика! Смотри – в графе «мать» стоит прочерк! Ни имени её, ни фамилии, ничего нет! Потому что нет у меня матери и никогда не было! И имени ни знать, ни слышать не хочу! Потаскуха, стерва, дрянь такая! Бросила меня! Бедный мой папа женился, чтоб привести в дом женщину, которая бы ухаживала за мной! Я росла с мачехой, ни ласки, ни любви не видела! Как в поле травиночка! А ты на всём готовом! Чего только у тебя нет, что только я для тебя не делаю – разрываюсь на куски! Разбиваюсь в лепёшку. Ты же ничего не ценишь, как будто всё так и должно быть! Тебе на всё наплевать! Львиная доля мо-

ей болезни – на тебе! Ты – наглый, мерзкий потребитель. Всё тебе, тебе и тебе. А от тебя никакой отдачи! Никакой! Всё, что в тебя вложено, как в прорву, в бездонный колодец. Тебе всё мало. Я десять лет лечилась, чтоб тебя родить! Каждый день уколы, уколы, уколы! Я так устала! Чтоб ты сдохла, Аделаида, а! Как ты меня мучаешь! Вот если б ты росла, как я, с мачехой! – Мама плавно перетекла в привычное русло. Финал Аделаида почти не слышала. Слишком много одновременно и без подготовки свалилось на её голову.

«Си-ро-та! Си-ро-та, – стучало в её мозгу, – бедная моя мамочка си-ро-та! И деда, оказывается, не папа. Значит – не родной деда. Но это значение не имеет, и совсем не потому, что его больше нет. Потому, что невозможно было бы любить его больше, если б он был даже сто раз маминым папой, а не просто папиным братом». Мама всё говорила что-то. То кричала, то понижала голос. Вдруг у Аделаиды в голове зашевелились какие-то воспоминания, словно она поняла что-то, что-то давно сказанное, и, казалось, совсем забытое. Она почувствовала, как в её коленках «заиграл нарзан». Именно такое ощущение у неё бывало, когда она случайно во дворе видела у кого-нибудь разбитую в кровь коленку. Она прямо сама почувствовала, как расширяются её глаза. Она читала, что человек, когда удивляется, его глаза расширяются и как бы становятся выпученными. Обычно в книгах так и описывали удивление или испуг: «Он стоял с выпученными глазами». Но как это бывает на самом деле,

и что при этом чувствуешь, Аделаида поняла только сейчас: Так вот о чём хотел сказать мне деда тогда на пляже, когда подарил книжку! Вот что он имел в виду, когда сказал «я не совсем твой»! Вот она – тайна и раскрылась... Совсем случайно и неожиданно. И очень грустно... Тогда понятно, почему бабуля – «эта женщина». Потому что она нам вообще никто! Просто дом продала и магнитофон «Днипро – 11» не отдаёт!

Но эти мысли занимали Аделаиду не очень долго. С совсем недавних пор её стали занимать совсем другие мысли и она научилась быстро на них перескакивать, когда начиналось что-то неприятное.

Глава 3

С возрастом оказалось, что проблемы вовсе не начинаются и не заканчиваются уроками и успехами в школе в целом. Оказывается, есть вещи, ну, если не гораздо более страшные, чем четвертные оценки, то, во всяком случае – вовсе не уступающие им по своим моральным ценностям.

Когда Аделаида была маленькой, существование двух, как выяснилось позже, «противоположных» полов её не очень интересовало. И тем более её не интересовало, чем уж эти «полы» или «пола» были так уж сильно «противоположны»? Ноги у этих «полов» есть и у тех и у этих, руки есть, одна голова, «полы» работают, едят, женятся. Почему, однако, и «те» и «противоположные»? В её понимании всё различие сводилось исключительно к относительно свободно-му выбору одежды у мужчин и гораздо более ущемлённому у женщин. А во всём остальном в Конституции СССР сказано: «Права мужчин и женщин равны». И в школе по истории именно так и проходили: «Великая Октябрьская социалистическая революция сравняла права мужчин и женщин», хотя Аделаида не полностью понимала, почему это, собственно, тема для беседы? Ведь и мужчины и женщины – люди!

Но раз так в школе проходили, значит, были какие-то другие, дореволюционные времена, когда женщинам всё-таки

жилось туго. «А не то ли это время, – глубоко вдумывалась Аделаида, – когда женщин сжигали на кострах, а участковые милиционеры закрывали на это глаза?! Это когда эти «бесноватые» заходили на «э-ша-фот» и их там сжигали. Да, пожалуй, то время! Но как хорошо, что произошла революция и женщин, скорее всего, уже не жгут, и зря мама тогда её пугала! А может, не пугала, а шутила? Ну, не важно! Важно, что в их Городе женщин точно не жгут. Ну, по крайней мере, Аделаида этого не видела. И всё-таки, если присмотреться и подумать, получается, что различий всё-таки больше, чем в одежде.

Равные права, как обещано в Конституции СССР, на деле оказались не только «не равными», а диаметрально противоположными!

Мужчины могли позволить себе выходить во двор в облезлых спортивных подштанниках без майки или рубашки. При этом их висячии, покрытые седоватой шерстью животы никого не смущали. Но ни в какую жару мужчина бы не надел шорты! Мужчину в шортах могли бы сдать в психиатрическую больницу. Выходило – с обнажённым торсом и сиськами можно, а с обнажёнными икрами – нельзя! Почему? А женщины вообще продолжали подметать уличную пыль подолами суконных чёрных юбок. Никакая мода не работала в их Городе. Аделаида лично о моде знала очень многое, потому что мама выписывала журнал «Работница», и там в каждом номере были замечательные вкладыши, они на-

зывались «бесплатное приложение». Так вот в этих «бесплатных приложениях» к журналу «Работница» были совершенно замечательные выкройки: то юбок-«восьмиклинок», то «годэ», то предлагалось сшить на лето «весёленький сарафанчик» с открытой спиной... А ведь действительно – где-то же жили люди, то есть женщины, которые шили себе по этим выкройкам именно такие «весёлые летние сарафанчики с открытой спиной»! Или был вообще маразм – «юбка-брюки». Ага! Женщина и «брюки!» У них в Городе, чем юбка была длиннее, тем женщина была уважаемей. Стриженная женщина тоже не производила благонадёжного впечатления. Волосы должны были быть натурального цвета, – чёрные, так чёрные, седые так седые, длинными, стянутыми на затылке в тугой пучок – «дулю». Но именно в этом аспекте с волосами женщины всё-таки выигрывали, потому что мужчины практически все были лысыми и носили тёмные кепки. Маленьким девочкам вместо настоящей «дули» не возбранялось носить «конский хвост». Такая затягивающая волосы конструкция на голове, оканчивающаяся резинкой, нарезанной из лопнувшего «баллона» от велосипедного колеса. Когда снимаешь резинку, волосы в ней путаются, прилипают и потом надо её выдёргивать вместе с ними.

У Аделаиды тоже был тугой «хвост». Хоть очень жидкий и ломкий, но был. Она его каждое утро сооружала себе на голове. Но потом приходила мама, снова распускала ей волосы, снова причёсывала, заодно контролируя – нет ли в во-

лосах непрочёсанных участков, а если были – она их выдёргивала прямо гребнем и затягивала «хвост» как можно туже. Кстати, место прикрепления «хвоста» было постоянным! «Хвост» не имел права располагаться ни справа, ни слева, ни ближе к основанию черепа. Он должен был быть строго на макушке. Если «хвост» был ниже, то волосы могли рассыпаться по плечам, и у кого-то могла возникнуть мысль, что они вовсе не собраны, а распущены. Конечно же, ключевое слово здесь было «распущенность».

В среду утром мама, уходя из дому, строго-настрого приказала:

– Мне надо идти. Сама причешешься. И смотри, чтоб аккурратно! Поняла?

– Поняла!

Урр-ра! Мама уходит!

Когда мамы не бывало дома, Аделаида расслаблялась до безобразия! За те курьи какашки на ковре, когда она притащила домой Белку из курятника, ей сильно досталось! Но эти приступы любви к курам и Сёме были в далёком прошлом. Теперь в голову лезло совсем другое. Нет, не то, чтобы новые мысли совсем не давали ей покоя. Она вообще меньше всех из класса думала и обсуждала «эту» тему. Она понимала, что тема совершенно неприличная и нехорошая. К счастью, она Аделаиду и не очень-то интересовала. Не то, что других девчонок! Хотя, конечно, если постоянно кто-то долдонит о мальчиках, то хочешь, не хочешь – заинтересуешь-

ся, начнёшь прислушиваться и обнаруживать у жизни очень тёмные стороны. Даже темнее математики с Малиной.

У Ольки, которая сидит на предпоследней парте, есть старшая сестра. Та вообще учится в школе плохо и только собой и занимается. С ушей какие-то спирали свесила, и про неё говорят, что это «локоны». Во-первых, нет слова «локоны», а есть «коконы», то есть «кокон» — это такой домик, в котором ночует всю зиму гусеница, а летом выползает бабочка. Да, то, что свисает у неё с ушей, на коконы похоже по цвету, но так ли это красиво на самом деле? И все эти коконы, оказывается, Олькина сестра делает, чтоб, как говорят, «понравиться мальчикам»! Зачем? Зачем ей надо всем мальчикам нравиться?! Когда кто-то захочет жениться — и без кокона женится. Так ведь нет! И вот он, результат! Теперь Олька сама стала приходить в школу в какой-то серой юбке с красной «змейкой» впереди, которая застёгивается на красную пуговицу. Ужас! Из всей тёмной одежды на Ольке только эта красная «змейка» в глаза бросается. Ни за что бы такую себе не приделала! Хотя... хотя, возможно, это красиво, и если б у Аделаиды была такая юбка с красной пуговицей, она бы её тоже носила. Всё та же самая Олька, когда к её сестре приходят в гости одноклассницы, сидит вместе с ними в комнате и слушает все их разговоры. Действительно, правильно говорит мама: куда их родители смотрят? Если они там о чём-то шушукуются, значит, у них двери закрыты? Ещё Олька говорила — иногда и мальчишки

приходят! Обалдеть! На той неделе у сестры был День рождения, и Олька говорит, пришёл весь её класс! Не как к Аделаиде, по приглашению и по списку девочки, а все, кто хотел. Когда у Аделаиды был день рождения, они с мамой составляли «список приглашённых лиц», потом Аделаида надписывала «приглашения» и вот по ним в назначенный день одноклассницы тонкой струйкой текли к её крыльцу. А тут весь класс! Так куда они все уместились? У них комнат в два раза меньше, чем у мамы с папой! И Олькина сестра устроила танцы с мальчишками! Они танцевали «медленный танец», и мальчишки клали руки им на талию! Да, Олька сама рассказывала! И, ой, вообще кошмар – Ольку тоже пригласил танцевать какой-то Славик Ивановский по кличке Спец, от которого все девчонки в школе были без ума, и Олька на следующий день вся румяная от восторга всем хвасталась, что танцевала со Спецем! «Да, я бы ни за что и не пошла танцевать ни со Спецем, ни с Мишкой Хохловым, ни с кем вообще! – Аделаида рисовала в уме картины своего парного танца, и у неё под носом потела верхняя губа. – Сто лет мне это не надо! „Руки на талию“ кладут... а на одной талии целых три жировые складки. Три на одной! И как после этого танцевать, зная, что какой-нибудь „Спец“, чтоб не упасть, держится за одну из них?! Ну, уж нет! Ни за что!»

В своё время именно Олька и просветила одноклассниц, откуда берутся женщины с огромными уродливыми животами, медлительные и тупые, как бегемотихи в Ниле. Они

все ходят по городу и то складывают руки на свои животы, как если б это были парты или столы, то поглаживают их по меридианам и параллелям. У них у всех сальные волосы и очень некрасивые толстые лица. Им уступают дорогу и место в автобусе. Такое чувство, что существуют не мужчины и женщины, а мужчины, женщины и человекообразные «беременные»! Эти самые «беременные» не носят трусов и у них вырастают огромные сиськи. Так вот, нормальные женщины, как выяснилось, становятся беременными после того как поспят со своими мужьями всю ночь в одной постели. «Не обязательно с мужем, – шёпотом вещала Ольга, – она может переспать просто с мужчиной, который живёт отдельно, и тоже забеременеет». То есть – «забеременеть» можно от любого мужчины, даже не выходя замуж! И Ольга, совершенно не стесняясь, в раздевалке на физкультуре всем девчонкам рассказала, как именно это делается... Что там есть у мужчин под животом, где заканчивается внутри то, что есть у женщин... «Так вот почему та женщина оставила в садике того ребёнка, по которому ползали мухи! – Аделаидин мозг напряжённо заработал. – Потому что она переспала не со своим мужем, а с другим, и её собственный муж, скорее всего, того ребёнка и заставил положить в садике под куст, чтоб его тот другой мужчина забрал себе! Но тот мужчина, скорее всего, его не нашёл, и потому ребёнок умер. Может, он вообще в другом садике искал своего ребёнка?!» – От этих мыслей голова шла кругом, казалось, что выпачкал-

ся в говне и хотелось побыстрее от просветления отделаться.

Аделаида, конечно, различала «симпатичный мальчик» и «не симпатичный». Только, собственно, зачем? «Симпатичные» и «не симпатичные» были ей одинаково неприятны. Это они потом вырастали и не хотели забирать себе детей, которых женщина могла принести от другого мужчины домой. Не дразнились бы «жир-хоз-комбинат» эти «симпатичные – не симпатичные» и ладно! Хотя... хотя на «симпатичных» хотелось иногда посмотреть. Они, в отличие от «не симпатичных», дразнились гораздо реже. Как будто были больше заняты. На них можно было смотреть. Не то, чтобы хотелось им понравиться, с ними просто можно было разговаривать. Вот разговаривая с «симпатичным», возможно, и где-то и самой хотелось выглядеть получше.воротничок там чистый пришить к школьной форме, или гольфы надеть с рисунком. Но, чтоб выглядеть немного получше, прежде всего надо было себя изучать. Смотреть в зеркало и оценивать, что на себе можно такое изменить, чтоб «исправить палажении», как говорил папа? Пуговицу на чёрном фартуке заменить с большой белой от наволочки хотя бы на тёмно-серую, застирать на школьной форме подмышками белые разводы, ну или ещё что-нибудь такое сделать. Но изучать себя так пристально можно исключительно в те минуты, когда дома никого нет. Если б папа или мама увидели, как Аделаида стоит несколько минут кряду перед зеркалом, ей бы это так просто не прошло. Зато в те редкие минуты,

когда они куда-то уходят, можно себе позволить даже посидеть перед зеркалом с распущенными волосами, разглядывая с интересом своё отражение. Однажды она вот так сидела-сидела, а потом вообще учудила: накрасила маминой помадой себе щёки и губы! Было очень красиво!

Пришли родители. Она вместо того, чтоб кинуться всё это смывать, стала рассекать по квартире, страшно себе нравясь и как бы призывая маму с папой разделить её преображение. Однако усталые от забот мама с папой вместо того, чтоб оценить всю красоту макияжа, ударились в панику:

– Василий! Посмотри, какая она красная!

Аделаида, пока не чувствуя нависшей над ней опасности, продолжала ходить по квартире с загадочным видом.

– У неё температура! – Мама паниковала всё сильнее. – Давай, ставь воду, надо ей почистить желудок! – в маме ничего не менялось. Безобидное на первый взгляд «почистить желудок», естественно, означало переход к мамину универсальному методу лечения от всех болезней – к тёмно-синей резиновой клизме с длинным, тощим шлангом. Только тут Аделаида поняла, что она сотворила, но предпочла выдержать омерзительно пахнущую ромашкой клизму, чем сознаться в такой «распушенности», как помада на лице! Гораздо безопасней было выдержать мамину истерику по поводу того, что она уже «взрослая девочка», но «так и не научилась за собой смотреть», что «всё время простуживается» и у мамы «все силы уходят только на её лечение»:

– Ва-си-лий! Вода не идёт хорошо! Подними выше! Подними, я тебе сказала! Ты же вентиль не открыл! Открой вентиль!!! Убиваешь ты меня, убиваешь!.. Сейчас мне самой станет плохо! – нет, клизма ближе и роднее, чем неизвестно сколько месяцев выслушивать о роли «скромности и целомудрия» в развитии «порядочной, домашней девушки».

Аделаида очень хорошо запомнила тот случай.

Только, сколько раз можно лупасить себе по лбу одними и теми же граблями?!

Так вот в ту среду, оставшись один на один со своим отображением в зеркале, Аделаида принялась за старое. Она усе-лась перед трельяжем, снова распустила по плечам волосы, надела очки и стала разглядывать давно надоевший образ. Ба! Однако, на ней появилось и кое-что новое! «Ох! Только бы ничего с собой не сделать, как в прошлый раз, а то снова будут лечить клизмой! Или будут как в позапрошлый!..»

Она вдруг вспомнила, что «позапрошлый» был ещё страшнее, чем «прошлый».

К своим, как положено «девочки», «круглим» плечам, прыщавому лбу и трём складкам там, где по логике должна была находится талия, она увидела не совсем приглядные новшества. Кстати, как интересно! Талии как не было никогда, так и нет. Даже больше стало!.. Вот они в зеркале, толстые стёкла очков... Правда, это ничего? Говорят, близорукость можно вылечить. Когда вырасту, обязательно вылечу! Лоб... лоб... да, прыщи на лбу не скроешь! Их, кажется,

стало меньше? Или больше? Ну, во всяком случае, они уже не такие сильно красные... Или сильно красные?..

Аделаида в задумчивости пожевала нижнюю губу. Тут её вдруг осенило:

Если нельзя закрасить прыщи, то ведь чёлкой – то их прикрыть можно!

Не долго сомневаясь, она притащила из кухни ножницы, опустила клок волос на глаза и вслепую оттяпала себе чёлку.

Она вышла кривой и почему-то оказалась гораздо короче, чем хотелось бы, но бордовые прыщи с белыми головками вполне прикрыла!

В классе все заметили Аделаидино преобразование.

По неписанному закону, если у что-то было не как всегда, надо подходить, бить по голове и поздравлять:

Первый день!

Бить не обязательно сильно, кто как хочет.

«Первый день!» – Это традиция всей школы. Он отмечался по любому поводу. Если это были туфли – вместе с криком: «Первый день!» на ногу необходимо было наступить. Если брюки или юбка – дать пенделя под зад. То есть – каждый ученик должен был ещё хорошо подумать – готов ли он прийти в школу в чём-то новом? К последним урокам «поздравляли» уже все, и Аделаида почти забыла о своих попытках по устранению своих внешних недостатков. Шла домой она очень смело, потому что получила две «пятёрки» и на радостях совсем забыла о чёлке на пол лба.

На этот раз у мамы дежурная фраза: – Что принесла? – Так и осталась не произнесённой.

– Я тебе сказала причесаться, а ты чёлку отрезала?! – Мама стала тщательно обтирать руки об фартук.

Мама вообще очень любила это резкое слово «отрезать». Она с таким удовольствием произносила сразу две звонкие гласные «р» и «з»! Про крой материала она говорила «порrrrrреззззала», чёлку тоже «порrrrrреззззала», палец при любой травме тоже был исключительно «порrrrrреззззан». У неё вообще был свой язык. Мама в разговорной речи употребляла исключительно те слова, которые именно она считала нужным, совершенно не заботясь о том, действительно ли они раскрывают смысл сказанного. Все простые электрические лампы и лампочки были «плафонами». Смерть по любой причине человека, которому она относительно симпатизировала, «гибель». Мама так и говорила об умершем в больнице от инфаркта: «Он погиб!»

– Мама, почему «погиб»?! Его же не застрелили из-за угла?! Он болел и умер!

– Нет, погиб! – Мама, как всегда «лучше знала». – Его довели до инфаркта, и он погиб! Вот и я из-за тебя погибаю! Скоро и у меня будет инфаркт и я погибну, а ты останешься без матери! Ну ты же этого хочешь?!

Посуда у мамы ни в коем случае не «разбитая», только «поломанная». И никто во всём мире не смог бы её заставить сказать: чёлку «постригла», юбку «покроила», палец «при-

щемила», человек «умер», посуда «разбилась», лампа – просто «лампа»!

Как ни странно, но от вида «отрезанной чёлки» мама потёрла руки фартуком и довольно быстро успокоилась. Всё могло бы закончиться гораздо хуже. Конечно, она провела интенсивную профилактическую беседу, но в конце объявила:

– Раз так, пошли в парикмахерскую! Я устала подбирать с пола твои волосы! Падают и падают. Падают и падают! Волос меньше станет, может, и перхоть вылечится!

А вот на такой хеппи-энд Аделаида совсем не рассчитывала! Стричься она совсем не хотела! Она хотела «отпускать» волосы.

– Под «мальчишку»! – приказала мама молодящейся парикмахерше в «Салоне красоты», с оранжевыми волосами и синими тенями над и под глазами.

Парикмахерша чуть не задушила её простынёй, которая была вся в разноцветных ошмётках волос, и стала железной гребёнкой поднимать прядки, зажимать их между указательным и средним пальцем и острыми ножницами с удовольствием оттяпывать. Волосы, как осенние листья, бесшумно опадали сперва на простынь, а потом грустно по складкам скатывались с неё на пол.

– У неё волосы очень тонкие и жидкие. Посмотрите! – рыжая парикмахерша ткнула Аделаиду пальцем чуть выше лба. – Посмотрите! Она лысеет! Давайте сделаем «лесен-

кой», так будет как будто волос больше!

– Ну, давай «лесенкой», – равнодушно согласилась мама.

В школе на следующий день на Аделаиду пришла полюбоваться даже завуч по воспитательной части – Лилия Шалвовна. Она молча посмотрела на совершенно круглое, как блин, лицо Аделаиды с выпирающими щеками и как бы засосанным внутрь щёк носом, покачала головой, и, сделав вид, что заходила по каким-то пионерско-комсомольским делам, удалась, полная дум и печали. В классе, как ни странно, никто не захотел воспользоваться правом «первого дня». Только в течение всех занятий Аделаида ловила на себе сочувственно-недоуменные взгляды одноклассников.

Конечно, отсутствие длинных волос у девочки в «высшем» обществе Города не приветствовалось, зато теперь мама совершенно спокойно могла объяснять каждому встречному и поперечному, что остриг произведён вовсе не в целях «придания красоты», а исключительно по медицинским показаниям.

– Ну, ты же знаешь, – говорила мама извиняющимся тоном очередной своей «приятельнице», – у неё же такая перхоть была! Никак не могла я избавиться! И всё на школьную форму, прямо на плечи сыплется и сыплется... такой неаккуратный вид! – Мама тыкала Аделаиду указательным пальцем в плечо, как если б это было не живое плечо, а пальто на вешалке.

Так вот, глядя внимательно на себя в зеркало, Аделаи-

да вдруг, к своему вящему ужасу, обнаружила, что у неё на верхней губе появился чёрный, довольно густой и плотный пух! Мало того! Такой же пух, только длиннее, располагался по обеим сторонам щёк! Это было так страшно и обидно, что Аделаида расплакалась. Она шмякнулась на свою кровать, и, продолжая плакать, ударилась в воспоминания, как тогда, увидев в унитазе кровь, испугалась до смерти. Когда она, еле передвигая ноги от боли в животе, наконец доползла до кровати, к ней явилась мама. Мама была какой-то просветлённой и торжественной. Оказывается, Аделаида зашла слить воду в унитаз и мама сама всё увидела.

Мама присела на краешек кровати. Немного пожевала губами, как бы подбирая нужные слова, начала так:

– Это называется «мен-стру-а-ция». Она бывает у всех женщин, не только у тебя. Теперь она будет приходить каждый месяц. Это не заболевание. Ничего сверхъестественного! Это нормально. Ты в эти дни будешь и в школу ходить, и в институт. Менструация значит, что девочка уже выросла и может родить ребёнка. Ты мне каждый месяц должна об этом сообщать. Однако это очень длинное слово, и чтоб никто не понял, ты будешь говорить: «Мама! У меня тра-ля-ля». Поняла? Вот тебе «Медицинская энциклопедия». Дальше читай сама.

Она всучила корчившейся от боли Аделаиде огромную зелёную книгу с большой буквой «М» на обложке и пошла в другую комнату, как бы позволяя Аделаиде насладиться

своим новым «положением девочки», могущей «родить ребёнка».

«Какая школа?! Какой институт?! – Думала Аделаида. – Как туда надо ходить, если болит всё тело и страшно тошнит?! И так, оказывается, будет каждый месяц до самой моей смерти?! Это ж невозможно! Лучше умереть! Да будь он проклят, этот идиотский ребёнок, которого я зачем-то должна родить! Да зачем он вообще нужен, если жизнь превратится в сплошное мучение?! Это каждый день надо ждать, что всё начнётся снова? Жить в постоянном страхе? Ой! До чего больно! Не нужен мне вообще сто лет никакой ребёнок! Ни потом, ни вообще!» Она лежала на кровати, поджав колени почти к подбородку, ничего не видя перед собой. Казалось, когда давишь коленями живот, становится немного легче.

У Аделаиды никогда ничего не болело. Могла только на день-два подняться температура, и всё. Она вообще не знала, что существуют таблетки, от которых боль проходит. О маминых лекарствах знала: маленькое красное – мама предупреждала его никогда не трогать, «а то сразу умрёте, и ты и твой брат»; другое, белое и пахло мятой – «валидол» от сердца, и ещё похожее на имя Гитлера «Адольф» – «адельфан» от высокого давления. Раньше у них дома ещё была плохо пахнущая бутылочка, которая называлась «настойка валерьяны», но мама её кому-то подарила и сказала: «Такие слабые лекарства мне уже не помогают!» А других лекарств Аделаида не видела.

В школу она всё-таки не пошла. Неимоверно повезло – у неё поднялась температура. Температура для мамы была единственным оправданием для непосещения уроков.

Так Аделаида то лежала, то ходила по квартире, то при-саживалась, то прямо в середине дня укладываясь на диван отдохнуть все четыре дня, пока снова не стала «писять жёл-тым».

Но главным оказалось совсем другое!

Чтобы Аделаида не запачкалась, мама нарезала из сво-их старых трусов тряпок. Прокладки постоянно съезжали то на живот, то ползали по нижней части спины, иногда подни-мались и выше. Они доставляли массу неудобств. Тогда мама принесла из аптеки специальный «женский пояс», который надо было надевать под трусы. У него в нижней части была жёлтая клеёнка, как раз такая, которой в смотровых кабине-тах поликлиник застилают диваны. Из неё торчали петельки, а на лямке, тянущейся вдоль живота вверх, были две огром-ные белые пуговицы. Надо было эти «тряпки» туда пристё-гивать и отстёгивать. Когда Аделаида увидела, к чему она должна прикоснуться, чтоб расстегнуть пояс, она не сдержа-лась и её вырвало прямо на пол в туалете.

– Возьми себя в руки! – Строгим голосом приказывала мама. – Что, ты лучше всех? Все женщины так живут!

Оказалось, что это «тряпки» вовсе не одноразовые и их надо ещё стирать и кипятить для «обеззараживания» Как объясняла мама «для стерилизации». Чтоб они лучше от-

стирывались, Аделаида их по несколько штук замачивала в мыльной воде. Потом, засунув голые руки в это кровавое месиво, тёрла до отбеливания. Мама стояла рядом и внимательно следила, чтоб Аделаида делала всё правильно. Тёплой водой стирать было нельзя потому, что как объяснила мама, «кровь от горячего свернётся, и тряпочка не отстирается!»

Аделаида закрывала глаза от отвращения и тёрла свои тряпки. Тошнота стояла в горле комом, живот болел нестерпимо, голова кружилась... Но она должна была гордиться своей «женской» тайной. Это означало, что она «взрослая девушка», уже «не ребёнок», что теперь надо менять своё отношение к окружающему миру, означало, что она больше не может быть столь беззаботной и весёлой и не может так легкомысленно разговаривать со своими одноклассниками, как раньше. В ней должна появиться «какая-то загадка», «женская стыдливость», «девичья скромность и гордость», какое-то непонятное «целомудрие» и ещё куча всякой разной дребедени. В обмен на этот самый настоящий ужас с болью и кровью, она должна «многого лишиться», «многое в себя переделать», «работать над собой», иначе... иначе можно «опозорить всю семью» и «прослыть»... да, мало ли кем можно прослыть!

– Я не поняла! – мама снова и снова заглядывает в ванную комнату и, видя гримасу отвращения на лице Аделаиды, пожимает плечами. – Не поняла! Что тебе не нравится? Всё твоё! Ты что, сама себя брезгуешь?!

Иногда Аделаида забывала сразу спрятать грязную тряпку. Мама всегда сразу после неё заходила за ней в туалет. Если она находила такую тряпку, то никогда не убирала, чтоб Аделаида «запомнила» и ей «было стыдно перед братом и отцом»!

«Так это у всех женщин такой ужас?! – Аделаида знала, но всё равно никак не могла поверить в такую страшную, дикую несправедливость, созданную самой природой. – Всем больно, все кипятят тряпки?! Даже та самая Ася, про которую писал Тургенев?! Которая сидела „залитая солнцем“?! И тот Гагин про это знал?! Тогда как он мог её любить?! Или он всё врал, просто чтоб с ней погулять? Врал, конечно! Потому что, зная всё это, любить женщину невозможно! Действительно – если всё это так сделано на самом деле, то женщина правда грязное и вонючее существо! Она как животное сперва корчится от боли с этими мерзейшими „траля-лями“, потом, когда она спит с мужчиной, у неё растёт это уродливое брюхо, и она становится ещё грязнее, потому что не может лишний раз помыть себе ни голову, ни ноги! Она просто до них не достанет! Фу! Так ещё Олька говорила, что эти „беременные“, когда ходят без трусов, то всё время писают! Ужас!!!!»

Так Аделаида поняла, что мужчины отличаются от женщин не только правом на ношение упрощённой одежды.

Какой ужас быть женщиной! Конечно, если она – Аделаида – такая, то мама с папой стесняются людей, потому

что люди тоже знают, что у Аделаиды бывают «тра-ля-ля»! А за Сёму не стесняются! Чего за него стеснятся? Он не вонючий! А раз они за него не стесняются, то, конечно, и любить его будут больше, потому что он не приносит им неприятностей. Мда... угораздило меня...

По логике вещей получалось, что всё самое мерзкое, постыдное, неприличное, ужасное связано именно с принадлежностью к женскому полу. Женщина – не всегда нужный, нечистый придаток мужчины. Как женщина, ну, или девушка должна оправдать само своё существование на этой Земле, как должна компенсировать свои недостатки, приносящие окружающим столько хлопот? Конечно же, «хорошо учиться», чтоб поступить в институт, чтоб получить диплом и своим самоотверженным трудом сгладить хотя бы часть проблем для своих близких!

Да, Аделаиде было стыдно, что у неё есть «тра-ля-ля», которые Сёме и в страшном сне не снились, что у неё выросли волосы подмышками. Мама ей их брила в ванной безопасной бритвой и приговаривала:

– Грязная ты! грязная! Ждёшь, чтоб все унюхали, как от тебя воняет? Если мать к тебе не прикоснётся – вся осви-неешь!

Аделаида ненавидела этот голубой идиотизм под названием «лифчик» с большой чёрной пуговицей на спине, пришитой крест накрест белыми нитками. Так ведь ещё ей внушали, что она должна носить чулки! Особенно отвратительно

об этом говорил папа:

– Привикай насит чульки! На твой размер калготки ниэту!

Она видеть не могла похожие на больших червяков цвета колбасной шкурки капроновые изделия, которые постоянно сползали и натирали ноги вверху! Но выхода-то по-любому не было! Не пойдёшь же на улицу с голым задом! Тогда она стала пришивать верхи чулок к трусам и получалось что-то относительно удобноносимое.

Одним словом, всё, называемое в городе «дамским», стало вызывать в ней отвращение, омерзение и стыд.

И вот теперь, как у большинства женщин и девушек в их Городе, у неё усы с бакенбардами выросли на собственном лице!

Наревевшись вдоволь, пока всё ещё всхлипывая, Аделаида со страхом глянула на круглые часы в коридоре, умылась и села за уроки.

«Однако, мама сказала, да и в книге написано, что эти самые «тра-ля-ли» бывают строго «периодически» каждые двадцать восемь дней!.. Но это ведь оказалось неправдой! Они то идут, то по три месяца не идут, что, несомненно, большое счастье. Может быть, и с усами и бакенбардами тоже что-то произойдёт, и они выпадут, как у всех мужиков в Городе волосы с головы выпадают? Я буду хорошо учиться и поступлю в Медицинский институт! Сколько тогда я смогу наделать чуел! Ведь есть же у них, наверное, отделения, где этому учат. Медицина всегда сперва работает с животными,

только потом с людьми. Да, я стану, как говорят в школе, «полезной обществу», потому что я стану... я стану... судебно-медицинским экспертом! И буду работать в морге! Потому, что там... там тихо и спокойно. Там прохладно, немножко темно, хорошо и очень интересно. Там другой мир. Другая планета».

Аделаида давно знала, где морг. Они не раз с «дворянками» залезали через забор на территорию больницы и ходили смотреть на мрачное одноэтажное здание, похожее на средневековый барак для чумных больных. Окна были забиты фанерой. Но в ней кто-то до них проковырял дырочки, и вовнутрь вполне можно было заглядывать!

Обзор был совсем не большим. И самого вида постройки, и осыпавшейся кафельной плитки на стенах в комнате с двумя длинными железными столами было вполне достаточно для того, чтоб однажды дворничиха закатила её маме с папой скандал за то, что «Лия уже три ночи не спит!»

Ваша дочь сказала, что будет врачом и ей надо ходить в больницу! Она обманула ребёнка и повела её в морг!

Аделаида больше никогда не брала с собой Кошейку. Воровать луковицы тюльпанов в соседнем дворе брала, а в морг – нет. Кошейка и не просилась. Морг стал чем-то вроде Аделаидинового убежища. Возле него всегда было прохладно и очень тихо. Ей нравилось одной сидеть прямо на траве, подперев спиной стенку с белой штукатуркой, или на крайней скамейке аллеи, совсем недалеко от загадочного приземистого здания. Во-первых, там, даже если сидишь

одна, можно сидеть совершенно спокойно, не боясь, что какой-нибудь дядька с тобой заговорит, начиная приставать вроде бы с детскими расспросами, при этом в упор рассматривая твою грудь, как обычно делали почти все дядьки в Городе, завидев на улице одинокую фигурку в юбке. Во-вторых, она знала, что в морге и около него нечего бояться, потому что все, кроме врача и старой санитарки, мёртвые.

К смерти у Аделаиды сложилось двоякое отношение.

Саму смерть Аделаида уважала, хоть сделать настоящее «вскрытие» кому-нибудь или чучело кошки ей всё же пока не удалось. В школе Лилия Шалвовна и другие учителя во время уроков говорили, что смерть – это прекрасно! Что не надо её бояться! Смерть – это замечательно! Смерть на благо Родины. Или смерть во имя спасения колхозного имущества, например, при тушении загоревшегося сеновала, чтоб скот на зиму не остался без кормов. Сначала даже Аделаида мечтала о пожаре, чтоб самой жакетом тушить сено и сгореть вместо него. Потом она себе представила, как будет жарко, как можно больно обжечься, и ей стало страшно. Но Лилия Шалвовна продолжала говорить, что «все мы должны быть готовы в любую минуту отдать свою жизнь за нашу социалистическую Родину, за коммунизм во всём мире и за товарищей!» Однажды они даже вместо уроков по расписанию тремя объединёнными классами «разбирали» художественный фильм про какой-то завод, где на 7-е Ноября один рабочий, чтоб сделать приятное своим сотово-

рищам, залез на самую высокую заводскую трубу, чтоб «поднять вверх и водрузить на самой высокой заводской трубе красное знамя! Чтоб взвилось оно высоко-высоко назло всем капиталистам и эксплуататорам!» Но передовой и очень сознательный рабочий сорвался с трубы, упал вниз и разбился насмерть! Как все его зауважали! Он стал героем! Его портрет повесили навечно на Доску Почёта и имя вписали, тоже навечно, в отделе кадров. Что такое этот загадочный «отдел кадров», Аделаида точно не знала, но слово «навечно!» её очень впечатлило!

Конечно, погибнуть на войне, защищая Родину – почётно! Однако если давно уже мир во всём мире и мы удержали завоевания социализма в нашей стране, разбив внутренних врагов в лице «кулаков» и Белой гвардии, то какая необходимость лезть на заводскую трубу? Хотя мама и не раз говорила, что жизнь стоит дёшево. Это она, скорее всего, о чужой жизни, потому что сама вон сколько таблеток пьёт! И в окошко какого пролетающего мимо советского завода самолёта должны увидеть «реющее на ветру алое знамя – символ победы Революции», проклятые эксплуататоры и капиталисты? границы-то у нас вон как охраняются! Все знают, какие там стоят пограничники с овчарками! Если смерть так прекрасна, то почему никакой такой красоты она в морге не углядела? Смерть обезображивала даже молодых и симпатичных. Вот недавно там лежал мальчик, которого она знала, и его на стадионе ударило током. Он там залез купать-

ся, а когда хотел вылезти, то схватился за какой-то провод высокого напряжения. Чего этот провод в воде делал? Приезжала «скорая», все вокруг стояли и смотрели, как ему делали и массаж сердца, и искусственное дыхание, но ничего не вышло. На следующий день Аделаида уже смотрела в дырочку в фанерном щитке на заднем окне. На улице было яркое солнце, а внутри, казалось, темно и сыро. Она долго всматривалась в знакомое лицо, но ничего «прекрасного», как обещала Лилия Шалвовна, не увидела. Правда, она как-то и не переживала за него, ей казалось, что всё это не всамделишнее. Мальчик сейчас полежит немного, надоест ему и встанет. И вообще, ей всегда казалось, что на каталках, закрытых простынёй, просто брёвна, что все эти голые тётки и дяди на столах с кранами лежат, притворяются, и страшно мёрзнут голые. И знакомый мальчик тоже мёрзнет. Она боялась, что эти с каталок сейчас увидят её глаз в фанерной дырочке и со словами: А ну, иди отсюда, бесстыжая! – как швырнут в неё какой-нибудь банкой!

Эта часть больничного комплекса с концом аллеики и моргом была для Аделаиды воротами в другой мир, о котором никто всерьёз даже не заговаривал. Если смерть и обсуждалась, то только героическая и прекрасная, которой погибали на войне. Но, как выглядит сам труп, как навсегда заканчивается присутствие этого человека на земле, не говорили никогда. Аделаида, да, собственно, и никто из её ровесников даже не задумывался, что тот рабочий-герой, ко-

торый упал с заводской трубы, больше никогда ни к кому не пойдёт в гости, никто его не увидит за станком, он не будет есть, не будет пить, и его дети будут сами по себе, без папы, только с мамой. А тот, который упал, интересно, будет знать, что делает его семья? Он будет за ними наблюдать? Но ведь не может быть, ну никак не может, что вот только что он был, упал, и всё! То есть – морг что-то вроде проходной аэропорта, когда всего мгновение разделяет состояние «он жив» и чего-то иного, вроде полёта «за бортом» всё того же «кукурузника».

Она видела, как после автомобильной аварии в морге стояли четыре каталки и там был её злейший враг – сосед, который больше всех дразнил Аделаиду; и его очень красивая сестра. У сестры были длинные светлые косички и совершенно немыслимой белизны бантики. Аделаида тоже хотела такие. Но сколько она свои ни тёрла, они так и не стали такими белоснежными, как у неё. И их родители... они все вчетвером ехали из деревни домой в город и теперь вот лежали здесь под окровавленными простынями. Всякие были, разные... Но однажды, привычно проскользнув мимо входной двери с облупившейся надписью «Городской морг и судмедэкспертиза», она, примяв свежую траву с одуванчиками, заглянула в фанерную дырочку. Всё было по-старому. И полумрак, и пустые железные столы с кранами и длинными шлангами. Только в полуметре от стола стояло грязное помойное ведро, в котором лежало что-то, длиной всего в полметра,

завёрнутое то ли в наволочку, то ли в белую марлю. Аделаида замерла. Потом она хотела разжать пальцы, чтоб отлепиться от подоконника. Но заледеневшие руки почему-то не слушались, они стали неметь и в них появился привычный «нарзан с газами», точно так же, когда мама её ругала за «двойку» по директорской работе и ещё несколько раз, снова стало трудно дышать. Она не могла отвести взгляда от маленького свёртка в ведре. Ей стало казаться, что он слабо шевелится, хотя Аделаида умом понимала, что этого не может быть! Не может, потому, что... потому что она знала, что в этом свёртке! И что в том свёртке было «прекрасно»?!

Глава 4

Да, жить в Городе, где родилась и росла Аделаида, было действительно труднейшей дисциплинарной задачей, до конца разрешенной далеко не каждому!

Раз у Аделаиды начались «тра-ля-ля», и её полностью можно отнести к женскому полу, со всеми вытекающими отсюда последствиями, мама решила удвоить своё усердие по воспитанию «настоящей, порядочной и образованной девушки из хорошей семьи». С того дня, как Аделаида пошла в туалет и, увидев в унитазе кровь, поняла, что очень больна, прошло довольно много времени. Почти забылось, как мама всучила ей «Медицинскую энциклопедию», зажатую пальцем на нужной странице, и велела прочесть «вот этот абзац». Аделаида тогда мало что поняла, но слава Богу, девчонки в школе довольно доходчиво объяснили, что к чему. Мама, в свою очередь, расширила и углубила все те познания, которыми делилась с одноклассницами Олька. И всё оказалось совсем не так просто, как Олька говорила. У Ольки была очень примитивная, то есть – упрощённая позиция. Не всё соответствовало формуле: девочка – замужество – ребёнок – семья. Чтоб эту простую формулу воплотить в жизнь, иными словами – исполнить основное предназначение женщины, надо было прежде всего соответствовать основным параметрам при искусственном отборе на всех этапах жизненно-

го пути. Если один из этапов был пропущен, или «не соответствовал» «принятому», то девочка вполне могла и не выполнить «своего истинного предназначения»! Видимо, поэтому мама решила не рисковать с такой «несобранной» дочерью и рьяно принялась строить в Аделаиде «будущую женщину». Она начала тщательно ей помогать в становлении. Красной строкой любых маминых внушений было:

– Самое дорогое у девушки – это её честь!

– Береги платье снову, а честь – смолоду!

И как альтернатива:

– Лучше смерть, чем бесчестие!

Причём слово «честь» сводилось исключительно к какому-то заумному, как мама говорила, «целомудрию». Короче, у каждой девочки между ногами есть девственная плева, то есть, такая кожа, как плёнка, которая должна порваться, когда девушка впервые «бывает» с мужчиной. Оказалось – это и есть тот самый «цветок», который надо «донести» до мужчины, это про который Аделаида тогда не понимала, зачем мужикам дарить цветы! Так вот, задача девочки – сохранять эту самую «плеву», похожую на кожу, во что бы то ни стало, чтоб выйти замуж «нетронутой девушкой». Девочка, которая до замужества позволяет себе общение с противоположным полом – растлеваются, становится «доступной», так сказать «портится».

В этом месте мама обычно выразительно махала рукой, – девочка идёт по рукам...

Чтоб доказать и обосновать свою правоту, мама приводила множественные примеры из собственной жизни, один из которых звучал так:

– Со мной в школе училась девочка, которая встречалась с сыном генерала. Встречалась, ну, понимаешь? Они ходили в кино, целовались, наверное...

– Точно целовались! – Аделаида вспоминала уроки Ольки в раздевалке спортзала.

– А ты откуда знаешь?! Не перебивая меня! Целовались, целовались, и тут у неё вдруг начал расти живот! Растёт и растёт! Растёт и растёт! И мы у неё спрашиваем:

– Марта, ты чего так поправилась?

Она говорит:

– Сама не знаю! Вот растёт живот и растёт!

Да, ещё она сказала:

– Мало того, что растёт, иногда внутри всё вдруг так затрясётся, что страшно становится! Я думаю, что заболела.

Тут ей кто-то сказал, что так бывает при диагнозе «блуждающая почка».

О! Наверное, у меня блуждающая почка! И все ей верили! Потом оказалось, что она беременная! Представляешь?! Оказывается, как было дело: однажды она с этим мальчиком на Новый год где-то остались вместе, ночевать, ну. Новый год не дома она встречала, а где-то в другом месте на всю ночь осталась. И они там с этим самым мальчиком – сыном генерала «игрались». Игрались – это не когда делали по-настоя-

щему, а когда немного делают, чтоб она девочкой осталась. Так вот, моя дорогая! Она, оказывается, осталась девочкой, но забеременела!!!! Доигралась! И вот я помню, в школе говорили, что её потом забрали в больницу, она действительно ещё была «девочкой». И чтоб не повредить девственную плеву, ей разрезали живот вот так! – и мама на себе показывала, как именно разрезали ей живот. – И достали у неё ребёнка. Это называется: сделали «кесарево сечение», по имени Кесаря, которого мать именно так и родила... И оставили этого ребёнка в больнице... И вот такая произошла история, видишь? Иногда не обязательно, чтоб девственная плева порвалась, чтоб забеременеть!

«Точно! Мама права! И Ольга говорила, что „играться“ можно не только с мужем, и женщина из нормальной превращается в беременную!»

– Мам! – Аделаида по своей дотошности иногда злила даже саму себя. – А что с ребёнком потом было? – Ладно, беременная – то беременная. Но потом-то это заканчивается, и появляется ребёнок, и женщина опять из нильской бегемотихи превращается в нормальную. – Мам! Как его назвали, когда забрали? Это мальчик был или девочка? – Аделаида улыбается, представив себе лысое, смешное существо, точь-в-точь как у соседки напротив.

– Слушай, ты ненормальная?! – Мама удивлённо смотрит на Аделаиду. – Говорят тебе: чтоб спрятать, или смыть позор с семьи, ребёнка оставили в роддоме! Откуда я знаю, маль-

чик – девочка?! Потом, говорят, его усыновили богатые люди.

– Кто позор? Ребёнок позор? – Аделаида во все глаза смотрит на маму.

– Чтоб ты сдохла: ты – мой позор, поняла?! Позор то, что она, не выйдя замуж, забеременела! Значит, уже была с мужчиной. Родила! Кому она теперь докажет: девушка она или нет?! Кто на ней женится?! Как её родители должны людям в глаза смотреть?! Над ними бы всю жизнь смеялись и говорили бы, что они не смогли воспитать нормальную дочь! Им бы плевали вслед! А так они переехали в другой город и она там, говорят, вышла замуж, родила детей...

Интересно, про которого она оставила в роддоме вспоминала? – Аделаида спросила больше у себя, чем у мамы.

– Ты специально хочешь меня разозлить?! – мама была на грани и сдерживалась из последних сил. – Я тебе о чести и достоинстве, о женской скромности, целомудрии, а ты мне о каком-то ребёнке! Я тебе о порядочности, ты спрашиваешь «мальчик или девочка»? Всё, ладно, разговор окончен. То ли совсем дура, то ли притворяешься... Давай, пошла отсюда!

Вообще-то, мама, как всегда, была права! Никто не хотел в семье иметь недостойную невестку. Буквально ещё совсем недавно весь двор обсуждал происшествие, поднявшее на ноги и старую часть Города и новые микрорайоны.

Прямо по соседству с Аделаидой жила семья, в которой единственный сын в свои тридцать пять никак не мог же-

ниться. Наконец, ему кто-то из родственников, или просто знакомых сосватал «хорошую девочку», но с «46 квартала», как называли новостройку. «Хорошая девочка» понравилась и «хорошему мальчику» и родителям. Сыграли большую свадьбу. Прямо посередине двора натянули огромную брезентовую палатку. На двух грузовиках привезли столы, похожие на досчатый пол, только с раскладными ножками. Огромные лавки. Там, где не хватило лавок, обернули бумагой для колбасы простые доски со стройки и перевязали их верёвками. Потом привезли живого телёнка и двух барашков. Свадьба гуляла дня три или четыре. Молодые сидели на наскоро сколоченной сцене, бледные и очень взволнованные. Ещё через неделю «хорошая девочка» со двора исчезла, как будто её и вовсе не было, как не было и большого кровавого пятна от недавно съеденного телёнка, если носком туфли поковырять землю под спиленной акацией. Сперва подумали, что «хорошая» оказалась «нехорошей».

Все соседки во дворе перешёптывались, ломали головы в поисках истины повсеместно и ежечасно. Говорили разное: то ли будто бы её мама заболела, и ей срочно пришлось уехать «на тот берег». Но с «того берега» доходили слухи, что мама здорова, стали говорить, что она не только оказалась «нечестной», а что в Большом Городе у неё трое детей от председателя профкома, где она работала. Наконец, тётя Тина, видно, устав от непрекращающихся вопросов, и от страха лишний раз выйти из дому, решила пойти

в народ и рассказала всё без утайки.

Сперва всё шло нормально. «Хорошая девочка», культурная и воспитанная, вставала рано, в кровати не залёживалась, «неплохо готовила» и прибиралась в квартире. И вот, «буквална через нескako дней после свадьбы» (буквально через несколько дней после свадьбы) мать жениха, соседка тётя Тина, «савсем слючайна» зашла в ванную, когда молодая невестка купалась:

– ...И ви преставляете! – Кричала во дворе обманутая тётя Тина, размахивая руками и вертясь как пропеллер. Она старалась повернуть на себе кофту, кофта выскальзывала из дрожащих рук, она снова её хватала, кофта снова выскакивала:

– Представляете – неё огромный шрам вот отсюда, – она всё интенсивней крутила несчастную кофту, ловя её за шов на спине, – и вот досюда! Досюда, я говорю! – Тётя Тина с силой тыкала себя указательным пальцем в грудь. – Я говорю ей: «Эта-а-а чтоо-о-о?!» Она мальчит! Я опять говорю: «Эта что-о-о-о?!» Она началъ плякать и гаварит: «Вот мне, когда я была маленькая, операцию на лёгких делали... Это было давно... теперь у меня всё хорошо...» Ах, ти суво-лочь такая, а! Откудава я знаю: харашо, нехарашо?! Я что, своего эдинственного си на растила, чтобы мнэ болную женщину в дом дали?! Я тоже думаю: почему ей ужэ двадцать два, и никто замуж нэ брал?! И говорят – никогда ни с кем не встречалса! Говорят: домашняя дэвочка, харошая дэвоч-

ка!!! Я тоже думаю: почему из Другова раёна?! Оказывается, там всё просто всё знали! Всё знали и апериция и маперция. И хорошая и марошая... Какие она дэти может ражат, кто знает! Я этим сватам!.. Я этим сватам... Я даже пака нэ знаю, что сдэлаю! Каких детей рожает, а?!

– И может ли вообще нарожать, неизвестно... – соседка сверху, полуприкрыв веки, понимающе раскачивалась в такт словам, как если б вслушивалась в музыкальную композицию Шуберта.

– Ох-ох-ох! Господи, сохрани от такого! Господи, сохрани!

Так они проторчали во дворе до вечера. В центре – тётя Тина, обиженная и оскорблённая. В три ряда вокруг неё – лохматые, седые соседки в чёрно-серых длиннющих одеяниях. Часть из них соболезнающее, в полнейшем понимании вопроса, молча, согласно трясла головой. Вторая, стараясь перекрычать друг друга, приводила подобные очень красочные примеры из анналов своей, богатой на подобные случаи, памяти.

Всё это разыгралось во дворе. В школе проходили русско-го писателя Тургенева. И темой домашнего сочинения была «Тургенеская девушка» – собирательный образ.

«Сначала она дичилась меня, но Гагин ей сказал:

Ася, полно ёжиться, он не кусается!

Она улыбнулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видал существа более подвижного. Ни од-

но мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Её большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки её слегка щурились, и тогда взор её внезапно становился глубок и нежен».

– Это что ж это такое?! Мама устала рассказывать о «целомудрии девушки», тут невестку выгнали даже не потому, что она была «испорченная», а потому, что у неё шрам на спине. Кстати – если б у неё была юбка не до пола, так её бы вообще «не взяли», а не то, что «выгнали!» Так чему же в школе учат?! Всё совсем с точностью наоборот! Мало того, эта самая Ася ходила одна гулять на «развалину», остаток феодального замка, находившегося верстах в двух от города. Ещё и... Нормально, да?... Брат сам приводит домой случайного знакомого – какого-то мужика. Они вообще даже не знают – из какой он семьи? Кем его родители работают? Здоровый он, или больной? Может, у него туберкулёз и он заразный, или может ему тоже операции на лёгких делали?! Сестра этого главного героя стесняется с ним общаться, девушка не хочет, так он сам подталкивает её к разговорам! Это, типа, она должна с ними сидеть и с этим незнакомым разговаривать, что ли?! И правильно ещё тогда Аделаида подумала – как он вообще мог с ней в лодке кататься и ухаживать, если знал, что все женщины грязные и у них бывают

«тра-ля-ля»!

В Городе, где жила Аделаида, «брат» ещё бы сто раз подумал – можно ли приводить к себе в дом, где есть ещё и незамужняя девушка, неженатого друга. И не дай бог, чтоб тот, хоть краем глаза, хоть краем уха повёл в сторону его сестры! Скорее всего, если бы он привёл в дом мужчину, она бы вообще изначально не вышла из своего угла, даже поздороваться. Или бы вышла по приказу брата, принести чем-нибудь подкрепиться типа пучка зелёного лука, белый сыр и откусывать стакан домашнего вина. Значит так – принесла, оставила – свободна! И не дай Господь, чтоб «брат» втихаря заподозрил «неладное», типа того, что его сестра понравилась! Большого оскорбления быть не может! Тут сюжет раскручивается только по двум сценариям: либо гостя за подобную хамскую выходку избивают и вышвыривают из порядочного дома, либо он тут же на коленях просит прощения и, договорившись с братом, бежит за папашей и сватами!

У Тургенева вообще разврат получается – «она улыбнулась и сама заговаривала!» Ха! Этот же гость в тот же день раструбит на весь город, какая у его знакомого «сестра»! Тут позора не оберёшься! Ославит так, что в жисть не отмоются ни «друг», ни его бесстыжая «сестра», ни их родители! Всё это понятно и просто. И мама так говорит и на самом деле так и есть. Только как это может быть, как в книге?! Зачем всё такое проходить по литературе в школе, чтоб потом путаться и думать, а вдруг Тургенев не совсем всё придумывал?

вает?! А вдруг и вправду где-то есть другая жизнь? Есть же в журнале «Работница» в бесплатном приложении посередине на шершавой бумаге выкройки для «сарафанчиков с открытыми спинами»! Если есть, значит, кто-то такие шьёт и потом носит!

Нет! Иван Сергеевич Тургенев реально издевался над Аделаидиным разумом!

«Она не сидела смирно, вставала, убегала, прибегала, смеялась своим мыслям, глаза смотрели прямо, светло и смело! Взор становился нежен!»

Как можно «убегать и прибегать»?! Это значит – насильно привлекать к себе внимание! Гость сидит, ест сыр с луком и пьёт вино, а она – «убегает и прибегает»! Брат молчит и даже не крикнул на неё ни разу! Совсем, что ли, debil?! Можно не «бегать», а в широкой длинной одежде скользить, как тень вдоль стены и желательно не поворачиваться задом к посетителю. Это верх неприличия! Что она ему сзади показывает? И в лицо смотреть не надо! Надо пересчитывать носки туфель. Ага! Ещё не хватало, чтоб посетитель поймал её взгляд! Порядочная девушка должна смотреть в пол, не поднимая глаз; скромно улыбаться, прикрыв ладошкой рот. А уж эти «гулянья по развалинам»! Если бы девушка, или даже замужняя женщина была бы найдена одна в парке, а вовсе не за «две версты» от населённого пункта, совершенно убитой и расчленённой на куски для шашлыка, весь Город её осуждал:

А чего её туда понесло?! Сама виновата! Зачем пошла?! У неё дома дел нету?

Если б это была женщина с детьми, то говорили бы:

– Вот что бывает, когда человек только о себе думает! Захотела гулять – вот пошла! И теперь что будет?! Бедные её дети! Ей что?! Уже убили, уже умерла, похоронили – всё закончилось! А что дети теперь должны делать?! Как они будут жить?! Как детей жалко! Сиротами остались! Что она наделала, а?!

Аделаида напрягалась, всё пыталась представить себе, гуляющую в Городском парке по аллеям из битого кирпича, Асю. Совсем одну и с «мечтательным выражением», как пишет И. С. Тургенев, в «светлом и смелом взоре». Ей становилось так смешно! Она сразу же рисовала себе толпу неряшливых, кривоногих «женихов», лысых и в кепках, с дежурной фразой:

– Тевушка! Подари мне твой имя!

И сколько бы эта Ася там прошла? От входа и до карусели «чёртово колесо»?! Всё?!

Не только молодую и незамужнюю Асю было невозможно представить. Сложно получалось даже с пожилой женой «комиссара Жюва» из фильма «Фантомас». Комиссар её называл:

– Козочка моя!

И эта блондиночка Николь из французского фильма в свои пятьдесят действительно была похожа на козочку

в разноцветном оранжево-жёлто-зелёном открытом сарафанчике до колен. Ой! Николь у них во дворе поливает кипятком и щиплет кур! Руки красные, мокрые перья воняют и клеятся к пальцам. Веселья не оберёшься! Ещё её родной муж, этот самый комиссар Жюв при других мужчинах жену «козочкой» называет! Ага! Вот это потеха: выносит тётя Тина, которая недавно невестку со шрамом выгнала, все свои законные двести килограммов во двор, подмышкой тазик с зелёной фасолью, которую она будет чистить и ломать на кусочки, а за ней муж – дядя Вася. Он лукаво улыбается и кричит ей:

– Козочка моя!

За такие «милые шалости» с ним бы соседи совсем здороваться перестали. Тётю Тину женщины бы возненавидели и перестали уважать, а мужчины наоборот стали бы теперь всё время с головы до ног тётю Тину рассматривать и щёлкать на неё масляными глазами!

В «Фантомасе» было вообще столько неприличного, что вся мужская половина двора ходила смотреть каждую серию бесчисленное количество раз.

Так же в Аделаиде прямо в классе, во время урока вызывало разные недостойные мыли описание И. С. Тургеневым общения двух противоположных полов.

«Но мне было не до рассказов. Я глядел на неё, всю облистую ясным солнечным лучом, всю успокоенную и кроткую. Всё радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами – небо, зем-

ля и воды; самый воздух, казалось, был насыщен блеском».

Позорище-е-е!!! Интересно, кого бы выбрала тётя Тина: больную невестку со шрамом или здоровую, но которая сидела «облитая ясным солнечным лучом»? Пожалуй, с двумя шрамами. Даже всю полосатую от шрамов как зебра. Зачем они это проходят в школе? Ещё они уже несколько раз писали сочинения. Да, и Аделаида писала. И «пять» получила.. Но ведь обманывать нехорошо! Все так говорили и так всегда учили в школе. Как же может «она» сидеть непонятно где с человеком, который ей не только не муж, он даже не жених! Так, конечно, бывает, только мама говорит, что лучше потерять голову, чем честь! Какая она после этого «честная» девушка и как она потом должна доказывать, что он её не трогал?! Или бывают люди, которым не надо доказывать? Не надо потому, что им неинтересно, что ли? Как может быть неинтересно? Вдруг у неё венерическое заболевание? Вон их сколько в вендиспансере лечится около Пятой школы! Кто неправ? Мама или Тургенев? Ведь не может быть двух правд! В школе – одно, в Городе – другое! Зачем это всё? Тургенев – русский писатель. В Городе немного русских, они стараются не отличаться от местных, чтоб не нажить себе проблемы, и всё равно их видно и над ними смеются и про них разное говорят. Так что именно правильно: оставаться наедине с чужим мужчиной – неслыханная дерзость и позор на всю жизнь, или всё-таки хорошо, когда «всё радостно сияет вокруг нас»? Интересно, а этот друг её брата,

когда смотрел в её глаза, на небо, воду, думал, что у неё тоже бывают «тра-ля-ля» или какой у неё лифчик? Кто его знает! Вот в Городе мужчины все думают про лифчики и даже не ходят по улице рядом со своими дочерьми. Девочка ходит только с женщинами, и даже если эту девочку рассматривают, женщина не видит, потому что смотрит под ноги. Так удобней всем. И всё же: думал или нет Гагин, что Ася тоже носит лифчик, потеет и воняет? Хотя, может быть, воняет не так сильно потому, что у неё нет коричневой школьной формы, на которую пришивают сменные воротнички, чтоб стирать раз в год в конце сезона.

Именно летнюю форму, придя со школы, она не успела переодеть, когда однажды во дворе раздались громкие голоса и крики. Папа, прежде чем открыть входную дверь, всегда выглядывал в маленькое окошечко около двери. Раз он всё-таки вышел на порог, значит, происходило что-то неординарное.

– Да! Говорю, прямо на траве лежит совсем голая! – Кошечкин младший брат размазывал по лицу грязные потёки пота. Вокруг него стояло человек пять. Они с интересом слушали рассказ и о чём-то спорили.

– Кто лежит голый?! – папа не выдержал и спустился по ступенькам вниз.

– Ребёнок маленький! – пацан обернулся в сторону папы.

– Какой ребёнок?

– Не знаю! Голый и маленький!

– Живой?

– Да, живой! У него руки шевелятся.

– Плачет?

– Не-е. Когда мы его нашли – плакал. Сейчас уже не плачет. Может, спит?

– Ты когда спишь, руками шевелишь?

– Откуда я знаю? Я же сплю!

– А, может...

– Василий! – Мама шла к многоуважаемой публике. – Что случилось?

– Не знаю! Говорят, что какого-то ребёнка нашли голого!

– Большого?

– Не знаю! Я же не видел!

– А кто видел?

– Вот он! – и папа кивнул в сторону Кощейкиного брата.

– Где ребёнок?

– В посадке! Просто лежит в кустах и шевелит руками.

– Ну, давайте пойдём и посмотрим! – Подала идею мама. –

А ты марш домой! – Обратилась она Аделаиде.

– Почему?

– Не твоего ума дело на голых детей смотреть! Хотя... – тут мама, видно, что-то передумав, скомандовала, – ну, если тебе так хочется – пошли!

Они всей толпой двинулись в лесополосу прямо за домом.

Пройдя по тропинке буквально пять метров, Кощейкин брат внезапно остановился и раздвинул кусты:

– Вон он! – Показал он на что-то почти чёрное, похожее с первого взгляда на большой камень.

Дворовые столпились вплотную и стали внимательно рассматривать действительно совершенно голенькое тельце с макарониной, вставленной посередине живота.

– Это новорождённый! – со знанием дела приступила к исследованиям тётя Тина – Вон пупок ещё не отвалился! Это девочка! Интересно, почему она тут лежит?

– О! Мало ли какая испорченная его нагуляла и вот теперь тут родила!

– Э-э-э! Знаете, сколько таких вот так рожает и выбрасывают!

– Мама! – Аделаида впервые видела такого маленького и сухого ребёнка. Казалось, что ручки и ножки у него как у лягушонка – маленькие и тощие. – Мама! Может, его накрыть надо? Может, ему холодно?

– Кому холодно? Лето на дворе! Надо «скорую» вызвать – пусть заберут к себе. Или в больницу отвезут! Так, идите с отцом домой и вызывайте скорую. Я скоро приду.

– Мама! – Аделаида мялась, боясь выговорить, но вдруг как выдохнула. – А... а, может, мы его себе заберём?

– Кого?!

– Ребёнка!

– Ты что, ненормальная, что ли? Ему врачи нужны! Его надо в больницу!

– Хоть пока «скорая» приедет!

– Иди, слушай, глупости не говори! Нет, я с вами тоже домой пойду и сама позвоню, чтоб скорей приехали.

– Послушай, дура! – не успев отойти от соседей, мама приступила к воспитательной беседе. – Сколько раз тебе говорила: думай, потом говори! Думай, потом говори! Язык твой – враг твой! Что не скажешь – то глупость! Кто тебя спрашивает, что с ним будет?! Ага! Какая-то проститутка его сперва нагуляла, забрюхатилась, от кого-то родила, потом бросила под кустом, а я его домой должна забрать! Это такая грязь, такая мерзость. Фу! А, может, у этого ребёнка какие-то разные болезни?! Бациллы на нём! Может, у него врождённый сифилис?! И вообще, что должно вырасти из ребёнка проститутки и какого-нибудь пьяницы?! Вот, видишь, как бывает, когда женщина не знает себе цену! Видела? Нравится? Пошла, с кем-то время провела, потом под кустом родила. Да, а я его заберу домой, чтоб потом весь город узнал, что я его на руки брала! Зачем, спрашивается, брала?! Хорошо, ты маленькая и Сёмочка пока маленький и на вас никто не подумает, что вы в этом замешаны! А если скажут – это один из племянников Василия сделал? Или ещё кто-нибудь, кто вхож в наш дом?! Какой-нибудь друг или знакомый сделал, или ещё «лучше» – знакомая! Соображаешь теперь, во что это может вылиться?! А зачем ещё я его забрала, а не Паша, не Оля и не другие соседи? Значит, люди скажут, что-то там нечисто! Что потом я людям скажу?! Вот пусть приедет «скорая» и сама разбирается.

«Скорая» действительно скоро приехала. Аделаида видела из окна, как в зелёных кустах медленно двигались белые халаты. Потом врач с фонедоскопом уселся на переднее сиденье машины возле водителя, толстющая, толще беременной медсестра и паршивенький санитар с ящиком залезли в салон. Машина дала круг и уехала. Но толпа почему-то не расходилась.

– Аделаида! – Голос мамы прервал тяжёлые мысли. – Давай накрывай на стол! Будем ужинать!

Вечером Аделаида встретилась с Кощейкой. Она, конечно, всё знала.

– Её увезли? – Спросила Аделаида.

Кощейка тоскливо смотрела в сторону:

– Не-е! Когда приехали, она уже умерла. Зачем они её в больницу бы повезли? Они уехали, и приехала милицеская машина и «Судмедэкспертиза». Они тоже побыли полчаса, поговорили и уехали.

– Как «уехали»?! Оставили ребёнка и уехали? – Аделаида не верила своим ушам! Она думала, что Кощейка сама ничего не знает и фантазирует! Она всегда фантазирует, дура потому что!

– Говорю тебе – он там так и лежит, как лежал!

Аделаиде страшно хотелось тот час же сбегать в лесополосу, чтоб убедиться в том, что Кощейка врёт. Но в такое время суток со двора отлучаться было запрещено строго-на-строго!

Она еле дождалась утра. Но и утром слетать в лесополосу удалось не сразу. Маме надо было помочь «потянуть» бельё. Это чтоб пододеяльники лучше гладились, их два человека должны были тянуть в разные стороны и потом складывать. Мама тянула, Аделаида тянула, и это было похоже на школьную игру «перетягивание каната». Потом вытирали пыль, потом ещё надо было что-то сделать. Она попала в посадку только к полудню.

Что её поразило – дикая вонь. Воняло страшно, хуже мусорной кучи. Аделаида зажала нос, потому что ртом запах не чувствуешь, и раздвинула кусты.

Она действительно всё ещё была там – маленькая, полуметровая высохшая девочка с торчащей вверх пуповиной. Она была «плохой», потому что её мать не была замужем и спала с мужчиной. Она стала совершенно чёрного цвета, живот вздулся, это было ненормально и поэтому девочка воспринималась не как реальный человек, а как плохо сделанная кукла. В углу её глаза копошилась большая зелёная муха. Рот застыл полуоткрытым в последнем крике, а между худых, как щепки, разведённых ножек торчала обычная спичка. Именно там, где мама говорила, что у девочек «девственная плева» и «целомудрие», у неё торчала обычная спичка. Видимо, это кто-то из настоящих мужчин так удовлетворил совершенно естественное для жителя Города половое желание. Конечно, лежит голая, без трусов, с расставленными ногами... мёртвая... или тогда она была ещё жи-

вая?..

Через день новорождённая девочка пропала. Может, какая-то добрая душа её там же под кустом и закопала? Там в окне морга тоже лежало что-то неживое, завёрнутое в белую ткань. Но та ли это девочка, которую видела Аделаида, или уже другое «отродье испорченной женщины», которая «не смогла сдержать свою страсть», как говорила мама, – она не знала. Да, говорила же тогда Оля: чтобы забеременеть, не обязательно спать с мужем, можно просто с мужчиной. И вот эту девочку бросила та женщина, которая скорее всего спала не с мужем, а тот мужчина её не нашёл.

Ей потом часто снилось, что свёрточек в ведре шевелится, тянет к ней руки и просит его спасти.

«Я должна была умолять маму! Броситься при всех перед ней на колени! Плакать, обещать сделать всё, что она захочет, только бы не оставлять эту девочку там под кустом. Может, она пить хотела? Хотела, наверное, ведь на улице так жарко! Надо было никого не слушать, самой схватить её и бежать, бежать! Но куда?! Мама бы домой всё равно непустила. Врачи не пустили в больницу...»

Интересно, если б тургеневская Ася без мужа родила, как настоящая испорченная, потому что она и есть испорченная, она бы бросила своего ребёнка одного в лесополосе? Она же «распущенная»! Смеялась во весь рот, бегала туда-сюда! Бросила бы? Или брат разрешил бы принести его домой? Или бы даже разрешил принести и эту чужую девоч-

ку?..

Глава 5

Время летело быстро.

Сёма оказался ну очень талантливым! Он уже плавал за сборную республики, и тренеры возлагали на него большие надежды. Сёма колесил по всей стране. Он совершенно неожиданно для Аделаиды то появлялся в квартире, то исчезал. Когда они не встречались несколько дней, она спрашивала у мамы:

– Мам! А где Сёма?

Мама очень удивлялась:

– Что, разве ты не знаешь?! Его же на сборы в Ужгород забрали!

Откуда она это могла знать? Разве Сёма когда-нибудь посвящал её в свои дела? Рассказывал что-нибудь о себе, о своих трудностях, о своих успехах? О нём говорили в команде, во дворе, потому что пол двора тоже ходило на плавание, родители дома говорили. Она слышала от одноклассников, что он уже улучшил свой результат на несколько секунд и скоро сделает первый разряд, что для его возраста очень и очень! Иногда соревнования проводились в их бассейне напротив дома. Аделаида в обязательном порядке их посещала, иногда даже пропускала уроки, и страшно любила запах сырой штукатурки, смешанный с запахом хлора. Медный купорос уже давно заменили хлором, и долгие годы потом именно этот

запах ассоциировался у Аделаиды с чистотой и праздником. В такие дни все на неё смотрели с уважением, потому что знали, чья она сестра! И было так смешно, что именно тот Сёмка, который в голубых ползунках и белой жакетке ловил пухлыми пальчиками одуванчиковые парашюты, всё время промахивался, визжал и сердито топал ногами, теперь стоял на старте и все заранее знали, что он придёт первым!

Поболеть за сына в бассейн через дорогу мама иногда раньше ходила. Потом, видно, её стали утомлять крики болельщиков, шум воды. От выстрелов стартового пистолета она вздрагивала. Ей не нравился воздух в спорткомплексе, она говорила, что «задыхается». Мама даже и не «болела» особо. Она просто сидела в первом ряду с каменным лицом и сбрасывала с юбки капли, если кто-то её забрызгивал. Потом мама вовсе перестала ходить на соревнования. В соседний Большой Город за двадцать пять километров мама так ни разу и не попала. Когда у неё спрашивали: не поедет ли она, или как она относится к успехам своего сына, мама неизменно отвечала:

– Ох! Подумаешь, занятие! Это так, для развлечения! Просто, чтоб ногами подрыгать! Разве мой сын не знает, что спорт – это развлечение?! Это же не может быть специальностью, не правда?! Как к этому можно серьёзно относиться?! Ну, плавает себе и пусть пока плавает, если ему нравится! Он окончит школу, поступит в институт...

– В физкультурный? – Собеседник явно не ориентировал-

ся в ситуации.

– Ну-у-у!.. – Мама мило и снисходительно улыбалась наивной недогадливости собеседника. – Ну, что вы! – Говорила она в таких случаях. – Физкультурный институт я вообще вузом не считаю! Тренер – это что, специальность?! Мой сын будет инженером или врачом! – Мама делала изящный жест.

– Но ведь ваш муж окончил Физкультурную академию! Разве это плохо?

– Ни-ээт! – Гордо объявляла она, мотнув головой – Вы не в курсе! Мой муж сперва окончил «Физкультурный», но он понял, что всё это несерьёзно, выброшенные из жизни годы, и окончил ещё один институт!

– Так ведь он же по своей первой специальности работает?! Он же физкультуру преподаёт! – Знакомый никак не мог унять. Мама уже откровенно нервничала:

– Слушайте! Я вижу, вы не понимаете, когда с вами нормально говорят! Вам нравится – вот пусть ваш сын и поступает в «Физкультурный» или как он там называется! Ему там самое место!

– О! Если б я мог надеяться! Если б он показывал такие же результаты, как ваш сын!.. Я только делаю, что могу... Вот я его и вожу на машине два раза в день на тренировки за тридцать километров, а то пока он на автобусе доедет! И к шести утра подвожу, и к шести вечера. Вы знаете, иногда не получается с работой, приходится отпрашиваться...

– Извините, мне пора! – в маме явно зрела досада от такой

одноклеточной примитивности чьего-то родителя.

Ещё у Сёмы прорезался прекрасный музыкальный слух. Несмотря на то, что аккордеон, на который он ходил, был давно продан, Сёма раздобыл где-то старую гитару и, приезжая домой, с переборами подбирал на ней всякие модные песни. Как Аделаиде хотелось попеть с ним вместе! А сколько песен она знала! У-у-у! И про «Стынут белые метели», и «Песня, моя песня». Только Сёма никогда, ни разу в жизни не сыграл ей то, что она просила. Он мог сыграть всё, только не то, что просила Аделаида.

В один из приездов Сёме купили огромный бобинный магнитофон «Комета». Сёма у кого-то взял второй магнитофон и переписал себе кучу бобин групп с разными интересными названиями: «Назарет», «Дип пёпл». Безусловно, это были хорошие группы, но Аделаида не могла их много слушать. Это было слишком много, слишком громко и слишком резко. Она попросила Сёму записать ей ну очч-ч-чень популярную группу «АВБА». И вовсе не потому, что они были такими популярными, высокими, ухоженными. Было в их музыке что-то такое, от чего Аделаида замирала и совершенно терялась. Песни «АВБА» наполняли её изнутри не только самой прекрасной музыкой, но пространством, живыми красками, светом, которых в её родном сером Городе так не хватало. Особенно ей нравилась «Танцующая королева»! Конечно! Это она сама – танцующая королева! Лёгкая, нежная, почти воздушная. И нет в ней ни страшных килограмм-

мов, ни очков, ни перхоти. Совсем наоборот – стройная, длинноногая, со светлыми, прямыми волосами, почти как у Агнес из этой АВБА. Это она сама, почти не касаясь пола, раскинув руки летит навстречу...

Аделаида рисовала в своём воображении умопомрачительные картины, как она внезапно исчезает из школы и из Города вовсе и появляется снова, когда ей исполнится семнадцать лет, как королеве из песни. Почти как в её самой любимейшей сказке на свете – «Гладкий утёнок» Андерсена. Там Гладкого Утёнка тоже не любили, его дразнили, издевались над ним, «птичница била его ногой», в общем, никто его не любил и не хотел с ним играть. Сколько ему пришлось пережить горя! Сколько он страдал в одиночестве! А что потом стало, а?! Он превратился в «Прекрасного Лебедя», перед которым все другие лебеди склонили головы! Вот когда ей исполнится семнадцать лет, она снова вернётся в Город и все вообще склонят перед ней головы. И где-то, например, в огромном спортзале возле стадиона будет бал. И она придёт на этот бал, и все на неё будут смотреть и восхищаться ею. Но никто, ни один человек даже со школы её не узнает. Вот тогда она выйдет и станцует под «Танцующую королеву»! И все упадут от восторга. И к ней подойдёт руководитель вечера и спросит у неё:

– Как вас зовут, прекрасная Королева? Вы получаете первый приз за свою красоту и за лучший танец на сегодняшнем балу!

И тогда она скажет:

– А разве вы меня не помните? Я – та самая, которую вы дразнили: «Жирная камбала, тебя кошка родила!»

Сперва никто не поверит, потому что этого не может быть! Но потом, потом она расскажет, как получила «двойку» по Директорской работе по математике и все сразу поверят. И как им всем станет стыдно! И они попросят прощения за то, что так к ней относились. Но она давно всех простила, потому что всё прошло, всё изменилось и всё у неё прекрасно теперь!

– У тебя дурной вкус! – Сёма был краток. – Я не собираюсь тратить плёнку на всякие «Абы – бабы»!

Сёма больше не боялся испортить с ней отношения. Ему больше не нужна была её поддержка. Он стал взрослым. Он в сборной республики. На него смотрят с восхищением и восторгом. Он давно не головастик в голубых ползунках, который ходит за ней хвостом, не глядя, просто на её запах и бормочет:

– Аида, Аида, Аида!..

Семён теперь почти в открытую тяготится её присутствием. Даже хуже! Аделаида стала его ахиллесовой пятой в борьбе за выживание, его слабой точкой. У него – умницы, музыканта, надежды национальной сборной, не было бы ни косточки скелета в шкафу, кроме как она – толстая и неуклюжая Аделаида. Его сестра, которую ни занавеской не заведишь, ни громкость не прикрутишь. Это значило, что при

любом выяснении отношений с «коллегами» со двора или по сборной Аделаида становилась козырным тузом оппонента... Само её присутствие в жизни Семёна ставилось в укор, и звучало приблизительно так:

– Ты вообще заткнись! Сперва посмотри, на что твоя сестра похожа, а потом выступай!

– Не твоё дело!

– Твоя сестра мясозиркомбинат! Понял?!

Сёма по привычке огрызался. Даже дрался пару раз. И дело было даже не в любви к Аделаиде. Однако со временем он почувствовал, как это всё стало его утомлять. Он и так понимал, что девочка в семье – лишняя головная боль. В его душе совершенно законно зрела досада и неприязнь к ней, ибо она часто являлась причиной его поражений и расшатывала авторитет. И ладно бы сидела дома тихо и молча, так нет! Она же, не стесняясь своего вида, вечно лезет на рожон, постоянно перечит и всё норовит выбиться из-под контроля! В Семёне пробуждались злость и раздражение против неё. А однажды ему в голову пришла совершенно законная, логическая, вынашиваемая годами мысль:

Как было бы хорошо, если б Аделаида была не моей сестрой, а чьей-то другой. Ещё лучше, если б её поблизости вообще не было!

В какой-то момент Сёма совершенно отчётливо и ясно понял, что Аделаида его тяготит, мешает ему нормально жить, раздражает одним своим внешним видом. Он вырос, ему

больше не надо было, как в детстве, просто чувствовать её запах, ковылять за ней, не выговаривая имени, и монотонно бормотать под нос:

– Аида! Аида! Аида!

– Что?

– Ницово!

Когда же исполнится семнадцать лет...

Что же делать, пока исполнится?

Она собирается станцевать соло. Конечно, это когда-нибудь произойдёт, но в данное время на школьных вечерах её не приглашала танцевать ни одна живая душа! Может быть, вовсе не потому, что она никому не нравилась, просто часть её насмешек автоматически перешли бы на кавалера. Всех развеселил бы смельчак, не побоявшийся, что Аделаида наступит ему на ногу или, как говорили в классе, «переедет, как каток».

Всё это, однако, можно было бы спокойно пережить, дожидаясь своих семнадцати лет, несущих с собой прекрасное превращение. Однако мама никак не желала ждать! Мама вообще не понимала, «как можно так жить, не имея ни чувства собственного достоинства, ни гордости?!» Мама принципиально не понимала: почему Аделаида на школьных вечерах не настаивает на роли ведущей!

– Ты должна быть ведущей! – Говорила мама, гордо подняв голову и тряся ею. – Что ты всё время сутулишься? Что ты жмёшься?! Кто такая эта несчастная эта... ну как её? Эта,

ну, которая в прошлый раз вела вечер выпускников? Эта, с кривыми передними зубами... Посмотри, как она держится! Как будто самая красивая! А на самом деле, на кого она похожа?! Настоящий крокодил! Длинный крокодил «тётенька, достань воробышка!» Зато с каким апломбом! А ты сама себя недооцениваешь! Выпрями спину, расправь плечи, убери волосы со лба, чтоб взгляд был открытым, гордым! Выйди на сцену, объяви что-нибудь! Ты всегда и везде должна быть первой! Самой главной, незаменимой! Если тебя нет, всё должны отменить! Выпрями спину, я тебе сказала!

Аделаида выпрямляет спину, которая в ту же минуту начинает нестерпимо ныть.

– Дай честное слово, что сама подойдёшь к Лилии Шалвовне и попросишь, чтоб тебя назначили ведущей!

Аделаида даёт честное слово, что всенепременно «подойдёт и попросит» завуча, чтоб ей дали роль «ведущей» на первом же школьном торжестве. Потом она садится за книгу, и, делая вид, что читает, рисует себе картины своей роли «ведущей», одна несуразней другой: вот открывается занавес, вот она через школьную сцену делает первый шаг в сторону микрофона. Аделаида так пугается своих мыслей, что роняет книгу и закрывает себе уши, как будто на самом деле она не дома в своей комнате, а уже слышит свист, хохот и гиканье, в котором может различить отдельные голоса:

Жиртрест комбинат!

Свинья – депутат!..

Однако самым ужасным было то, что Аделаида втайне действительно любила сцену! Эту слабость она скрывала даже от самой себя, боясь и думать на эту тему. Когда такая крамольная мысль просто посещала её голову, Аделаида начинала одёргивать юбку, или поправлять волосы, как если бы на неё действительно кто-то смотрел и она суетилась под взглядом. Она любила театр намного больше, чем кино, потому что там все были в живую. Любила концерты. А ещё – и это было так ужасно – она любила... балет! Какие там все были красивые! Прямо воздушные с ровненькими-ровненькими ножками и открытыми тонкими шеями,

В школе постоянно на добровольно-принудительной основе продавали театральные абонементы и водили детей сперва в ТЮЗ – театр юного зрителя, потом на настоящие спектакли. Даже возили на автобусах в Большой Город за двадцать пять километров. Как это, однако, было замечательно – входить вместе с одноклассниками в такой знакомый и любимый театр Оперы и Балета! Вот они родные старые платаны у входа, с тёмной, раскидистой кроной, и в одном из них небольшое вечно мокрое дупло; вот голубые скамейки вдоль театральной стены и по краям ровных, как струночка, аллей Александровского сада! Сколько раз они с дедой гуляли около этого сказочного, поросшего зелёным, влажным плющом, знаменитого здания! Ого, как она уже выросла, и гуляет без деды с одноклассниками. Деда был таким красивым, в белом кашне! Он садился на скамейку, заки-

нув ногу на ногу, и разворачивал любимую газету «Вечерний Город». Именно от слова «вечерний» Аделаиде становилось так спокойно и радостно. И весь Александровский сад благоухал то ли запахом влажной осенней листвы, то ли дедушкиным одеколоном. Она собирала и приносила ему рыжие листья, тонкую, похожую на бумажный свиток кору, делала маленькие травяные букетики. Было так здорово! На дворе осень, а из-под сухих листьев опять остренькая зелёнькая травка торчит! Потом они могли пойти на «спектакль», как говорил дед; потом он её покупал пирожное «корзиночку» с бубликом на верхушке, которое она терпеть не могла, но ради деды ела с преувеличенным наслаждением. И весь мир был прекрасен, и вся жизнь была счастьем! Тогда казалось, так будет всегда.

Автобус останавливается на обочине, прямо перед круглым афишным столбом с надписью «Анонс». Из-под афишной бумаги торчат сгустки клея, сваренного из макарон. Аделаида знает, что они невкусные, потому что такие же, как ей давал тот дядька в спичечную коробку. Одноклассники, довольные, выскакивают из автобуса и рассыпаются кто куда. Аделаида очень удивляется: откуда в них столько энергии? Ведь проехали же столько километров, неужели им не хочется отдохнуть? Поспать... Хотя бы просто присесть. Она же так устаёт во время переезда, её так тошнит, что единственным внятным желанием остаётся не сидеть в обитом синим бархатом кресле, а вернуться домой и лечь на диван. Но она

честно отсиживает положенные часы, пытаясь насладиться арией, и потом едет обратно всё на том же, пропитанном запахом бензина, автобусе. Аделаида знает, что именно тогда надо перетерпеть, пока едешь туда и обратно, зато потом, через несколько дней можно очень долго вспоминать о замечательной экскурсии. И это ощущение недавнего праздника почти не портило даже присутствие в этих поездках её родителей, даже мамино прямо в ухо:

– Убери волосы со лба! – в момент кульминации на сцене.

– Слышишь! С тобой разговариваю!

Были и ещё некоторые неудобства. Даже не неудобства, а, как бы это сказать? Наверное – неловкие моменты. Один из них – это то, что Аделаиде вечно не в чем было идти. Нет, были какие-то старушечьего покроя несколько платьев «не кричащих расцветок». Это были платья-катастрофа. Какие-то бесформенные мешки, то ли из под картошки, то ли для сахара, но без английских надписей. Она привыкла к себе в синем толстом спортивном костюме зимой, в фиолетовом тонком летом, а все вокруг – к её школьной форме. Остальные ипостаси становились очередным новым раздражителем для окружающих. Аделаида безостановочно набирала вес. От одного культурного мероприятия до другого она ухитрялась набрать ещё несколько килограммов, поэтому любая, даже несколько месяцев назад сшитая вещь становилась узкой, она натягивалась по швам, и из них просвечивали нитки.

– Вот так! – говорила мама всегда одну и ту же фразу.

– На охоту идти – собак кормить! Вчера надо было померить, чтоб отнести к тёте Тане и расставить по швам! Что я теперь могу сделать?! Теперь иди как хочешь!

Аделаида первую часть фразы вообще не понимала: она никогда не была на охоте и поэтому не знала, когда и чем нужно кормить собак. Если не нужно, то почему? Но факт в том, что «надо было померить вчера» её добивал ещё больше! Ведь вещь «сшили на заказ» совсем недавно. Она её и надеть-то успела всего разок! Значит, если вещь лезет по швам – Аделаида стала ещё толще! Чем осознать, смириться и принять этот догму просто как очередные происки судьбы, Аделаиде легче было совершенно не дышать в течение всего представления, или за «День-рожденским» столом! Одна мысль, что платье «увеличат» по швам, её резала без ножа. Ага! И по бокам останутся дырки в ткани после выдернутых ниток. И всем будет понятно, откуда именно эти дырки. Аделаида мечтала о вязаных вещах, потому что, говорят, они очень хорошо растягивались. Вон у Ирки были вязаные юбка с кофтой. Ирка говорила, что ей бабушка связала. Вот если б у Аделаиды были такие юбка с кофтой... Но мама вязать не умела.

Узкая одежда, из которой вываливалась в принципе половина Аделаиды, вызывала живое восхищение одноклассников:

– Боча! Тебе платье не большое? – Совершенно серьёзно

интересовался Пашенька Середа, даже не боясь, что она может пожаловаться маме. Паша знал, как знали и все вокруг — она никогда, никогда этого не сделает. Если ей даже на спине выжечь калёным железом и большими буквами «жиртрест».

— Не твоё дело! — Фыркала Аделаида. — А тебе гитлеровский чуб не жмёт?

Настроение, в принципе, не портилось. Аделаида привыкла к этому законному ритуалу в фойе театра, когда все снимали пальто и сдавали его в гардероб. Ничего нового не происходило. Так было всегда и всегда так будет. Нет, не всегда, конечно, а до тех пор, пока она не станет «Танцующей королевой». Её мучило совсем другое! Гораздо более серьёзное, чем придурочный Пашенька Середа. Эти мучения она ощущала в конце каждого спектакля, когда зал взрывался аплодисментами, когда актёры снова становились простыми людьми и выходили на поклон. На сцене стояла вся труппа. Актёры кланялись, показывали друг на друга, на зрителей и снова, приложив руку к груди, кланялись. Тут на сцену, на глазах всего зала один за одним начинали подниматься люди, восхищённые и растроганные игрой. В их руках светились от ярких прожекторов огромные букеты цветов. Они дарили эти букеты актёрам, выражая им свои чувства восхищения и благодарности, признательность за те минуты счастья, которые они смогли подарить зрителям в этот вечер. За то, что каждый, сидящий в зале, смог хоть на полтора часа стать лучше и добрее, чем он был. Зато, что в ком-то за-

родились новые чувства, доселе совершенно ему неведомые и непонятные.

Аделаиду всегда во время этой феерии смущала одна, но очень навязчивая мысль. Она хотела знать: есть ли в зале ещё хоть один человек, так же страстно жаждущий обнять актёра, как она?! Засыпать его цветами, постоять рядом с ним на сцене и просто сказать: «Спасибо вам за всё!» «Засыпать цветами»? Ха! Если даже со всеми вместе постараться незаметно подняться вверх на сцену, её непременно увидят! Увидят круглую спину, платье, похожее на старый чехол от танка и лезущее по швам. Прыщи на лбу, возможно, издалека и не заметят. Если хорошо всё взвесить, то зрелище под названием «Аделаида на сцене», пожалуй, развлечёт зал гораздо больше самого представления... Те, кто поднимался на сцену к актёрам, казались ей настоящими героями. В такие минуты она с тоской и мукой вспоминала мамины слова: – Ты должна быть ведущей! Ты должна вести все концерты! Выходить на сцену, объявлять этих, ну, которые принимают участие!

«Интересно, как бы повела себя мама, если б она сидела в зале, а я бы просто поднялась на сцену и начался бы полный переполох? – Спрашивала себя Аделаида. – Мама же должна что-то сказать, как-то объяснить вой в зале?» Аделаида тут же сама себе отвечала:

Мама бы сказала: «Какая ты дура! Они же от восторга, от радости кричали и свистели! Они тебя приветствовали!

А некоторые от зависти! А как ты думала? Тебе всю жизнь будут завидовать! Привыкай!»

Их класс ещё возили во Дворец Спорта на «Балет на льду».

Аделаида долго потом не могла забыть, как плавно и притом показывая разные замечательные позы, летели по зеркальному льду фигуристы! И всё это под музыку! У девочек были такие короткие то ли кофты, то ли платья, что когда они поворачивались и ехали спиной, то они задирались и на попе оставались одни не прикрытые трусы! Такое, ну, или почти такое Аделаида видела только очень давно, когда папа брал их с Сёмой с собой на соревнования по гимнастике. Притом, за фигуристами развевались какие-то пёстрые, воздушные шарфы, ленты! Аделаида сперва не понимала, как в их Городе с женщинами, все как одна похожими на вдову Гоголя в старости, вообще могло кому-то прийти в голову даже в их русской школе, где проходили вольнодумца Тургенева Ивана Сергеевича, показать им живых фигуристок? Ладно Тургенев – хочешь верь, хочешь не верь, что такие «испорченные» Аси бывают, зато тут все они живые и все налицо! И как такие люди вообще существуют, такие изящные и совсем не стесняющиеся своего тела. Она только потом поняла, что эти люди с Луны, или с какой другой планеты. Она и себя представляла инопланетянкой, скользящей по льду в красивом купальнике. Хотя, наверное, такая юбочка была бы для неё действительно коротка, а вот ес-

ли бы подлиннее, например, до колен, как у другой балерины – то вполне можно! И можно ехать только вперёд, совсем не поворачиваясь спиной, чтоб юбка не задралась выше поясицы. Может, попросить у папы, чтоб купил коньки? Дать честное слово, что всегда, всегда, всю жизнь будет получать одни «пятёрки»? И по алгебре, и по химии... Вдруг купит?

После «Балета на льду» они в тот день всем классом поехали в планетарий.

При виде звёздного неба Аделаиде вдруг стало невообразимо грустно. Она вспомнила, как они с дедой сидели на влажной гальке на берегу моря и загадывали желание на падающую звезду. Вспомнила и про Маленького Принца. Деда тогда так рассказывал про него, что ей казалось, что он где-то тут, рядом с ними. Только побежал куда-то на минутку. Может, чтоб угостить всех мороженым? Как деда ей тогда показал Большую Медведицу?

– Вон, – говорил он, – видишь, во-о-он она, похожа на большую ложку!

Аделаида врала, что видит, на самом же деле искала на небе алюминиевую ложку для супа. Ей было немного смешно и немного обидно.

Вечером дома Аделаида призналась маме:

– Мне так нравится смотреть на небо! Оно такое живое и всё время меняется!

– Что? – не расслышала мама.

– Мне нравится смотреть на небо! Интересно, почему?

– Дура потому что! Совсем отупела – вот и нравится! Смотришь в книгу – видишь фигу!

Мама была очень романтичной, но вот именно небо ей не нравилось. В последнее время отношения их совсем не клеились. Нет, Аделаида всю жизнь жила так и не думала, что они могут быть и другими. Просто ей теперь хотелось чего-то большего, она даже не смогла бы объяснить, чего именно. Она так жалела Маленького Принца, у которого не было не только мамы и папы, у него не было даже одноклассников! У неё же всё было хорошо, у неё есть и мама, и папа, и Сёма, и друзья, чего жалиться? Просто родители теперь сами от неё постоянно требуют каких-то особенных отношений, каких-то откровений, бесед, вопросов, и именно из-за этого она иногда стала задумываться о происходящем.

– Ви дальжни бит как падруги! – Продолжал нести ахиною папа. – Ти всио, всио дальжна мами гаварит! Мами всио можно гаварит! На свэтэ нет такой разговор, чтоб мама не знал. С ним можно гаварит обо всё-всё. Саветоваца, делица, спрашиват, пример брат.

Пару раз Аделаида сделала такую попытку – рассказала маме страшную школьную девичью тайну, что Гийка Филонов «встречается» с Танькой Козловой из «Б» класса.

– Что значит «встречается»? – переспросила мама.

– Нуу-у-у, – потянула Аделаида, совершенно не готовая к тому, что мама может не знать, что такое «встречаются парень с девушкой», – «встречается» – это значит она ему нра-

вятся. Они вместе ходят со школы домой и иногда делают вместе уроки. Все об этом знают, и поэтому никто их не дразнит «жених и невеста».

– А-а-а. А эта самая Танька ещё что-нибудь рассказывает?

– Рассказывает. Говорит, что он ей тоже нравится, и что он ей подарил на 8-е марта зеркальце.

– О-о-о! Хороший подарок!

– Только ты никому не говори, ладно?

– Кому я скажу?! Делать мне нечего, кому-то что-то рассказывать!

В тот же вечер Аделаида сама слышала, как мама по телефону рассказывала Анне Васильевне, маме Пашеньки Середы, что в «школе творится полнейший бардак, что надо что-то с этим делать!» Что у них в параллельном классе какая-то Козлова крутит любовь с Филоновым:

– Да-да-да, Анна Васильевна, – говорила мама, – куда только её мать смотрит, я не понимаю?! Я знаю, что она на заводе в три смены работает, но всё равно: если девочку в таком возрасте оставляешь без присмотра, потом хлопот не оберёшься! Откуда я знаю?! Пусть сама об этом думает! Мне своих забот хватает! И с другой стороны – моя дочь тоже в этой школе учится! Как я могу быть уверена, что эта самая Сидорова, или как там её, эта Козлова не рассказывает, что они именно делают с этим Филатовским, или как там его, вместо уроков! У меня дочь – девочка-подросток. Им в таком возрасте всё интересно... Да-да-да... просвеща-

ет их... воо-от именно – просвещает! Нет! Конечно, я завтра же пойду в школу и скажу им, чтоб этот вопрос обязательно был поднят на педсовете! Родители пустили на самотёк, пусть школа примет какие-то меры! Нельзя же учебное заведение превращать в дом терпимости! Если этот процесс не приостановить, то школа превратится в настоящий вэртэб!

«Вэртэб»! – именно так, делая ударения на оба «э» произнесла мама.

Через день Аделаида на переменке столкнулась прямо лицом к лицу с Танькиной мамой в рабочем комбинезоне. Она была некрасивая и вся в потёках краски.

– Девочка, где у вас «учительская»? – спросила Танькина мама.

– Вон! – Неопределённо махнула рукой Аделаида вглубь коридора. – Везёт же некоторым! – с удивлённым восторгом подумала она. – Козловой мать даже не знает, где кабинет директора и где «учительская». О том разговоре, когда она с мамой «делилась» школьными секретами Аделаида, давно забыла.

Через одну переменку к ней подошёл Филонов и, ничего не объясняя, с размаху засветил в левое ухо. Ещё через урок все девчонки класса объявили ей бойкот. Они не то что не разговаривали с ней, они даже не видели её. Это было в сто раз хуже, чем когда мама порвала ту самую чужую «Тетрадь» с вопросами. Теперь, когда Аделаида просто шла

по школьному коридору, делали вид, что идёт пустое место. Зато Козлова оказалась в центре внимания. Она сидела в классной комнате заплаканная и с красным носом. Ирка ей подарила свой носовой платок, а Олька одолжила расчёску. Ей все сочувствовали и угощали после школы конфетами. Говорят, она потом с Филоновым задружила ещё сильнее.

Мама ничего не имела против Козловой лично. Она просто презирала людей с не очень высокими моральными принципами... Мама любила порядок во всём, полностью отвергая вольность и распущенность. Маме мало кто нравился. Точнее, никто не нравился вообще... Если даже у кого-то мама видела действительно положительные черты, она бы всё равно никогда бы не похвалила этого человека, потому что тогда бы он мог сметь поравняться с мамой в достоинствах, или ещё глупее – мог стать лучше в своих глазах. Открытый человек обвинялся мамой в хитрости, лживости и в «своём бубновом интересе». Человек, умеющий трезво оценивать ситуацию – в бездушии, эгоизме. «Плохими» были все! Ну, может, кто-то немного лучше... кто-то немного хуже... Прежде всего мама презирала внешние проявления аккуратности и женственности.

– Самое главное у женщины в голове! – Говорила она. – Женщина должна быть гордой и недоступной! Эти бигуди-мигуди, всякие кремы-мемы ни до чего хорошего не доводят! О чём может серьёзном думать женщина, если на её лице пудра?! У женщины должна быть естественная красо-

та! Блеск в глазах, интеллект!

В каждой, особенно более-менее ухоженной женщине она старалась найти недостаток:

– Посмотри, какие у неё кривые ноги! – Говорила мама, увидев женщину не в заскорузлых кирзовых сапогах, а в чём-то более достойном женской ноги.

– Посмотри, какие у неё зубы страшные!

– Вуй! Какой рот кривой!

– Какая толстая!

– Какое безумное выражение лица!

– Посмотри, во что она одета!

Как-то раз Аделаида вообще усомнилась в маминых принципах, она не смогла поверить, что мама действительно так думает, а не говорит наоборот, чтоб произвести на кого-то впечатление.

С недавнего времени Аделаида попыталась шить. Она категорически отказалась ходить к портнихам, примерять при них платье и каждый раз выслушивать, что той пришлось «переделывать весь крой из-за нестандартной фигуры». У них дома была ручная швейная машинка «Подольск», и Аделаида стала стараться решать вопросы своих туалетов сама. Сшить простую юбку оказалось большого ума не надо, то есть – покупаешь метр ткани, делаешь три шва: один внизу – подол, один сзади – спина, один – наверху и продеваешь туда резинку. Всё! Юбка готова! Потом она начала добавлять карманы, потом шлицу. Она стала придумы-

вать сама, переделывать и комбинировать выкройки, благо что подписка «Работницы» лежала дома, перевязанная коричневым шпагатом. Высшим пилотажем оказался журнал «Бурда» на русском языке. Он и сам был потрясающе красив и ярок. Это был маленький кусочек странной, богатой, – придуманной жизни. Были рецепты печенья, куда надо было добавлять какую-то загадочную корицу; какая-то блестящая бумага, из которой можно было склеить «новогодний сюрприз». Какая «блестящая бумага», если у неё и клея-то никакого не было! Только у папы в сером тюбике казеиновый, воняющий потными ногами. Там в журнале ещё был такой вкладыш с выкройками – не журнал, а подарок судьбы! Эти заграничные модели, правда, приходилось очень сильно переделывать, а некоторые детали были ну, совершенно неприемлемы не только для Аделаиды, но и для всех жителей Города. Вот как можно носить такие бриджи до колен, или такую ярко-красную «кричащую» кофту! Зато если постараться и на выкройке продлить линии, то из бридж получатся брюки Сёме, например. И кофту можно связать вовсе не красную или оранжевую, чтоб ни одна машина на улице мимо не проехала, а серенькую, коричневую, тёмно-коричневую.

Аделаида просмотрела журнал и просто поразилась количеству замечательных идей! Прямо растерявшись от предложений и решений, она сунула маме «Бурду» под нос, прямо между глазами и журналом «Семья и школа»:

– Мам! Смотри какие платья красивые! Вот ты бы какое выбрала?

Мама, брезгливо выпятив вперёд нижнюю губку, опустила журнал вниз:

– Убери, ну, из-под носа! Ничего не вижу! Подожди, сказала... Что посмотреть? – медленно перелистывала страницы мама, словно в её руках была не мечта всех женщин – красавица «Бурда», а «Капитал» Карла Маркса на уругвайском языке.

– Мам, какое ты бы себе платье выбрала? У меня прямо глаза разбегаются!

– Оно и видно! Мне здесь ни одно не нравится! Уродство какое! Ну, вот посмотри, посмотри! На что это похоже?! Здесь висит, здесь торчит... вот это к чему, спрашивается?.. И пояс какой-то дурацкий, затягивает всё! Чем дышать?!

В Городе пояски считались «вызывающими». Они пошло подчёркивали женские формы.

– Ладно, – вдруг мама смягчилась, – если всё-таки выбрать из всего этого барахла, я бы вот это выбрала, с белым воротничком, строгое, тёмно-синее, – мама провела рукой по груди.

Аделаида подскочила и зыркнула через мамино плечо, чтоб увидеть, на чём мама задержала пальчик.

– Мама... – Аделаида не знала, смеяться или обалдеть, шутит мама или говорит правду, – мам, это же фотография швейного цеха, который пользуется выкройками «Бурды»!

А это – швея в спецодежде. В рабочем платье...

– Ну, что? – Мама совсем не растерялась. – Мне нравится! Всё остальное – уродство!

– Из всего журнала мод только рабочая одежда?! Ты специально это говоришь, или шутишь?! – Аделаида уже сто раз пожалела, что вообще стала что-то показывать.

– Да-а-а! Делать мне нечего! Хочу на тебя впечатление произвести! Нужна ты мне! Оно выглядит элегантно! Белый воротничок, отворот...

Глава 6

Прошло ещё несколько лет.

Аделаида вполне научилась и вязать и строчить себе «наряды», как презрительно называла мама её прекрасные вещички, сделанные на домашней швейной машинке «Подольск». Всё это Аделаида проделывала довольно прилично и уже без выкроек. Она запарилась переводить с выкроек на кальку, потом увеличивать, потом склеивать, потом ещё что-то и ещё что-то. Она каким-то непостижимым образом сама предполагала, как надо кроить, чтоб вещь в готовом виде выглядела именно так, как она её задумала. Естественно, мама и папа были далеко не в восторге от её увлечений, поэтому, чтоб обзавестись новой очень нужной вещью, шить приходилось по ночам, дождавшись, когда из спальни донесётся мирный храп, плотно притворив дверь в свою комнату и ещё снизу подоткнув её паласом. В «детской» комнате она теперь жила одна, и ночью можно было даже ощутить себя свободной! Эдакая иллюзия принадлежности себе... Сёма, даже когда приезжал на несколько дней, спал на диване в гостиной. Кроить, правда, необходимо было при дневном освещении и на столе в столовой, ткань разложить в её комнате абсолютно негде. Комнатка – она и не комнатка вовсе, а бывшая кухня. Прежде, чем взять в руки ножницы и приступить, право на «пошить» ещё надо было заслужить своим много-

дневным примерным поведением: не получить за неделю ни одной «четвёрки» в школе; чтоб никто из учителей не пожаловался; чтоб не было «замечаний», чтоб дома «вела себя хорошо» и ещё много-много всяких разных условностей надо было соблюдать за разрешение «разложиться» на «мамино» обеденном столе в «маминой» столовой, в «маминой» квартире, мешая маме заниматься «мамиными» же делами, потому что «стол в столовой» нужен маме «именно сейчас». Если же всё-таки срасталось всё и выпадали «тройка, семёрка, туз», это ещё не значило, что в конце не выпадет пиковая дама... В самый ответственный момент практически виртуозного движения ножницами по копеечному ситчику без выкройки, появлялась мама:

– Опять режешь?

– Крою.

– А где это, что в прошлый раз резала?

– Пока не дошла...

Мама опять была права. У Аделаиды действительно была одна неисправимая черта: если она видела, что не получается именно так, как она задумала, у неё опускались руки, и никто на свете не смог бы её заставить переделать, или хотя бы изменить «фасон». Она заталкивала «несчастный случай» куда-нибудь подальше в ящик, закладывала дорогу к нему разными тряпками, лишь бы «несчастный случай» больше не попадался ей на глаза, а потом долго обманывала свою совесть, что якобы дошьёт позже. Потом, где-то через меся-

ца два, когда было уже не так горько, все эти лоскутки могли пойти на отделку чего-то другого, на аппликации и ещё много разных интересных вещей. Но для обновки, которую можно носить в «чистом» виде, эти куски уже негодились. Через некоторое время, чтоб быстрее забыть об очередной неудаче, она задумывала новый очередной «шедевр».

– Так где, что в прошлый раз порезала?

– Говорю же: пока не дошла.

– Взяла материал, порезала, бросила. Взяла, порезала, бросила! Порезала – бросила!

– Покроила...

– Учить она меня будет! Только деньги на свои развлечения спустила! Я работаю – она выбрасывает! Я работаю – она выбрасывает! Чтоб через десять минут на столе ничего не было! Иди, делай уроки! Ты что, завтра должна это одеть?

– Кому должна?

– Я спрашиваю: ты завтра это должна одеть? Не огрызайся и отвечай, когда тебя спрашивают. Выпрями спину, не сутулься! От твоего резания ещё больше согнёшься! И волосы со лба убери! Смотри, совсем на глаза повесила. Так ослепнешь скоро!

Аделаида молча сворачивала полу раскроенную вещь и прятала её к себе в нижний ящик письменного стола. С мамой спорить было бесполезно, рассказывать, что её размер одежды продаётся только в отделах для бабушек, к портникам она не пойдёт больше никогда, но носить что-то надо!

Спорить бесполезно, равно как и объяснять, и доказывать, и убеждать. Мама всё равно не захочет понять отличие глагола «резать» от глагола «кроить», потому что всё, на что была сама способна – это пришить пуговицу и «подрубить подол».

Папа тоже старался помогать в воспитании «порядочной девочки». Он, когда видел Аделаиду со спицами, болезненно морщился и говорил неизменно одно и то же:

– Перестан это вязат! (Перестань это вязать!)

– Почему? – Неизменно вопрошала Аделаида, смотря папе прямо в лицо.

– Завтра в школе «четыре» палучиш!

– Вот когда получу, тогда поругаешь! Мне ходить не в чем. Мне юбка новая нужна! Все жмут, а вязанная тянется.

Папа не слышит.

– Сматри, скоро вторник!

– Я в курсе!

– Я приду в школу и буду гаварит с учителями.

– Всю жизнь только с ними и говоришь. Больше не с кем. Друзей-то не нашёл.

Раньше такие словесные перепалки могли продолжаться до бесконечности, если дома не было мамы. Если она была, Аделаида насаживала клубок на спицы и запихивала в шкаф. Если мама была дома, такие «пререкания» закончились бы появлением кизиловой палки из-за кухонной двери. Мама продолжала бить Аделаиду, плевать, кусаться, щи-

паться, орать, биться в истерику и в конце падать «в обморок», потому что для маминого полного удовлетворения ей уже недостаточно было прямого и полного подчинения. Для мамы был важен сам процесс разрушения любой самостоятельности, любого проявления независимости и суверенности и мужа и Аделаиды. Именно в «процессе» мама проверяла и подтверждала свою абсолютную власть и свою гениальную способность влиять на чувства и мысли своих придворных. Аделаида устала стараться понравиться собственным родителям, стараться «держаться на уровне», «не подводить», «не скомпрометировать», «быть на высоте»! Она устала и в какой-то момент почувствовала, что ей стало лень даже отбrehиваться от отца, который ничего не желает ни видеть, ни понимать. К своему ужасу, она начала осознавать, что может называть мужчину, проживающего с ней под одной крышей, «отцом» с большой натяжкой. В момент страшного озарения до неё дошла преступная истина: никогда, ни при какой погоде «отец» ей не будет ни опорой, ни каменной стеной, ни хотя бы просто «жилеткой», в которую можно поплакаться, всё рассказать и просто облегчить душу. «Жилетка», если не сможет дать совет, то, по крайней мере, выслушает и успокоит. Папа, может, и выслушает, покивает головой. А потом скажет:

– Ты винавата!

И она была виновата всегда и во всём. Она давно поняла, что для неё этот человек никогда не будет никем! Может,

и сделает, конечно, что-то, если ему прикажет мама, но это будет единичный, сиюминутный поступок, как бы «выполнение приказа», и всё. А что делать? Душа его к Аделаиде никак не легла, а сердце... есть ли оно у папы вообще? Больше всего на свете папа и мама боятся не того, что Аделаида «блѣха учица» (плохо учится) и будет учиться ещё хуже, а боятся они, что с ней вдруг «что-то случица» (случится)! В их Городе это называлось «кто-то обидит».

О-о-о! Вот это действительно трагедия! Не «попала под машину», не «на головѣ свалился кирпич» – это просто «несчастный лучай» и «с кем не бывает»! Тут физическое воздействие твёрдого предмета. Тут и пожалеть и поохать можно. Зато если кто-то «обидиии-и-и-ит»... Тут всё – жизнь окончена! Это несмываемый позор для семьи на всю жизнь. Родители из-за неё, будут вынуждены переехать куда-нибудь, где их никто не знает, не выпускать больше никогда Аделаиду из дому и никого к ней не пускать. Хотя, по законам Города, если «случилось», отец должен «смывать кровью позор семьи»! А папе это надо? Хотя, возможно, и пошёл бы из опасения, что кто-то, кто «нахтя его нэ стоит» (ногтя его не стоит), над ним и «мамам» посмеет «пасмеяца»! Если посмеются, то «мами будэт пилѣха» и «он» – мама «забалээт». Аделаида была для папы даже не дочкой в общепринятом Городском понятии, а мелкой разменной монетой в папиных отношениях с женой, в его «положении в обществе», и в целом в его взаимоотношениях с Городом. То,

что папа довольно странный тип, совершенно не вписывающийся по её понятиям в кодекс чести, тем более мужской, Аделаида уже поняла. Ей сложно было обобщать и делать выводы, она пока была слишком маленькой для того, чтоб понять такие сложные детали папиного образа, но некоторые его поступки вгоняли её в шок! Она всматривалась, искала ему оправдание, пыталась понять мотивы, но... к своему ужасу, не могла...

Для папы не существовали такие человеческие понятия, как «дал слово», «пообещал». Соврать папе было всё равно как поздороваться. Даже когда Аделаида его уличала во лжи, он совершенно не смущался, ёрничал и любую значимую для Аделаиды тему переводил в шутку:

– Папа! – она была близка к слезам. – Ну это же не так! Зачем ты смеёшься?!

– А что случится? Не-е-е! Давай тогда все плакат будем! Сказали – кончили! Всё!

Да, папа очень боялся, что что-то «случица» (случится) и Аделаида их «семю апазорит» (семью опозорит), это, как мышь из-под плинтуса, выглядывало в каждом его предложении, в каждом слове, обращённом к Аделаиде. Сам он делал вид, что старается «соответствовать» и «придерживаться».

В то же время папа бегал по двору с маминым пояском от крепдешинового платья – тёмно-синим в белый горох – на шее, на котором были нанизаны прищепки, и на глазах

у всех соседей вешал бельё! Там было и постельное, и мамин исподнее... Папу это абсолютно не смущало!

Зато он всей душой ненавидел кошек. Он не мог пройти мимо, если какой-нибудь пушистик беззаботно грелся на солнце. Если б Аделаида тогда была знакома с булгаковским «Собачьим сердцем», она бы подумала, что Шариков удрал от профессора Преображенского и, женившись на дочери Швондера, осел в Городе. Папу, казалось, смущала и раздражала сама беззаботность кошачьей жизни, её спокойствие, которого он лишился со дня знакомства с мамой. При виде кота или кошки он издавал какой-то звук, похожий на: Вш-вшв-вш-вич!

И не дай Бог, чтоб животное не испугалось и вовремя не сорвалось с места, обезумев от ужаса! Тогда папа подходил твёрдой походкой и просто отфутболивал его ногой в живот. Когда оно улетало с диким криком: «Мяу-у-у!», папа смеялся как ребёнок и потом долго ходил в хорошем настроении. Вообще папа любил веселиться, когда был уверен, что мама его не видит. Кроме кошек, его не равлекало ничего, ни телевизор, ни радио, ни книги.

Папа веселился сам по себе. В телевизоре для него изображение не соединялось в целое, в фильм, например. Он видел каждый кадр отдельно, как плоскую картинку на плакате. И у последующего кадра с предыдущим для него не было никакой связи. Некоторые кадры ему очень нравились сами по себе. В фильме про Вторую Мировую войну папа пры-

гал от восторга вокруг стола, когда пытали пленного партизана. Папа сначала внимательно вглядывался в лица фашистов на экране. Пытали партизана и требовали у него данных о количестве людей в лесу, о их вооружении. Пленный молчал. Его и били, и кости ломали. Потом вывели и поставили мокрым на морозе. Он всё молчал. А папа всё вглядывался. Аделаида с замиранием сердца наблюдала за папой. Вот они, высокие чувства на высоком папином лбу! Он напрягся и понял трагедию момента. Она ждала, что вот-вот из леса выскочат «наши», отобьют пленного и спасут его. Эх! Сколько таких фильмов о Войне она видела! Сколько читала о героях! И каждый раз её охватывал трепет и гордость за весь Советский народ, выигравший эту страшную Вторую Мировую войну. Пленный в телевизоре всё молчал. Тут фашисты, видимо, устав ждать, схватили «русского» за ноги и погрузили до пояса в прорубь на реке.

– А-ха-ха-ха! – Папа засмеялся так заразительно и так от души, как бы не смог бы даже невинный младенец. Даже заразительней и громче, чем когда футболил кошек.

– Ты чего, пап?! – Аделаида от неожиданности даже не сразу смогла спросить.

– Дядю в воду бросили! Аха-ха! Как смешно, правда?

– Да. Правда. Смешно безумно...

Папа случайно услышав песню о декабристах:

Метелью белою, сапогами по морде нам,

Что же ты сделала со всеми нами, Родина?! – хохотал

не меньше:

– Ха-ха! Па мордэ! Сапагами па мордэ!

И было неясно, может, папа не понимает, что происходит, потому что плохо говорит по-русски? Мама сказала, что папа на всех языках говорит одинаково и так называемого «родного» у него вообще нет.

«Значит, если б фильм был на другом языке, папа бы всё равно смеялся?! – Аделаиде всё казалось, что это какие-то нереальные совпадения, что папа дурачится, что скоро всё это пройдёт и он станет самим собой, она не могла поверить, что так вообще бывает. – И, собственно, с чего ему плохо понимать по-русски? Он-то больше двадцати лет живёт в Городе, вместе с мамой, которая говорит с ним на русском! Окончил два института тоже на русском. Может, он просто делает вид?»

– При чём здесь фильм?! – Презрительно фыркнула мама. – Это уровень такой, понимаешь? Он видит, как мужика в воду бросили, и всё! А кто он там, свой, чужой – какая разница? И что такое «свой», «чужой»? Сам факт важен – бросили в воду!

– В прорубь, мама.

– Заткнись! Надоела уже!

Вообще папа был большим шутником. Видно, два высших педагогических образования на него никак не повлияли, и он был неутомим в своих научных изысканиях, как будто и не спустился в Большой Город из своей высокогор-

ной деревни обменивать пшеницу на штаны. Он мог спящему щенку засунуть в ухо осу, а потом кататься от смеха, когда щенок падал на спинку, ёрзал по земле, бил лапой себя по морде и жалобно скулил.

Когда Лидиванна со второго этажа просила папу, чтоб они на первом этаже не открывали воду, потому что «падал напор», газовая колонка тухла и её дочь не могла искупаться, папа немедленно открывал все краны в доме, хоть никогда в жизни с Лидиванной не ссорился и всегда культурно говорил ей: «Добри утра!»

Папе почти никогда не бывало скучно. Даже если они уезжали куда-нибудь, он и на новых местах находил себе развлечения. Когда они очередной раз всей семьёй поехали отдыхать на «курорт» с вонючим дощатым «удобством» на краю огорода, туда же приехала семья с маленькой девочкой и волосатенькой болонкой. Болонка вызывала умиление окружающих. У неё был розовый язычок, похожий на карамельку, и бантик между ушами. Она была такая смешная, почти как игрушечная.

Вот нэнормалниэ! – Папа никак не мог примириться с присутствием во дворе «сабаки»! – Сами поехали одихат, ещо сабаку взиаи! Сабака должен бит в теревне в будке на цепи! (Вот ненормальные! Сами поехали отдыхать, ещё собаку с собой взяли. Собака должна быть в деревне в будке на цепи!)

Так если дома никого не осталось, кто ж её дома кормить

будет? – Аделаида от зависти к девочке, хозяйке болонки глотала слюни! Как ей хотелось подержать в руках такое же маленькое пушистое тельце! Чтоб оно извивалось и лизало ей пальцы! Конечно, эта болонка не идёт ни в какое сравнение с её курицей Белкой, которую она притащила тогда домой и зацеловала так, что та перестала нестись. И бантички можно менять сколько хочешь! Можно даже два приделать. Как она смешно бежит, как шарик с ножками. И сперва долго обнюхивает кусочек курочки, а потом так высунет язычок, так его...

Через два дня собачка пропала. Она не отзывалась ни на свист, ни на имя. Девочка плакала и оббегала даже всех соседей в округе. Все подумали, что болонку украли. Потом, через день её случайно нашли в кустах смородины. Она лежала совсем одна и даже не скулила, только часто дышала. Когда девочка попыталась взять её на руки, она передними лапками как-бы попыталась оттолкнуть её руку, а задние безжизненно свесились под прямым углом вместе с переломанным позвоночником. Что потом с ней стало, Аделаида не знает, но та семья через несколько дней уезжала уже без болонки.

Но, как оказалось, ещё больше чем кошек, папа ненавидел армян. Не просто кого-то, знакомого там, нет, он ненавидел эту национальность в целом. Не потому, что они что-то ему сделали. Он с ними никогда и не общался. На то были разные другие причины. Вот сам папа рассказывал, что у них

в деревне никто никогда не видел толстых. Раньше все были худыми.

– Патамуша садылис, одын раз харашо кушали, вставали, патом харашо работали!

А к ним в деревню из Большого Города два раза в год приезжал один толстый мужчина, и тогда всё село бросало работу и сбегалось на него смотреть. И смотрело до тех пор, пока он снова не уезжал. Говорили, что этот мужчина называется армянин. Вся деревня понимала, что он «харашо кушаэт», но... но не «работает»!

Оказывается, много десятилетий назад папин дед любил рассказывать, что когда турки устроили «армянскую резню» в своей стране, то есть, армянский геноцид, эхо сведения счётов с армянами докатилось и до их высокогорной деревни, где жили вперемешку армяне с греками. Греки женились на армянках, гречанки выходили замуж за армян. Жили там и азербайджанцы, и грузины. Так вот, когда пришли турки, дед говорил, и папе эта история очень нравилась, что «всё село согнали в какие-то два сарая и заперли там». Потом турки начали людей выпускать по одному. Каждого, кто выходил, они задерживали в дверях, чтоб он сказал по-турецки:

Дадирмян даши харланер фарланер (мельничные жернова крутятся – вертятся).

– И вот, прэставлаэш, – папа ёрзал от удовольствия и возбуждения, – армяне нэ хатэли признаваца, что они – армяне, хотэли спрятаца, убэжат и обманивали, что азербиджан-

ци. Им салдат тагда гаварит: «Тогда скажи: дадирмян даши харланер фарланер!» – и ани гаварили эти слава, а букву «я» гаварит нэ могут! И букву «ф» гаварит нэ могут! Всэ сразу панимали, что ани нахално врут! Они говорили «парланер», представляешь?! И тут все сразу панимали, что они – самие настоящие армяне! И сразу – р-р-аз! – Тут папа проводил по своему горлу указательным пальцем, имитируя лезвие, – вот так рр-раз! И кинжалом горло резали и всех в одну кучу бросали!

– Так при чём здесь армяне, если именно армян турки резали?! – Аделаиде казалось, что всё это – «комната смеха» с кривыми зеркалами, которая была в парке.

– Ну-у-у, нэ знаю! Букву «ф» гаварит нэ магли и гаварили «парланер»! – папа укоризненно качал головой. – Других же нэ резали?! Ну... значит они им дэлали! (Значит армяне туркам что-то сделали!!)

Аделаида рисовала себе глухую тихую деревню, высоко взметнувшиеся языки пламени и мечущихся в этом аду между каменными постройками пока живых людей. Обезумевших женщин с цепляющимися за их подол малолетками и младенцами на руках; немощных тощих стариков, которые не могут удержаться на слабых, подкашивающихся ногах. Все они задыхаются от дыма и падают прямо в пыль. Неуправляемая, остервеневшая толпа затаптывает их и несётся дальше. Крики, слёзы, стоны, горы окровавленных трупов около сараев и страшная вонь от горелого мяса –

запах горелой человеческой плоти. Это трупы людей, которые «хотэли спрятаца», а сами букву «ф» выговаривать так и не выучились!

– Думать надо было сперва, а потом армянами рождаться! Не стали же турки просто так людей трогать? «Значит – что-та била?» Ведь ни грузин, ни греков не трогали! Значит – армяне сами виноваты!

На самом деле папа был совсем не кровожадным. Он очень любил своего сына Семёна. Он купал его с рождения. Казалось, так будет вечно: Сёма вальяжно возлежит в ванне. Папа, в упоении напевая, трёт ему спинку, осторожненько поворачивает и снова трёт.

– Папа! – Аделаиде от этой картины становилось муторно: совершенно атрофированный Сёма лежит в воде, напоминая средних размеров бегемота, спасающегося от летнего зноя. – Папа, разве он сам не может купаться?!

Сёма не достаивает её взглядом.

– Удовольствие получаю! – «улибается» папа, сопя и стирая со лба пот.

Мама в последнее время завела манеру восклицать, рассматривая Аделаиду:

– Как ты жить будешь дальше – я не знаю!

Вот и Аделаида не знала – как ей дальше жить?! Так, как

жила, она уже не хотела. Что там они проходили по истории? Что означает «назревание революционной ситуации»? Это когда «низы не могут, а верхи не хотят» жить по-старому! Хорошо «верхам»! Они – «верхи»! Всё в их руках. Они могут изменить, заменить, и так далее. А что могут «низы»?! «Да, я – низы, – говорила себе Аделаида, – бесправные, ущемлённые, убогие низы, да ещё ко всему уродливые и толстые, которые не могут рыпнуться, потому что в этом проклятом Городе даже уйти из дому невозможно! Поэтому, надо как можно больше отвлекаться чем-нибудь, а то ведь можно расстаться с „крышей“. Ещё одна история типа „армянского геноцида“, или просмотр с папой ещё одного фильма – и можно спокойно искать адрес психушки!»

Чтоб чувствовать себя хоть кем-то, хоть просто живым человеком, Аделаида стала всё больше себя обшивать. Это как в фашистских концентрационных лагерях человека ещё при жизни считали мёртвым, когда он начинал понимать бессмысленность своего существования. Однако и тут были проблемы. Аделаиду категорически не устраивали ни цвета тоскливых тканей, в которых щеголял весь Город, ни покрой – «скромной, но элегантной повседневной одежды». Она наоборот покупала самые яркоокрашенные «отрезы», на которые только была способна отечественная промышленность, и шила себе совершенно беспрецедентные обновки... Каждая юбка должна была быть не просто юбкой, а чем-нибудь заухабистым и с прибабасами, отделанным какой-нибудь

аппликацией, или вышивкой, или лучше и тем и другим. Да хоть крашеной бельевой верёвкой! Своими поступками она и не собиралась выражать хоть какой-нибудь маломальский протест, не хотела никого злить, не намеревалась выказать своё недовольство и продавливать городским обывателям глупые революционные идеи, тем паче она не мечтала выделиться из толпы и обратить на себя внимание. Ей этого сто лет не было нужно. Она из неё и так выделялась невооружённым глазом, как ландыш на блюде. Просто Аделаиде так нравилось. Нравилось, и больше ничего! То, что было у всех, казалось удивительно скучным и неинтересным. И вообще, ей было скучно и неинтересно. Неинтересная жизнь в Городе, неинтересные люди. Аделаида ни с кем не общается! Практически полное одиночество заставляло её по возможности развлекать саму себя. Однако даже это вызывало бурную реакцию окружающих. Казалось, она в своих новых юбках с вышитыми карманами бросает вызов обществу, оскорбляя таким образом каждого, кто живёт в этом Городе и гордится его законами. Каждый прохожий и прохожая просто считали своим гражданским долгом смерить Аделаиду презрительным взглядом, чаще всего громко засмеяться. Каждый Божий день она всё равно ходила по улице, одетая в свои «новшества моды». Она каждый день проходила по улице как сквозь строй, не оборачиваясь на колкости и не фыркая на замечания, и ничего на свете не смогло бы её заставить поменять свой облик. Она его уже меняла, ко-

гда превращалась из стеснительной, толстой девочки в дерзкого, независимого подростка. Она поняла, что «сорвалась с цепи». Это мама придумала такое классное выражение:

– Ты с цепи сорвалась!

– Да, сорвалась! И хорошо сделала! Я только начала. А кто сказал, что это мой удел? Сперва на маминой, потом мужниной и свекрови, стоять в центре двора и натирать кастрюли смесью помёта с песком, чтоб блестели, а там, глядишь, и новые «цепи» появятся...

Она навсегда и окончательно поселилась в своём мире, в который не собиралась пускать никого, до которого не могли долететь ни брань, ни насмешки, ни папин запрет на «виа-зат» (вязать). Это была её параллельная Городу жизнь. Здесь она была и градоначальником, и обывателем, и гостем Города в одном лице.

Однако и мама умела всей кожей чувствовать ситуацию. Она вдруг сменила роль трагической примы на короля Лира. Теперь вместо истерик мама брала на жалость. Она теперь не орала, она увещевала. Она стала интуитивно находить слова, чтобы сказать Аделаиде что-нибудь приятное, делала одобрительные замечания, которые, наверное, должны были поднять её самооценку. Она начала во всём винить себя, всю свою критику облекала в такую форму, что можно было маму даже поцеловать. Она стала «входить в положение» и «понимать», что у Аделаиды «переходный возраст», что она «взрослеет»:

– Ты гибнешь! Я вижу, как ты на моих глазах гибнешь! Мы должны тебя спасти! Ты катишься, ты катишься на самое дно. Не позорь меня перед людьми! Очнись, Аделаида! Что ты со мной делаешь?! Пожалей меня! Посмотри, как люди живут и как ты живёшь! Ты моя смерть! Что я тебе сделала?! – при этом она тихо закрывала лицо ладонями и медленно опускалась на табуреточку в углу.

Но всё это перестало Аделаиду пугать. Аделаида – сама большой каменный замок, окружённый со всех сторон рвом с покатыми влажными краями, почти полностью наполненный водой. А раз вода со всех сторон, значит, она совершенно не обязана ни перед кем отчитываться, она категорически отказывается играть по правилам ненавистного Города и вообще ни по чьим правилам. Пусть по правилам играет тот, кто эти правила или сам писал, или для кого они написаны. С сегодняшнего дня она желала учиться быть самой собой. Она отказывается быть засосанной Городом в его нутро – в болотную, вязкую жижу, которая проглатывает и переваривает всё, что только с ней соприкасается. Но как это трудно! Город не хочет выпускать её из своих холодных объятий! Он кусает и рвёт куски кожи вместе с мясом. А ей плевать! Она объявила Городу войну. И плевать она хотела на «за бортом»! За бортом, так за бортом! Посмотрим ещё, кто взлетит выше!

А вскоре её ждал сюрприз!

Всё началось очень просто. К ним в класс пришёл новый

ученик. Нет, он не поразил её своими чисто мужскими качествами, и не забегали пробудившиеся от вида античного торса женские гормоны. Это было совсем другое чувство, но гораздо более крутое, чем откровенная надпись на парте «Филонов+=Любовь до гроба».

Глава 7

Манштейна к ним перевели с третьей школы.

У них в Городе был самый большой в республике металлургический завод. И при нём функционировал металлургический техникум. Туда брали после восьмого класса и после десятого. Когда кому-то светила переэкзаменовка или повтор, школьный пасынок давал клятвенное обещание, прижав одну ладонь к сердцу, а второй упираясь в «Комсомольский устав», что «уйдет в техникум». Ему тогда под «честное слово» дарили «трояк».

Понятно, в «Металлургический» никто особо не рвался. Кому была охота учиться три года, чтоб становиться бригадиром ночной смены в горячем цеху? Ясный день – никому! Но «честное комсомольское» надо было держать. Стало быть, смыться с глаз учебно-преподавательского состава представлялось необходимым. Выход оставался один, переводиться в другую школу. Поэтому в Городе практиковались пост-восьмиклассные передислокации. То есть – с первой школы переводились в седьмую, из седьмой – в третью, из третьей – в первую, тем самым подтверждая закон сохранения вещества, открытый родоначальником всей русской науки М. В. Ломоносовым.

Той осенью произошёл обмен учениками на мосту, раскинувшемся через Реку. Чем обзавелась седьмая школа Адела-

ида не помнит, но их учебно-преподавательский состав получил в длительное пользование лохматое рыжее существо с невнятным сооружением в центре лица, очевидно, выполняющим функции аналогичного органа австралийского утконоса. Маленькие голубые глазки, облепившие переносицу, казалось, не видели, а ощупывали предметы. Одним словом, он всем чертовски не понравился.

Девчонки делали «фи!», а сильная половина классного «общества» строила рожи. Самый весёлый из всех, «краснобай и баламут» Чапа всунул в ноздри пол носового платка, отчего орган неимоверно расширялся, и страшно скопил белмы к переносице. Получилось ужасно смешно, но и похоже!

Почётная роль классного шута за новеньким закрепилась надолго и обжалованию не подлежала.

Но самое интересное, оказывается, было впереди!

По сложившейся веками традиции, в начале урока преподаватель поднимал новичка, ставил перед всей аудиторией и устраивал допрос с пристрастием в стиле «Фамилия, имя, отчество, национальность, год рождения, из какой школы прибыл, за что тебя так и т. д. Новую веху в жизни рыжего подкидыша открывал урок химии. Худосочная, перезревшая Белкина, с явными признаками тотального гингивита, устало повела плечами:

– Здравствуйте! Садитесь. У нас новенький? – Она скорбно поджала губки и обвела класс тоскливым взглядом. – Иди,

молодой человек, к доске. Будем знакомиться. Фамилия, имя, отчество. Национальность. Год рождения. Чипидзе! Не паясничай!

Чапа громко фыркнул:

– Мадмуазель! Не «Чипидзе», а «Чапидзе»! – огрызнулся он, делая упор на неопределенность семейного положения химички. – Третий год не можете запомнить мою фамилию!

Класс радостно засопел и, переглядываясь, заелозил ступнями по полу в сладостном предвкушении чего-то беспредельно забавного. Чапа снова сделал «рожу» и замер в позе гипсового бюста, вздёрнув подбородок. Это отвлекло класс на несколько секунд, поэтому некоторые чуть не пропустили начало праздничного шоу.

Манштейн Игорь Моисеевич из третьей школы... – новенький стоял у доски лицом ко всему классу. На губах его играла загадочная полуулыбка-полуухмылка. Такую учителя называли «наглая». Совершенно не смущаясь ни глаз одноклассников, ни двух белкинских буравчиков, он засунул руки в карманы штанов, тем самым демонстрируя свою беспечность, полное спокойствие и независимость.

В аудитории повисла густая, вязкая тишина. Сперва никто ничего не понял. Начали переглядываться с лицами «не показалось ли мне?» Но нет! Не показалось.

Вся поза и выражение лица новенького настолько не вязались с создавшейся ситуацией, что казались нереальными. Однако поистине жеребиное ржание Чапы говорило, что

это всё-таки реальность, а не весёлый сон. Через секунду в страшных судорогах уже корчился весь класс. Поднялись дикий вой и переполох. На задних партах сорвали две крышки.

– Манштейн! Перестань ерничать! – Белкина понимала, что медленно теряет контроль над ситуацией. Она подобралась и судорожным движением поправила на носу очки. – Говори нормально! Не успел прийти в школу, а уже паясничаешь. Не пищи. Тебе это не идет, – преподавательница была основательно раздражена началом учебного года. – Всё, я сказала – успокоились! Давай, рассказывай о себе: национальность, год рождения... Замолчали, я сказала! – Белкина сама шлёпнула по парте хрупкой ладошкой.

– Хорошо, замолчим, – Чапа-таки смог сделать вдох и закончить фразу, – только пусть он ещё раз скажет, как его зовут! У него такой... такой голос... и-иии! – Одноклассник снова повалился на парту, не в силах противостоять дикому приступу веселья.

Аделаида не сводила с новенького глаз. Она поверить не могла, что впервые в жизни класс смеётся так сильно – и не над ней! Мало того! Было совершенно неправдоподобно видеть, что выставленному на обозрение всего класса новенькому вовсе не страшно, и даже как-то радостно, что ли... Он не конвульсировал в безумных муках оскорблённого самолюбия, как должно было соответствовать действию, а делал всё с точностью наоборот! Казалось, ситуация

его вообще безумно забавляет и доставляет огромное удовольствие столь буйное внимание к его персоне! Он за спиной Белкиной то выкатывал, как шары, глаза, то надувал щёки, то поднимал вверх руку с двумя пальцами на растопырку, типа: «Виктория! И миру – мир, войне – пиписька!»

Класс визжал и плакал! Новенький явно начинал нравиться!

Да, Чапа был прав. Если новенькому смогли бы когда-нибудь простить его странную шевелюру и трехместный нос, то голос... Голос Манштейна напоминал то крики кастрированного моржа, то скрип огородной калитки. Голос скрипел, визжал, ломался и, внезапно переходил на бас. Голос занимал полные две октавы.

Аделаида внезапно перестала смеяться и задумалась, лихорадочно стараясь догадаться: какую же кличку прилепят новенькому? И кто же первый назовёт его новое имя? Утконос? Рыжий? А может Харахура?

Однако то, что произошло дальше, отвлекло её от мыслей.

– Повтори фамилию нормально! И имя скажи ещё раз. Если сам не можешь – повторяй за мной... – Белкина практически никогда не выходила из роли бесчувственного ментора. Наверное, поэтому и сидела в старых девах.

– Манштейн... год рождения, национальность...

– Манштейн Игорь Моисеевич! – Новенький беззаботно скалился и с интересом разглядывал класс в упор. – Национальность – еврей!..

Вот тут-то всё веселье и закончилось на корню. В классе зависла могильная тишина. Даже общепризнанный заводила лишился дара речи, Чапа тупо выкатил на Игоря Моисеевича свои серые глаза с белыми ресницами.

– Что он сказал?! – Не поверила ушам Аделаида, ткнув сидящую перед ней Ирку карандашом в спину. – Он что сказал? Я не услышала.

Ирка дёрнулась, но даже не обернулась.

– Манштейн! Ты... ты что?! Ты, может, ненормальный?! – Белкину конвульсивно трухануло как на электрическом стуле, она уронила на пол журнал. Кажется, она переставала владеть собой, и у неё впервые в классе проскользнули истерические нотки. – Что вы такое говорите?! Вы отдаёте себе отчёт?! – От раздражения она перешла с учеником на «вы». – Национальность я спрашиваю! Неужели трудно просто ответить?!

– Так я же ответил: еврей! – Рыжий глубоко засунул обе руки в карманы школьных штанов и стал раскачиваться всем телом с пятки на носок и с носка на пятку, своим видом давая понять: «Я кинул информацию. Она вас застала врасплох. Ха-ха! Ничего! Привыкнете! Я даю вам время на переваривание, а потом продолжим, если пожелаете! У вас мноо-о-ого чего впереди!»

– Манштейн! Я поняла! – Белкину осенило. – Вы пытаетесь сорвать мне урок! Ничего у вас не получится! – Белкина не хотела ляпаться лицом в грязь, чтоб в её классе ве-

лись антисоветские беседы, то есть поднимался еврейский вопрос?! Она из последних сил старалась спасти ситуацию и свой многолетний авторитет. – Выйдите сейчас же из класса! Что значит «еврей»?!

– Как что? Не конфеты, конечно! Национальность такая – «еврей»!.. Кстати – не редкая! А вы о такой, судя по всему, не слышали? – Игорь Моисеевич наконец перестал ревёл взгляд на Белкину.

– И что? Что мне теперь в журнале писать?! – Белкина совсем растерялась. – Так и писать «еврей»?! Нет! Лучше выйдете вон из класса!

– Так и пишите. И не надо на меня смотреть! Не выйду я никуда! Мама дорогая, о чём вы говорите, Алина Николаевна! Я вас умоляю! Кому интересны эти мансы?.. – Манштейн действительно, к всеобщему огромному удивлению, не смутился, не перестал улыбаться и из класса не вышел. Медленно прошествовав через всю комнату, он сел за последнюю парту и раскрыл книгу.

«Еврей!» – Шёпот прокатился от стенки до стенки, отражаясь рикошетом, и забился в ушах. «Еврей...» – все, включая Аделаиду, впервые услышали, как звучит это слово, сказанное живым голосом. Странное, непонятное, но благозвучное, оно заставляло, как в театре, понижать тональность и озиаться по сторонам.

Все знали, что у всех людей есть национальность. Гивка – Чапа – сокращённое от Чапидзе – грузин, несмотря на со-

вершенно серые глаза и соломенный чуб, Витька – Шекел, Шекеладзе – вроде тоже грузин, хотя слово «шекель»... Мамиконян – оканчивалось на -ян, наверное, армянка? Аделаида, Оля и ещё две девочки – гречанки, остальные русские. Вот как бы никого не интересовало, русский или француз Буйнов, лишь бы списывать давал!.. И он давал, и Слуцкий давал, и Маяцкая, и Болотин давал. Да все давали! Все друг у друга списывали. И не спрашивали друг у друга потому, что интересно не было. Только однажды кто-то спросил у Эрики Фишман, кто она по нации. Мама-мия! Что тут началось! За доли секунды созвали Комсомольское собрание, устроили педсовет, обвинили весь класс во всех смертных грехах, и затребовали у Фишман из дома свидетельство о рождении, где синим по жёлтому было написано «русская». А потом завуч по воспитательной части ли-и-ично подошла к каждой парте и показала пропись, чтоб больше ни у кого, ни у кого вопросов к Фишман не возникало! А за учительским столом сидела поруганная Эрика и выла в голос.

В окна лилось горячее солнце. И было душно то ли от его жёлтых с пылинками лучей, то ли от двух новых слогов: еврей.

– Эй, ты, еврей Мойша! – Чапа развернулся к последней парте Манштейна всем корпусом. – Слышь, не садись там. Эта, – он мотнул головой в сторону химички, – на контрольных стоит сзади, фиг спишешь. Если хочешь, тащись ко мне. Вот, кажется, и кличка для новенького! «Еврей Мойша»!

Уже через несколько дней Мойша вдруг начал показывать неповторимые чудеса изобретательности и ловкости. Ему ничего не стоило списать сочинение у сидящей на первой парте отличницы, потом вдруг в его тетради оказывался дубликат решения тестов соседа через парту. Но вершиной мастерства было, конечно же, списывание у сидящих на соседнем ряду. «Домашнее задание» он делал буквально за 5 минут до начала занятий, просто одалживал несколько тетрадей и аккуратно перерисовывал ответы в свою.

Алгебру и геометрию уже давно вёл Позов Глеб Панфилович, сменивший Малину на пути эволюции старшеклассников. Аделаидин папа считал его своим другом. Кем считал его Глеб, никто не знает.

Глеб был очень строгим, но и очень справедливым. У доски под его взглядом Аделаида вяла. У неё и так начались проблемы с учёбой. Не то, чтобы она не читала, она читала, но материал совершенно не воспринимался. Там, где Пашенька Середа мог прочесть один раз, или вообще не читая послушать объяснения учителя на уроке и всё запомнить, ей приходилось возвращаться к написанному четыре-пять раз. Казалось, её мозг был настроен на совершенно другие частоты. Аделаида пока, по старой памяти, числилась в «отличниках» и «сильных» ученицах, но держать планку становилось всё труднее.

Ещё у неё начались головные боли. Если даже утро было не очень загруженным, от полудня голова всё равно обя-

зательно становилось тяжёлой, а к вечеру болела нестерпимо! Весна и лето были особенно тяжёлыми временами года. От жары голова раскалывалась, и Аделаида больше ни о чём не могла думать, кроме как о мучительном желании прилечь.

Весна и лето и так были самыми нелюбимыми временами года. За зиму Аделаида набирала ещё килограммы, а весной надо было понемногу расчехляться, снимая пальто и колготки. Пальто не так сильно её заботило. Сняла, да и сняла. Жакетом можно прикрыться. Вот с колготками дела обстояли хуже! В носках ноги наверху оставались голыми, очень тёрлись друг об друга, иногда даже до крови, и болели. Весной и летом она всегда особенно уставала.

– Апят лэжиш?! (Опять лежишь?!). – Возмущался папа, когда она после школы, не в силах сесть за уроки, заваливалась на диван.

– У меня голова болит!

– Глупасти нэ гавари! Какой тэбэ время балет! Ленишса, ведош нэпаддвижни образ жизни – вот и глупасти гавариш! Встан, хады нэмного, сдэлай что-нибудь! Павес Карту Мира, вазми геаграфию читай! Эта же экскурсия! Эта интэрэсна!

Вот как объяснить папе, что ей «нэ интэрэсна»?!. Ей интересно просто почитать Чехова, Толстого... И не школьную программу, а просто так...

Одно хорошо, что эти проклятые «тра-ля-ля» приходят вовсе не каждый месяц, как обещала мама, а только раз в три-четыре! Что бы было, если б живот болел так же ча-

сто, как голова?! Хотя, мама сказала, что потом всё-таки они будут каждый месяц. Потому что она по телефону спросила у своей подруги-гинеколога, и тётя Анна сказала, что всё нормально, что так бывает, и потом пройдёт.

Хоть бы вообще прошли эти «тра-ля-ля», чтоб не мучиться! – Мечтала Аделаида. – Хотя, может, и не всё так просто? – Думала она. – И почему мама не повела её к врачу, а только спросила между делом по телефону?

Ты что, ненормальная?! – Мама продолжала восхищаться её тупостью. – Может, тебя ещё в поликлинику к гинекологу отвести?! У меня там куча знакомых! Чтоб весь Город за две минуты узнал, что я тебя туда приводила? Зачем, спрашивается, мне это понадобилось?! Или что-то случилось, или ты больная! Разве ты больная?! Нет! Значит – что-то нехорошее с тобой произошло! Поняла?! Тётя Анна сказала, всё нормально – значит, нормально! Замуж выйдешь – всё от мужа наладится!

И теперь вот головные боли, постоянно ощущение какое-то такое... как если б съела много селёдки и потом всю ночь пила воду.

Э-эх! Звание «хорошей ученицы» начинало блекнуть. А она так мечтала попасть в «Артек»! Из её класса уже туда ездили Буйнов и Клокова. Ладно, Буйнов, он-то отличник с первого класса. Каким образом Клокова попала туда, было неизвестно. Может, специально всё сделали? У Аделаиды были такие подозрения, потому что когда она проси-

лась у родителей в пионерский лагерь поехать одной, они даже слушать не хотели. Они, конечно, ездили в пионерлагерь, но всей семьёй. Папа, мама, Сёма и она. Родители там работали преподавателями, и они с Сёмой были в их отряде. Спать в палатах со всеми им не разрешали, и они жили вместе с родителями в выделенном всей семье помещении. Почему её не отпускали одну в пионерский лагерь?

– Ладно, в простой лагерь нельзя, но в «Артек» -то, если мне дадут путёвку, вы же меня пустите? Это же самый знаменитый пионерский лагерь! Там отдыхают дети коммунистов со всего мира. В «Артек» я смогу поехать, правда?

– Поживём – увидим! – Говорила мама. – Ты сперва заслужи!

– Я столько лет хорошо учусь!

– А надо не «хорошо», а «блестяще», чтоб заслужить путёвку!

– Что ты думаэш? – Говорил папа. – Ти паэдыш и всо? Да, ми нэ можэм ат путовки атказаца патамушта он пианэрская. Ми там рядом комнату снимэм и будэм вσιο время сматрэт: «Э-э! Аделаида, ти гдэ? Ми тэбя видим!»

Но папа зря так переживал – путёвку ей так и не дали. Хотя родители её и проработали всю свою жизнь в образовательной системе, и «отличницей» она была с первого класса. Позже Аделаида подумала, что родители, чтоб ни на секунду не выпускать её из-под контроля, просто договорились с директором школы, и в «Артек» поехала Клокова, восходящая

звезда физики.

Учёба медленно, но верно становилась проблемой. Особенно сложно было с математикой. И так не имея никаких к ней способностей, Аделаида её и не любила и страшно боялась нового преподавателя. Как только Глеб вызывал Аделаиду к доске, её бросало в пот и жар, она терялась и хранила гробовое молчание.

Глеба Панфиловича почти все боялись и тоже терялись у доски. Один Мойша спокойно шёл к голгофе, улыбаясь своей улыбкой-полуухмылкой, и, что самое невероятное – что-то писал, доказывал какие-то теоремы!

Однажды Глеб не выдержал и устроил Игорю Моисеевичу шмон:

– Манштейн! Выверни все карманы, покажи белую рубашку и засучи до локтя рукава. Я давно наблюдаю за тобой и чувствую, ты списываешь! Только не могу понять как?! – Тут Глеб Панфилович, гроза всех времён и народов, рассмеялся тихим мягким смехом: – Слушай, Манштейн, что ты за фрукт такой?

Фрукт Мойша стал брендом класса: рыжий новенький, без году неделя, отбил у Аделаиды практически половину «болельщиков»! Над ней иногда даже забывали посмеяться, если она выходила к доске и у неё из кармана сыпались шпаргалки! Фрукт был вещью в себе, всегда с загадочной ухмылкой на тонких губах и пытливым взглядом глаз-бусинок. Фрукт обладал какой-то сказочной, магической притя-

гательностью. Над ним хохотали до упаду, тыкали пальцем, орали как бешеные:

Мойша – еврей!!!!

И тут же ссуживали ему мелочь на буфет, подсказывали на уроках, кто на что был горазд; давали откусить булочку с колбасой – предмет неимоверной роскоши, доступный только для избранных. На физкультуре Гивка-Чапа приписывал ему лишние сантиметры при прыжках в длину, а на волейболе стоял колом около него и страховал под сеткой. Фрукт, засовывая за щеку подаренную барбариску, лез обниматься, чем безумно смущал девчонок. Он, не моргнув глазом, скрипел своим кастрированным фальцетом:

– Карина! Я женюсь на тебе!

Карину передёргивало от радости и ужаса. Теряясь и не зная как себя вести, она пыталась перевести стрелки:

– Слушай, Фрукта, женись лучше на Аделаидке!

– Карина! Не могу на Аделаидке! – Фрукт прямо всем видом показывал, что сожалеет, но действительно не может «жениться на Аделаидке». – Не могу, Карина! Она толстая. Её жалко, на диету посадить придётся, хоть имя у неё аппетитное – «Аделька-сарделька»! А ты, Карина, худая. Я тебя, Карина, кормить буду! – И Мойша делал волшебное движение руками, словно хотел подарить Карине весь мир.

Однажды на переменке Фрукт шарнирной походкой выплыл к доске.

Э, – скрипнул он, – завтра мои предки уезжают на два дня.

Кто хочет – заваливайте!

– Еврей, а у тебя хавка будет? – Поинтересовался Пупынин по кличке Пупок, большой любитель всякого рода ту-совок, потому что он ещё год назад обзавёлся постоянной партнёршей, которую везде таскал за собой и с самого начала вечера орал, чтоб «врубили музон» и «вырубили свет».

– Пупок! Хавки пусть не будет у твоего врага! – Мойша весело закудаhtал и совершенно счастливый на радостях кинул в Пупка мелом. – А у нас всё кошерное! Мать обещала сделать форшмак из селёдки и спечь торт. Нормалёк?

– Завались! – Класс орал дружным хором, хотя имели о фаршмаке весьма туманное представление.

У Аделаиды от интереса внутри всё аж засвербило! А как же! Не День рождения, не 7-е Ноября, не тебе даже 8-е Марта, а просто так! Вот просто так – без всяких причин на хате у Фрукта собирается класс. И чего они там будут делать?

Не зная, как отпроситься у мамы в гости, Аделаида долго ходила вокруг да около. Оказалось, что мама хорошо знает родителей Мойши и, отозвавшись о них весьма сдержанно, но с толикой явного уважения в голосе, она согласилась на «посещение одноклассника», и сказав, что папа в девять часов за ней зайдёт, отпустила Аделаиду под клятвенные обещания «вести себя сдержанно». Ха! Если б только мама знала, что его родителей не будет дома!

Назавтра явился весь класс в полном составе и попозже

Пупок со своей пассивностью. Как ни странно, но Пупок на этот раз не стал орать с порога «гасите свет». Он, держа пассивность подмышкой, беззастенчиво продефилировал по комнатам с открытым ртом.

Мда...

Дом Мойши показался чем-то сродни Эрмитажу. Никто, естественно, в Эрмитаже не бывал, но в их представлении царские хоромы могли быть и скромнее. Комнаты, комнаты, комнаты, плавно перетекающие одна в другую, ковровые покрытия, переливающийся всеми красками радуги хрусталь, и книги, книги... Книжки были повсюду – на книжных полках, стеллажах, на письменном столе. Именно этот огромный стол, с аккуратной стопкой чертежей и расчетов вверх Пупка в бездну уныния. В классе все знали, что Пупок если делает уроки, то делает их на кухне. Поэтому его тетради всегда воняли килечной подливкой.

Внезапно сама по себе открылась дверь в какую-то маленькую комнату. Из неё бесшумно выскользнула и тихо села поодаль огромная чёрная туча.

– Ого! Фрукт! У тебя ещё и собака в доме есть?!

– Это мой друг Лорд! Чистокровная восточно-европейская овчарка. Прошу любить и жаловать! Лордик, – обратился он к безупречной красоты животному, – ты пришёл знакомиться? Ну, давай, можно! Это мои одноклассники!

Лорд медленно с достоинством поднялся и направился в сторону Чапы.

– Почему «Лорд»? – пассия Пупка никогда не блеснула догадливостью. – Имя какое-то буржуйское! Собачку можно было Баррикадой назвать! – в полном презрении выпятила она нижнюю губёшку.

– Разве мой Лорд похож на Баррикаду? – недоумённо пожал плечами Фрукт, и все громко засмеялись.

«Надо же, – думала Аделаида, – как ему мать разрешила собаку держать, да ещё в квартире?! Мама даже котёнка завести не дала, говорит, что это такая антисанитария, такая грязь – животные в доме! А ещё считается, что Манштейны интеллигентные люди! Когда я просила зайчика, мама сказала, что дом не хлев, а папа всех собак называет одним именем – то ли «Барсик», то ли «Марсик», и говорит, что «большая» собака должна сидеть на цепи в будке, служить хозяйину и караулить двор. А «маленки» надо вообще истребить «патамушта ничево нэ дэлают!»»

– Фрукт, – Чапа водил пальцем по корешкам многотомника на книжной полке, – чьи это книги по психиатрии?

– Матери.

– Да? А где она работает?

– В Заводской больнице. А сейчас в Военкомской призывной комиссии.

– Еврей! – Это опять пришёл Пупок. – Что у вас в середине кухни на полу?

– На кухне? Погреб, конечно! Знаешь, приспособление такое, чтоб, когда придут устраивать очередную «Хрусталь-

ную ночь»... Как в кино про фашистов. Пупок, тебе это в принципе не грозит! Но, если интересно – пошли, покажу!

Они все вместе двинулись за Манштейном на кухню.

– Смотри! – Фрукт нажал на белую, почти незаметную кнопку на стене, и полкухни поехало вниз. – У нас там кладовка. Пахан сам сделал.

– А в кладовке что?

– Ну ты, Пупок, козёл! Что обычно бывает в кладовке?!

– А я чё, знаю? У нас нет «кладовки»! Мы на втором этаже живём!

– Давайте, поедem и посмотрим! – Каринка, именно та, которую Фрукт обещал осчастливить своей женитьбой, свесила вниз любопытную кудрявую головку и следом чуть не завалилась туда вся.

Нехилая оказалась кладовка! Тут можно было не «Хрустальную ночь», а всю Ленинградскую Блокаду пересидеть! Чего там только не было, в этой самой кладовке! Красивые болгарские шампуни на полке пугали своим заграничным великолепием; целые клетки яиц по тридцать штук в каждой; какая-то загадочная самостирающая машина «Вятка-автомат» и... маленький такой автомобильчик. Блестящий, с настоящими окнами и дверками, совсем как живой, но все-таки игрушечный, прекрасный маленький «Жигулёнок» на двоих.

– Нифига себе! – Чапа перестал жевать солёные огурцы, удачно выловленные им из деревянного бочонка. – Вот это

номер! Дай-ка глянуть!

– Это тоже пахан сам сделал. Собрал своими руками, – Фрукт забрал у Чапы недоеденный огурец и громко, с хрустом откусил от него кусок. – Мы когда переезжали сюда к вам в Город, я ещё был маленький и катался в «Жигулёнке» по двору. Вот тут поднимается стена, и выезжаешь во двор. А чего теперь? Я в него не помещаюсь.

– Ну, может, как-нибудь попробуем! – Чапа аж зачесался от нахлынувших чувств.

– Пробуй сам! – Фрукт снова откусил огурец. – Мне мои ноги без синяков больше нравятся.

– Пупок тихо присвистнул, потом втянул носом воздух, задумчиво пожевал его:

– Мойша, поехали наверх. Давай яйца жарить. Я так жрать захотел!

И они жарили яйца, ели фантастический форшмак из селедки с тортом, выпили всё пиво, потом стали крутить пустую стиральную машину «Вятка-автомат», чтоб увидеть, как она засасывает воду. Одним словом, устроили настоящий еврейский погром. Чтоб после них привести квартиру в порядок, скорее всего, понадобилась бы бригада профессиональных уборщиц.

Аделаида была более чем уверена, что после всего этого родители Фрукта запретят им даже ходить по их улице, как ни странно, до конца учёбы одноклассники ещё несколько раз приглашались «на субботу», и каждый раз погромы по-

вторялись...

У Аделаиды в доме гости бывали нечасто. К её родителям практически никто не приходил. Или приходил, но очень ненадолго.

Когда какая-нибудь знакомая случайно забредала к маме на полчасика, Аделаида была в восторге! У мамы менялся голос, становился мягче, вкрадчивей. Мама в это время не заглядывала постоянно в её комнату, называла «доченькой» и совсем не делала замечаний. Могла, конечно, ласково позвать на кухню:

– Поздоровайся! Это Людмила Павловна. Ты её помнишь?

– Не-ет, – Аделаида медленно качала головой и опускала глаза.

– Ну, как не помнишь! Мы раньше в одной школе работали!

– Не помню!

Людмила Павловна тем временем с удивлением и любопытством рассматривала Аделаиду со всех сторон и всё время отворачивалась, как бы делая вид, что я вовсе не на неё смотрю, а мимо.

– Ну, хорошо! – Говорила мама. – Не сутулься! Волосы со лба убери! Руки из карманов достань! Ты что там делаешь? Читаешь? Что читаешь? Дополнительную литературу? Ладно, ладно, иди, доченька, делай уроки!

От мысли, что почти полчаса она не услышит окрик на полувыдохе-полувдохе: «Хаделаида-а-а!» – Внутри станови-

лось уютно и спокойно.

Она давно по шороху платья, по дыханию, по звуку маминых шагов на лестнице и по шуршанию, с которым мама в коридоре переодевала обувь, научилась определять её расположение духа. Вот она тяжело поднимается по лестнице, толкает дверь; молча, не проронив ни слова, с грохотом снимает туфли. Она сопит и сопит. Сопит громко и прерывисто. Значит, мама устала и очень раздражена. Нельзя подавать голос. Надо, чтоб она первая заговорила. Надо держать паузу. Мама в пальто заглядывает к ней в комнату:

– Ты дома?

– Да.

– Как дела в школе?

– Нормально...

– Что принесла?

– Ничего не принесла.

– По математике спрашивали?

– Нет.

– Почему руку не подняла?

– Я подняла!

– Не ври! Я вечером Глебу Панфиловичу позвоню!

– Позвони!

Тут надо натянуться как нерв самой, чтоб войти с маминым настроением в резонанс. Не дай Бог всем своим ливером не почувствовать, что маме надо. Будет ли она есть, приляжет ли, можно ли с ней пошутить или надо быть «сдержан-

ной». Тогда, в принципе, можно сохранить мамино «дыхание», чтоб оно не ушло. Откуда у гостей столько такта и знаний?! Да они запросто могут с мамой и поспорить, доказывая своё! Мама, конечно, долго спорить не будет. Она не будет «связываться», потому что «выше этого», но когда гость уйдёт, мама останется «разнервированная», и тут уж по счетам платить Аделаиде! Нет! Уж лучше вообще без гостей!

Мама обещала вечером Глебу позвонить? Не верит, что Аделаида поднимала руку. И правильно делает, что не верит, потому что руку она действительно не поднимала. Она сидела на последней парте, тщетно стараясь спрятаться за спиной у Бекаури! Ей вообще хотелось раствориться, умереть, превратиться в пыль, только не выходить к доске! Позвонит и будет снова...

А вот тут-то Аделаида нутром, каким-то внутренним чувством понимала: страшный, ужасный Глеб её не выдаст! Он – такой большой и серьёзный – почему-то соврёт ради неё. Почему? Она ведь ему никто. Просто так, посредственная ученица, чтоб не сказать больше. А папа считает его своим «любимым» другом, значит, Глеб должен сам звонить и говорить, какая она «рассеянная», что «у неё математическая голова», что она «может, когда хочет», «что она просто лентяйка»... Он никогда не звонит. И по вторникам, кажется, старается из кабинета вообще не выходить. Папа часто искал его в учительской, но его там не было. Станный он какой-то, этот Глеб Панфилович... Станный, необъяснимый и совсем

не такой, как все другие учителя. Даже иногда ей кажется, что он – Глеб Панфилович – как-то... как это сказать... ну, жалеет её, что ли... Это, конечно, очень некрасиво – людей жалеть. Надо всем и всегда в глаза говорить правду. Мама говорит, что жалость унижает человека, что жалеть можно сирот и больных, и то, если их не уважаешь.

В гости к своему «другу» – Аделаидиному папе он тоже так ни разу и не пришёл.

К Аделаиде каждый год продолжали приходить приглашённые гости на День рождения. Дни рожденья были целым событием! «Оно справлялось». Мама так и говорила:

– Возьми ручку, сядь и пиши, кто к тебе придёт!

Чего было писать – непонятно, ведь из года в год приходили одни и те же!

Когда они учились в младших классах, приходили гости, все садились за накрытый стол, ели, потом играли во дворе, или смотрели диафильмы на белой простыне. Читала текст всегда Ирочка Маяцкая, потому что считалось, что у неё «хорошая дикция», и она «говорит с выражением». Когда повзрослели – стали включать музыку и танцевать «быстрые» и «медленные» танцы именно, так, как рассказывала Оля про свою старшую сестру, только тогда не верилось, что так бывает... Мама в комнате для гостей находилась постоянно. Когда кушали – то салфетки приносила, то стаканы уносила. Слушала разговоры, вступала в них, исправляла «ошибки речи», высказывала своё мнение. Как только гости

вставали потанцевать, мгновенно начинала убирать со стола. То есть, если кто встал, то сесть больше не мог. Мог, но есть уже было не с чего. Мама ловко уворачивалась от конечностей танцующих, останавливалась и говорила как бы в шутку:

– Э! Пропусти меня! А то наступишь – убьёшь!

И все останавливались, пропуская маму, убирающую посуду со стола. Но, кроме Аделаиды, никто не понимал, что мама чувствует сейчас себя жертвой и они, эти «оболтусы» должны ей быть благодарны за то, что их пригласили, за то, что мама за ними ухаживает как прислуга. Они «поели, попили, встали – пошли»! Они действительно не понимали, что мама приносит себя в жертву, потому что у них тоже были свои мамы и никто так не «мучался». Вскоре наступал момент, когда маме эта неблагодарность уже начинала надоедать. Она её раздражала. Аделаида видела, что «пиршество», как мама называла застолье, маму утомило и ей всё и все действуют на нервы. Она всё громче стучала тарелками, роняла стаканы с лимонадом, они разбивались, она тёрла шваброй пол, потом рассыпались фрукты.

Аделаиде передавалась эта нервозность. Она понимала – мама устала и ей все надоели. Ей становилось тоскливо, а ничего не понимавшие и не чувствовавшие одноклассники веселились, как будто это у них День рожденья. Её больше не радовали ни музыка, ни шутки. Ей хотелось только одного, чтоб они поскорей ушли. Мама ходила между ними, сжав

рот в ниточку, с выражением лица Святой Шушаники – мученицы.

Наконец, часы выкукукивали девять. Тут, как по мановению волшебной палочки в дверях появлялся папа:

– Харашо ви пришли Аделаидочку нашу дочку паздравили Днём ражденья!.. Тэпэр всё могут дамой ити!

Потом вперёд выходила мама, кланялась в пояс и, в надежде, что все поймут её сарказм, надрывно декламировала:

– Спасибо вам! Спасибо вам всем за то, что пришли в мой дом! Что поели, попили!

Одноклассники смущённо улыбались, топтались в коридоре, гордые и довольные, что доставили маме такое удовольствие.

– Пожалуйста! – Отвечали они.

– О! Вы так добры! – Заходилась мама. – Захаживайте!

– Спасибо!.. – Они всё ещё не понимали... они всё ещё не чувствовали...

Аделаида готова была провалиться не сквозь землю, а куда-нибудь в жерло вулкана и желательно пролететь до самого ядра Земли.

Ребята шумно вываливали в коридор, смеясь и болтая, натягивали пальто и куртки, опять почти не обращая внимания на стоящую тут же в виде надгробья маму. Лицо её становилось застывшей посмертной маской так почитаемого ею поэта Александра Сергеевича Пушкина – столько боли и скорби было в нём! Наконец, закрывалась дверь за послед-

ним посетителем. Аделаида сжималась, как спираль от раскладушки. Сейчас самым главным было ни духом ни словом не спровоцировать маму, иначе это могло закончиться глобальной катастрофой.

– Я буду посуду мыть, а ты вытирать, – строго говорила мама.

– Так напор упал, колонка уже не включится, – у Аделаиды смертельно болела голова и ей хотелось лечь.

– Поставь чайник. Это нельзя оставлять назавтра! Всё провоняет! Буду мыть в тазу.

Чайник закипал. Аделаида протирала непромытые, жирные тарелки и каждый раз давала себе честное слово, что больше никаких Дней рождений справлять не будет. Потом мама шла в гостиную и звала Аделаиду:

– Иди сюда! Эй, тебе говорю, сюда иди! Что-то мне совсем плохо! Давай, измерь мне давление!

Давление бывало почти всегда немного повышенным, и как только мама о нём узнавала, ей становилось «ужасно плохо». На следующий день она тоже не вставала, вызывала участковую Лолу и брала «больничный». Аделаиде казалось, если б Лола дала, то мама взяла бы «больничный» до её следующего Дня рождения.

Как-то раз Аделаида попробовала изменить сценарий: попросила маму с папой пойти погулять, пока у неё будут гости:

– Сходите к тёте Эмме с дядей Мишей. Они же ваши дру-

зья. А мы с девочками всё сами уберём и посуду помоем, так что вы придёте вообще в чистую квартиру и ты, мама, не будешь две недели болеть...

Мама согласилась и они ушли. Вернулись родители ровно через час в самый разгар веселья:

– Мам! Вы уже пришли?! Ты же обещала!

– Что я обещала?! Ещё не хватало, чтоб меня из собственного дома выгоняли! Это ещё что такое?! Когда хочу – тогда уйду! Когда хочу – тогда приду! Тебя я забыла спросить!

«А, может, они поссорились с тётёй Эммой? – Подумала Аделаида. – Может, тётя Эмма догадалась о том случае, когда они с дядей Мишей очень сильно поссорились. Он кричал на неё, что она хочет его убить; а она кричала, что зарабатывает как может, кормит семью, и громко плакала».

Тётя Эмма шила на заказ, и у неё везде валялись нитки, булавы, иголки, лоскутки. Дядя Миша, конечно, ругался изредка на жену, но изменить ничего не мог. Это у неё было и для души и для финансовых прибавок к небольшой учительской зарплате. Папе очень не нравилось, что тётя Эмма шьёт. Однажды, когда никого в комнате не было, вытащил из клубка иголку и воткнул её ушком в кресло:

– Миша! – позвал он. – Иды, в шахматы паиграэм!

– Иду! – дядя Миша, осторожно поставив на стол две пиалы с узбекским чаем – для себя и для друга, и в предвкушении наслаждения с разгону шмякнулся в кресло.

– Аа-а-а! Ах, ты!.. Эмма! Сколько раз говорил: «Смотри

за своими иглами и нитками!»

Дядя Миша вертелся, тщетно пытаясь увидеть свой зад и то, что в него воткнулось.

Папа кинулся помогать:

– Пакажи! Пакажи! Что случился?

– Сто раз говорил – не бросай иглы на кресло! Вот видишь – воткнулась! Сейчас соберу и выкину всё в мусорный ящик!

Они долго прямо при папе переругивались. Потом дядя Миша часто напоминал тётке Эмме о её проступке.

Так, может, тётя Эмма догадалась, что это сделал папа, и они рассорились? Потому мама с папой вернулись так скоро?! Да нет... не похоже... Они, скорее всего, вообще туда не ходили, а весь час стояли и заглядывали в окна!»

У Фрукта всё было не так. И гости к ним ходили когда хотели, и родители оставляли его одного по нескольку дней. Так они и готовили кучу вкусных вещей, чтоб ему было чем угощать одноклассников. Они не заперли сервант на ключ и не заклеили в нём стёкла, за которыми хранился чешский сервиз «Мадонна» – предмет беспредельной гордости Горожан и бессрочный пропуск в «приличное» общество. Возможно, родители Фрукта себя сами не причисляли к «приличному» Городскому обществу? Иначе как можно было объяснить отсутствие у них внимания в сыну? А вдруг, пока их нет, что-то нехорошее «случится»? Во! Вдруг Мойша тоже будет с кем-то из девочек «играться», как та мамина од-

ноклассница, и она, как та девочка, «испортится»? Разрежут ей живот и, чтоб «скрыть позор», как и те, оставят ребёнка в роддоме!

Однако, как ни странно, сервиз никто не разбил, «играться» никто и не пытался. Фрукт в понедельник приходил в школу в прекрасном настроении, без следов родительских «внушений».

«Почему Мойше можно всё, а мне ничего?! – Ломала голову Аделаида. – Конечно, родители должны смотреть за своими детьми, но когда они даже не разрешают закрывать дверь в свою комнату, как это называется?! Когда только от одних звуков от длинно-протяжного на полувдохе-полувыдохе: „Хаделаида-а-а-а!“ – немеют руки и ноги, и ведь даже нельзя в пионерский лагерь, чтоб побыть хоть несколько дней без родителей!»

Нет! Она их очень-очень любила! Просто... Ну, например, просто были такие минуты, когда хотелось о чём-то в одиночестве подумать, подытожить что-то, поразмышлять.

О чём ты думаешь? – Благодушный тон мамы не мог её обмануть. Мама бесшумно вошла в её комнату и очень насторожилась, заметив, что Аделаида не читает, не пишет, а просто сидит и смотрит в одну точку. Но мама сегодня была в хорошем настроении, видно, пока под действием «хороших успокоительных» Елизаветы Абрамовны. – О чём думаешь, спрашиваю? А, мечтаешь? Ну, помечтай, помечтай немножко!

Ура! Мама разрешила помечтать!

Иногда Аделаида хотела, чтоб произошло землетрясение, чтоб они остались без дома, чтоб жили в бараке со всеми людьми вместе, чтоб ели из ведра и ходили в общий туалет. Тогда взрослые будут отдельно, маленькие дети отдельно; им же, наверное, предоставят брезентовые палатки для девочек и для мальчиков. Они будут в подростковой. О! Как девчонки будут шушукаться перед сном, рассказывая друг другу свои секреты, и никто, в семейных трусах со словами: «Спат! Спат!», не будет выдёргивать телевизионный провод из розетки сразу после прогноза погоды в программе «Время».

Обязательно будут ходить общественные начальники, которые будут сами всем руководить, и она уже будет подчиняться и принадлежать не маме с папой, а Партии и Правительству. Или если б война началась... Тогда бы они точно вообще уехали из этого города и, может быть, мама с папой стали другими...

«И всё-таки: как живёт этот Фрукт? Может, он знает что-то такое, о чём я даже не догадываюсь? – Как не крути, но мысли Аделаиды продолжали возвращаться к новому однокласснику. – Чего, собственно, я думаю да гадаю? – Вдруг решила она. – Ведь Фрукт вроде пацан ничего. Может, просто подойти к нему при случае, ну, когда ещё раз к нему пойдём, и спросить? Вот просто подойти и спросить, как он живёт?»

Глава 8

Брошка – ярко-зелёные пластмассовые листья и склеенные посередке вишнёвые ягоды – так ни разу и не надеванная, в ящике стола вымазалась пастой, поблекла и запылилась. Надежды папы, который купил Аделаиде брошку в качестве аванса за будущую «пятёрку» по химии, так и не оправдались. Высшего балла всё не было и не было. Не то, чтобы Аделаида мнила себя непризнанной Склодовской-Кюри, она читала учебник, старалась запомнить симпатичные формулы. Когда сама занималась дома и потом репетировала ответ на бумаге, вроде всё шло гладко, без подсказок. Вроде всё и поняла и запомнила. Однако, как только она попадала к доске, и формулы, и способы получения и разложения куда-то вылетали из головы, и она превращалась в чистый лист. И даже не потому, что школьное платье было меньше, чем по размеру, и не потому, что Аделаида стояла у доски как на мушке у исполнителей расстрельного приказа, просто возникало такое ощущение, что мозг стал похож на сосуд с двойным дном. Первое было похоже на решето: когда она читала, то вроде как всё оседало, но потом просачивалось сквозь дырки в дне на более низкий уровень. Зато потом оттуда, со второго уровня вытащить необходимое было очень трудно. Иногда даже невозможно. Особенно, когда её вызывали внезапно. Если б её предупреждали:

– Аделаида, следующей пойдёшь отвечать ты!

Она бы за две минуты собралась, и всё бы выглядело гораздо лучше. Или если б ей сказали ответить письменно на листочке из тетради. Именно эта внезапность и неожиданность совершенно выбивали её из обоймы. Она отвечала, но, видимо, не так, как хотела Алина Николаевна.

– Отвечает неуверенно, – жаловалась она папе по вторникам удивительно писклявым голосом, – медленно... Надо чтоб от зубов отскакивало:

– Ана не занимаэца? – Подозрительно интересовался папа.

– Учит... наверное, занимается, может быы-ы-ыть... – Алина Николаевна уходила на высокие ноты и зачем то сама тянула слова, – но, видимо, недостаточно... как говорится – на скорую руку, очень поверхностно. Надо, чтоб она была усидчивей, внимательней. Она рассеянная и несобранная. Нет! Я не могу ей за такие ответы ставить «пятёрку». Я слышала – она даже в мединститут собирается? Там на вступительных химию сдают. И сдают преподавателям вуза. Если б мне так отвечали Пупынин или Дорогонов, я бы, естественно, поставила им «пять». Они учатся средне. В Мединститут поступать не хотят. Им химию не сдавать! Они меня не опозорят. Но вашей дочери... Не знаю, не знаю... пусть ещё позанимается.

– Спроситэ эво на следущэм урокэ. Пуст эшо пазанимаэца, атветит и исправит!

– Я вам объясняю: она собирается поступать в медицинский институт, куда на вступительных сдают химию. Её уровень знаний и способности в целом не соответствуют Медицинскому институту. Ну, не знаю... не знаю... Я спрошу её, когда посчитаю нужным!

Папа беседы с химичкой вёл каждый вторник, и каждый раз ни к какому компромиссу они не приходили. Казалось даже, что химичка и папа соревнуются, кто кого возьмёт измором. «Решение вопроса» каждый вторник неизменно оставалось открытым. Конструктивных предложений никто не выдвигал. Белкина принципиально считала, что Аделаида со своим «багажом знаний» и «способностям» слишком высокую планку себе поставила, а папа считал, что Аделаида «лэнтайка» и «бэзделница», хотя в глубине души считал, что Аделаиде можно уже прямо сейчас выдать диплом врача. Папа в деталях передавал разговор маме. Когда у мамы было лирическое настроение, она просто говорила:

– Э-э-х! Останешься за бортом! Все поступят в институт, а ты будешь палец сосать! Никто с тобой из одноклассников здороваться не будет. Пройду-у-ут мимо и сделают вид, что не знают тебя! А всё потому, что вместо того, чтоб приготовить предмет, который ты должна знать как свои пять пальцев, который ты будешь сдавать на вступительных экзаменах, ты по гостям ходишь! К Манштейнам, Энштейнам, всякая шваль у тебя в друзьях. Все-е-е они поступят! Только ты в дураках останешься! И Манштейн твой поступит куда-ни-

будь в престижный вуз, в Институт Международных Отношений, например, или в Московский университет. И что ты хочешь сказать: если ты не поступишь в Мединститут, он с тобой через пять лет здороваться будет?! Да он забудет, как тебя звали! Он с тобой на одном гектаре срать не сядет!

– Так до поступления ещё два года! Я же готовиться буду! И к Манштейнам я больше не ходила! – Аделаида пристально рассматривала узор на ковре позади маминой головы. Она сама это придумала: оказывается, можно смотреть чуть правее, или левее от лица, а маме будет казаться, что у Аделаиды «волосы со лба убраны», «открытый взгляд», и она смотрит ей прямо в глаза. Нет, мама не любила, когда ей смотрели в глаза, она и сама отворачивалась, когда разговаривала. Но в такой ситуации она считала, что взгляд должен быть открытым. Это говорит о том, что помыслы Аделаиды честны и она ничего не скрывает, что готова «начать жизнь сначала» и «всё изменить».

– «Два года»! Что такое «два года»?! Пролетят так, что не заметишь! И потом, откуда у тебя это за манера – на охоту идти – собак кормить?! Столько можно бегать в гости?! Хорошо хоть семья интеллигентная, может быть, что-то у них возьмёшь. Кстати, мне мать этого мальчика приветы не передавала?

– Конечно передавала! – у Аделаиды подкашиваются ноги от мысли, чего будет, если мама случайно узнает, что когда они праздновали своё «просто так», родители Фрукта вооб-

ще выезжали из города.

Снова и снова Аделаида учила химию, поднимала руки, но Белкина её не замечала. Она величественно прохаживалась между партами вдоль рядов, иногда бросая равнодушный взгляд в сторону Аделаиды. Потом, словно вдруг что-то вспомнив, резко оборачивалась к ней:

– Иди к доске, Лазариди! – Тоненьким фальцетом цедила она. – Продолжай после Буйнова одиннадцать способов получения солей! Пять он уже сказал, давай шестой... Ты должна это знать назубок! Тебе химию на вступительных в институт сдавать!

Аделаида цепенела. Плелась к доске, мучительно пытаюсь вспомнить шестой, седьмой, восьмой... Отвечала тихо, «неуверенно», путалась, делала ошибки, стирала, снова писала... Эх... всё каждый раз снова и снова, как та «Директорская работа» по математике.

– Садись, Лазариди! Я тебе натягиваю «четвёрку». Считай – это подарок. Сядь, сядь на место!

– Алина Николаевна, пожалуйста, не ставьте мне вообще ничего! У меня уже и так много «четвёрок»! Я до конца четверти не успею их исправить! Можно, я на следующем уроке всё снова отвечу?

– Что значит «не ставьте»?! – Белкина удивлялась так искренне, так по-детски доверчиво, словно кто-то неожиданно признавался ей в любви, и она просто не верила своему счастью. – Это что ж, я тобой одной должна заниматься на каж-

дом уроке? – Тоненький голосок Белкиной становился ещё тоньше и переходил в третью октаву. – «Четвёрка» хорошая оценка!

– Но меня ж дома убьют! Можно, я всё снова выучу и отвечу хоть после уроков? Хотите, даже несколько уроков сразу!

– Надоели мне ваши «завтраки»! «Четыре» ей не нравится! А кто сказал, что у тебя должно быть «пять»?! Если бы у всех были только «пятёрки», то зачем тогда пятибалльная система оценок? Давайте поставим всем «пятёрки» и разойдёмся!

Белкина, страшно довольная собой, и в особенности своим содержательным монологом, резко разворачивалась на каблуках спиной к Аделаиде и уходила в сторону доски. Вот так сзади, в накинутом на плечи суконном пиджаке, она ещё сильнее напоминала тощей спиной непоколебимую комиссаршу, командующую расстрелом, из какого-то фильма о войне, где «белые» стреляли в «красных», а «красные» в «белых».

Но вот, как-то раз Алина Николаевна на радость всего класса внезапно заболела. ОРЗ – это кашель, чихание, насморк и плохое настроение. Диагноз вполне позволял отлежаться дома несколько дней. Как ни странно для «комиссарши», ни при какой погоде не покидавшей свой пост, Белкина на этот раз «больничный» всё-таки взяла.

– Почему сегодня так рано? – Спросила мама, не отрыва-

ясь от замечательной «Семьи и школы».

– Нас раньше отпустили, химии не было, – Аделаида снимала с распухших ног туфли. К концу занятий от сиденья в классе ноги всегда отекали и ныли. Они становились похожими на подушечки. Аделаида с нескрываемым удовольствием поставила ногу прямо на холодный пол.

– Не стой босиком! Тапочки одень! Простудишь свои яичники, и воспаление придатков начнётся! Знаешь, что такое простуженные придатки для девушки?!

Аделаида знала, кто такие «придатки» и «что они для девушки», но от одного только менторского тона, каким мама о них говорила, она готова была вырвать их из собственного живота без наркоза своими руками! Аделаида медленно встала и пошла в коридор за тапочками. Чтоб раздутые, горящие ноги хоть немного отдохнули, она надела папины.

У неё последнее время всё чаще и чаще стало возникать ощущение товарно-денежных отношений, как учили они по новому предмету. Товаром, конечно, была она. Товар необходимо было продать. И чтоб его продать подороже, надо было придать ему максимально товарный вид, чтоб на него был спрос. Разрекламировав качество товара, вполне можно было устраивать аукцион, то есть свободный рынок. Под словом «продать» подразумевалось «отдать» в богатую, уважаемую и «хорошую», «интеллигентную» семью. Поэтому и папа, и мама любили повторять:

– О-о-ф! Какое тебе время болеть?! – как бы убеждая всех

вокруг, и себя, прежде всего, что их «товар» «экстра» -класса!

Исключительно для возможности попасть в будущем в «хорошую семью» Аделаида должна была быть очень здоровой, образованной, умной и воспитанной девочкой, как гипотетически выражался папа – «кристаличэской» (кристально чистой). Странно и удивительно, когда Аделаида объявила родителям, что будет поступать в Мединститут, мама, хоть ничего и не сказала, но по её лицу явно поползло выражение удовольствия. Единственное, что маму ошарашило – большое и корявое слово «судмедэкспертиза».

– Это ещё что за глупости?! – Удивилась мама. – Ты что, в мёртвых кишках ковыряться будешь?! Чтoб надо мной смеялись?! Спросят: «Кто твоя дочка по специальности?» Я скажу: «Врач!» А они спросят: «Какой врач?» Что я людям отвечу?! Ты подумала о том, что я людям отвечу?!

Аделаида чувствовала, что когда «о ней» «будут спрашивать» представители «той», пока неопределённой «хорошей семьи», первым и очень весомым доводом «за» будет словосочетание «диплом мединститута», что, по большому счёту, является синонимом слова «не вертихвостка». «Здоровая»! Конечно, здоровая! Чтoб сидела дома и каждый год рожала по поросёнку. Вон какая здоровая, что все платья только на заказ сшиты, потому, что её размеров вещи не продаются. Правда, мама как-то обмолвилась, что ей сказали, дескать в Большом Тороде есть специальный магазин «Богатырь»,

где продаются вещи огромного размера. Видно, маме очень понравилось название, так как она действительно была уверена – её дочь – «богатырь», и она даже собралась было поехать поискать этот магазин вместе с Аделаидой, чтоб потом рассказывать: «Моя дочка покупает вещи в магазине „Богатырь“!»! Только при мысли о возможности такого позора Аделаида бы на всю жизнь готова была отказаться от любых нарядов и согласилась бы ходить в пододеяльнике, проделав дырку для головы посередине. Или вообще в ватно-марлевой повязке ходила, или голой, чем «одеться» в магазине «Богатырь»! Быть «здоровой» было ещё обязательней, чем умной. Вон тётя Тина так вытолкала невестку, у которой обнаружила шрам от операции, что она вообще из Города исчезла! Если б она была даже полнейшей дурой, не отличавшей гайморит от геморроя, её бы ни за что не выгнали! Жила бы у тёти Тины и жила, родила бы пятерых детей, а все вокруг были бы счастливы. Поэтому, босыми ногами не надо становиться на пол, а то можно «простудить яичники и придатки». Тогда она не сможет родить, и вот тогда её саму вытолкают взащей. А на родителей-то на всю жизнь «ляжет пятно» и будет «стыдно» за то, что свой «червивый товар» рекламировали как «прекрасный», и как им после всего этого людям на глаза показаться! Поэтому, чтоб у Аделаиды не возникло каких-нибудь дурацких мыслей о болезнях, папа любил повторять:

– Какой тэбэ время балет?! (Какое тебе время болеть?!)

Мама, если б у Аделаиды даже началась проказа, так сказать – цветущая лепра с «львиным лицом», ни за что бы не обратилась за помощью ни к кому, параллельно доказывая окружающим:

– Ни-эт! Что вы?! Она очень здоровая! Это лёгкая аллергия на авокадо!

«Балная» у нас только мама, и это её святая привилегия. Всех остальных болящих папа тупо презирал.

– Тебя спрашиваю: что значит «химии не было»? – мамин голос возвращает к действительности. – Вообще не было? И не было замены?

– Химия по расписанию последний урок. Алина Николаевна заболела и взяла больничный, – Аделаида рапортовала чётко, кратко и полно.

– На бюллетени, ты хочешь сказать? – Мама не могла слышать, когда кто-то употреблял слова не из её лексикона. Начало рапорта было хорошим, но мама всё же нашла, где подправить. Она делала вид, что не понимает, что такое «больничный» и вынуждала собеседника сказать именно так, как говорила она.

– На ней, – Аделаида кивнула, – на бюллетени.

– И в какой она больнице? – Мама тоже говорила чётко и внятно.

– Она не в больнице, она дома. У неё что-то вроде гриппа. ОРВИ..

Вот и хорошо! – Непонятно чему обрадовалась мама. Мо-

жет она тоже не любит Белкину? – У тебя есть возможность с ней встретиться, поговорить. Пойди и навести её. Ей будет приятно!

– Мы пойдём её навещать? – Аделаида не поняла: как это мама, которая синела при одной только мысли, что Аделаида хочет выйти из дому, вдруг вспылала неукротимым желанием навестить больную коллегу.

– Не «мы», а ты! Чего это я пойду? Это твоя учительница, вот ты и иди.

– Так она ж вирусная...

– А что: человек обязательно должен умирать, чтоб о нём позаботились? – Мама проявляла поистине чудеса кротости и душевного тепла. – Подумаешь, «вирусная»! Ближе к ней не подходи, и всё! Возьмёшь апельсины, вон папа недавно купил конфеты, печенье и пойдёшь! – Мама выказывала неимоверное сочувствие Алине Николаевне Белкиной, обнаруживая в себе целые кладези нерастроченной нежности. – Ты знаешь, где она живёт?

– Нет! – Аделаида не врала. Она правда не знала адреса.

– Ничего! Я сейчас Береговой позвоню, она где-то в их районе живёт.

Береговая оказалась дома, но адреса не знала.

Людочка! – Пела мама. – Ну, я вас очень прошу! Просто умоляю: найдите для меня адрес! Понимаете, Алина Николаевна очень тяжело заболела! Вы же знаете – она живёт одна, у неё никого нет. стакан воды подать некому! Аделаида

дочка бы сходила, супик бы ей сварила, или ещё чем помогла. Мы же коллеги! Мы должны поддерживать друг друга!

Когда через полчаса позвонила Береговая и, растроганная почти до слёз маминой добротой, продиктовала адрес, свет померк в Аделаидиных глазах. Последняя надежда рассосалась, как хвост у головастика! «Как это я пойду навещать Белкину домой?! – Думала Аделаида. – Что ей скажу? И вообще – о чём с ней говорить?! Она ж меня терпеть не может. Да, хотелось бы, чтоб она ко мне относилась совсем по-другому. И вовсе не из-за оценки по химии. Она вроде и сама ничего... Только какая-то странная, как робот...»

Учителя периодически болели, и они всегда всем классом ходили их навещать. Во-первых, это было интересно – всем классом, вместе идти куда-то пешком, или на автобусе. Поорать по дороге, повеселиться. Вот они недавно навещала в больнице учительницу географии Наталью Владимировну. Так она лежала такая бедненькая в палате, так искренне обрадовалась, что они все к ней пришли, что аж расплакалась от умиления и подарила им все свои конфеты, которые ей принесли другие навещатели. И они от радости шли домой пешком через весь Город, ставя друг другу «подножки» и старались попасть друг другу в маковку жёванной конфетной обёрткой. Весело вышло, прямо как целая экскурсия. Но идти одной? Сходить в Наталье Владимировне или Нине Левановне, учительнице национального языка, Аделаида могла даже без подсказки. С ними было интересно. Они

умели рассказывать, умели слушать, шутить. Они даже по-своему любили Аделаиду.

Алина Николаевна жила очень далеко от их дома, туда ходил единственный автобус, и то нерегулярно. Аделаида, да-ром проторчав на остановке битый час, решила пойти пешком. А что? Была в этом походе своя какая-то прелесть. Идёшь себе один, думаешь о чём хочешь, вспоминаешь что-то.

Ветер поднялся неожиданно. Небо стало чёрным, как ночью, и пошёл крупный, тяжёлый дождь. Прятаться под балконы или навесы было противней и хуже, потому что под ними уже стояли какие-то дядьки, а это значит, что они начала бы приставать и противно спрашивать всякую ерунду. Лучше было идти дальше, хоть сильный ветер и колот лицо. «Ничего! – Решила Аделаида, пряча глаза от ветра и стараясь подставить спину. – Ещё всего один квартал, и я на месте!» Но пришлось немного покружить и по микрорайону. Дома стояли не друг за другом, а как-то странно. Были корпуса «32А», просто «32», были дома с двумя цифрами, то есть «34—36». Это было вообще чем-то немыслимым. Аделаида привыкла, что на их улицах в Старом районе просто чётные и нечётные дома идут друг за дружкой.

Лифт, засыпанный мусором, скорее всего, под завязку до девятого этажа, не работал уже несколько лет. Так, это нам знакомо! Ничего страшного! Значит так, сперва надо сделать вид, что идёшь только на третий этаж. Это ж не высоко?!

Потом ещё на третий... и ещё... и все дела!

Аделаида долго не могла отдышаться. Третий, третий и ещё раз третий не помогли. Очень высоко. Наконец, дыхание пришло в норму.

Алина Николаевна открыла не сразу. Видно было, что она внимательно разглядывает силуэт в дверной глазок. Наконец, загремели ключи, и дверь с шорохом приоткрылась.

– Аа-а... это ты... – разочарованно протянула она, – как ты здесь оказалась? Что-то случилось?

Аделаида подумала, что учительница не узнаёт её в полумраке подъезда, и поэтому не приглашает войти.

– Здравствуйте, Алина Николаевна! Это Аделаида!

– Я вижу! Что-то случилось? – Белкина говорила так спокойно, словно Аделаида жила на соседней с ней площадке, или этажом ниже, и они встречались три раза на дню у заколоченных дверей лифта. Словно на улице вовсе не было грозы, а Аделаида не стояла перед ней вся мокрая, со слипшимися волосами.

– Ничего не случилось. Сказали, что вы заболели, и я пришла навестить. Вот я вам и покушать принесла, – от бесстрастных глаз химички Аделаида растерялась так, что забыла слово «гостинцы».

– Не надо мне ничего! – Алина Николаевна продолжала разговаривать, просовывая тонкий, как клюв нос в приоткрытую дверную щель.

– Да тут ничего особенного нет... – Она совсем смутилась

и не знала, как вести себя дальше, о чём говорить. Аделаида никак не ожидала, что кто-то может не пригласить войти, не взять гостинцы, – вот мама положила вам апельсинов, печенье... – Аделаида протянула химичке целлофановый пакет, сквозь который просвечивали оранжевые апельсины и большой бумажный фунтик, в каких в гастрономе взвешивали конфеты. Казалось, Алина Николаевна не видит ни протянутого ей пакета, ни то, что с разлохмаченной головы её ученицы по шее стекают противные капли.

Капли же между тем стали забегать прямо между лопаток. Аделаиду начал бить озноб. «Неужели, – с удивлением подумала она, – неужели моя учительница не угостит меня чаем?! Блин! Ну, холодно же!»

Белкина продолжала в щель наблюдать за «слабой ученицей», не тянувшей даже на «четвёрку» прозрачным, рыбьим взглядом:

– Передай маме большое спасибо и скажи ей, что я не голодна. У меня всё есть, – видно химичке надоело рассматривать мокрую Аделаиду, – ты извини, но у меня кружится голова и мне надо прилечь!

Дверь захлопнулась. В замке захрюкал ключ.

Аделаида в который раз за всю свою недолгую жизнь отказывалась верить тому, что происходило. Органы чувств, конечно, могли обманывать, но только по одному! Глаза видели закрытую дверь, уши слышали, как звенела связка ключей, и на ощупь дверь тоже была заперта. Однако...

Самое странное – ей совсем не хотелось плакать и даже не было обидно. Она поймала себя на мысли, что в глубине души чувствовала, знала – всё будет именно так. Вот только что ещё будет дождь и ветер, предположить никак не могла. Она снова развеселилась. Вообще-то, если говорить честно – под дождём было гора-а-аздо лучше, чем на холодной кухне химички и её твёрдыми пряниками в коробке из-под чешских туфель... «Это даже хорошо! – Аделаида бодро обходила большие лужи в не заасфальтированном микрорайоне. Не то, чтоб микрорайон был очень новым, ему явно было не менее семи-восьми лет, но в Городе просто не принято было класть асфальт за ненадобностью. – Точно! Это хорошо, что она меня непустила. В сто раз лучше идти теперь мокрой домой, чем сидеть с Белкиной на кухне и толочь воду в ступе, типа „ты должна подтянуться“, „надо быть серьёзней!“, „тебе химию на вступительных сдавать!“, „ты, наверное, можешь, когда хочешь“, „посмотри, как хорошо учится Андрюша Буйнов“ и другие обороты речи из кладезя учительской мудрости. Я сходила? Всё! Маме не к чему будет придраться. Уж это не моя вина, что она меня непустила. С другой стороны, – почти весело размышляла Аделаида, – неужели найдётся какая-нибудь, хотя бы одна причина, по которой можно не впустить в дом человека? Чего испугалась Белкина? Может быть, подумала, что завтра весь прогнивший насквозь Город узнает о моём приходе и о даче „взятки“ в виде апельсинов с „барбарисками“? Наверное,

так. Она, как и все в этом Городе, не хочет „опорочить своё честное имя“! Как там мама учила? „Лучше потерять голову, чем честь!“ Вот Белкина потерять „честь“ и побоялась. Нормально... Белкину никто не осудит за то, что она меня не впустила к себе „в дом“! В „хороших“ домах Города совсем наоборот – её будут уважать ещё больше за „принципиальность“, „честность“, „строгость и владение собой“! Ну, да... в их глазах она с честью несёт имя гордое учителя! Зато в „неприличных“ домах, в „неблагополучных“, как называет их мама, скорее всего не поверят, что учительница не впустила в дом свою ученицу. Но, с другой стороны, и мама меня послала „найти общий язык со своим преподавателем“. Кто же теперь прав? Мама, приказавшая „найти язык“ при помощи апельсинов, или Белкина, не захотевшая играть по маминым нотам? Опять ничего не понятно... Интересно – когда я вырасту, я научусь делать такие же финты или это ещё не у каждого получается?»

Ох! Подумаешь: не впустили тебя! – мама ни капельки не расстроилась, когда чихающая, но подсыхающая по пути Аделаида возникла на пороге. Мама даже ни в лице не изменилась, не стала говорить про «плохих» и «хороших» учеников, которых «пускают в дом». Она неопределённым жестом лениво махнула рукой:

Большое дело! Может, это и к лучшему... У неё заразное вирусное заболевание! Правильно сделала, что не впустила! Ты сделала то, что надо, и твоя совесть чиста: ты пошла?

Пошла! Навестила! Она это поняла? Поняла! Всё!

Глава 9

В жизни Аделаиды школа играла две совершенно противоположные роли.

Несмотря на то, что она, несомненно, была основным источником Аделаидиных горестей, всё же именно школа и являлась единственной отдушиной в её жизни – отпрыска «известных в Городе» родителей. В старших классах контакты во дворе свелись на нет. Кети, которая те несколько лет, пока Аделаида ходила к Алине Карловне, помогала ей заниматься музыкой, переехала в другой город. Говорили, что у неё обнаружили большие музыкальные способности, и родители отослали её к родственникам в Большой Город, чтоб она могла продолжить учёбу. Аделаида даже не представляла себе, как можно у родственников жить постоянно? Засыпать и просыпаться в чужом доме. К ним раньше приезжал папин брат Янис, но только переночевать. Несколько раз приезжали двоюродные братья, но тоже на несколько дней. Вот и все контакты! Нет, они, конечно, всей семьёй по праздникам ходили в гости к знакомым, на несколько часов.

– В гостях хорошо, а дома лу-у-учше! – всегда говорила она, ворочая ключом в замке входной двери.

– Да, – отвечала Аделаида, снимая с отёкших ног туфли.

– У каждого человека должен быть свой дом! – Продолжала развивать тему мама. Она снимала с себя «выходные

вещи» и облачалась в старый байковый халат.

Мама любила штопать. Они никогда просто не зашивала дырки, а натягивала вещь на лампочку и начинала делать иголкой ныряющие движение по ткани. Потом поворачивала вещь и снова делала то же самое. Нитки никогда по цвету не подходили. Если это была красная ткань, мама могла штопать розовыми нитками, оранжевыми. Когда нитка становилась короткой, мама не меняла её. Она просовывала иголку и при каждом стежке снова и снова продевала огрызок нитки в ушко. Так на месте маленькой-маленькой, почти не видной дырочки образовывалась огромная яркая латка.

Дом – это где человек чувствует себя комфортно, спокойно. Может отдохнуть. Разве где-нибудь может быть лучше, чем дома?

Ну... ну, дома, конечно, неплохо, особенно если мама на работе, а в принципе, Аделаида и в гостях ещё посидела бы немного! Очень даже интересно. Все сидят за столом, разговаривают. Угощают друг друга. И мама, и папа, и их друзья в хорошем настроении, шутят, улыбаются. Лучше всех в гостях у тёти Анны, у маминой подруги. Она работает главврачом Женской консультации. «Именно поэтому она накрывает такие столы! – объясняет мама. – Конечно! Если ей целую индюшку дарят, постоянно то конфеты приносят, то взятки дают! А у нас откуда все эти вещи?! Всё, что у нас в доме есть, мы с папой наживали своим трудом! Мне когда дали квартиру, у нас только четыре стены было, и спа-

ли мы на раскладушке вдвоём! Ей что?! Ей несут и несут, несут и несут! Поэтому говорю – поступишь в Мединститут – всё у тебя будет! Не поступишь – останешься у разбитого корыта!» Но Аделаида вовсе не из-за шикарных столов любила бывать у тёти Анны, а потому, что её дочка, старше Аделаиды на пять лет, была очень мила с ней. Никогда не обзывала, всегда что-то дарила и очень хорошо играла на пианино. Не как Аделаида, усевшись бетонной стеной, негнушима пальцами выводила: «Си-ля-соль-фа-ми-ре-до-о-о-о», а очень быстро, с душой, раскачиваясь от удовольствия, доставляемого самой себе. Играл замечательно и её папа, муж тёти Анны. Играл только весёлую музыку и прямо подпрыгивал на стуле. Как-то раз Аделаиде папа сказал, что дядя Вова не знает нот и играет сам просто так. Не то, чтобы папа был удивлён, или восхищён. Отнюдь! Так он принципиально называет мужа тёти Анны не Кижнер, а «Гижнэр». «Тиж» на турецком ненормальный.

– А што?! – говорил папа. – Брэнчает и пригает как нэнармални. Во-о-т!

Мама мило улыбалась. Ей иногда нравилось, как папа шутит.

Ещё у тёти Ани всегда было что стащить. Это было так приятно...

Сперва выбираешь себе вещь. Хоть какую! Хоть большую конфету из вазы в серванте. Хоть карандаш с письменного стола. Можно даже прекрасное перо от попугая в клетке, ви-

севшего всё время вниз головой, как дурак. Вещи эти, конечно, никакой ценности не представляли, но было так щекотно внутри сперва наметить себе цель, потом выждать мгновение, чтоб остаться незамеченной, потом, прикусив зубы и удерживая во рту выскакивающее сердце, прятать трофей в карман. Так никто ж карманы обшаривать всё равно не будет! Мы ж в гостях! Дома все эти вещички можно спокойно достать, красиво разложить и любоваться на них сколько хочешь! Дома точно никто не поймёт, где ты их взяла. И вообще, можно их так рассматривать хоть несколько дней кряду, вспоминая, как было в гостях весело, уютно. Значит, мама права, всё-таки дома хорошо!

До чего же должно быть страшно жить у кого-то из родственников, которые вообще чужие?! Точно, хуже смерти! И тёте и дяде явно хочется, чтоб им не мешали, не мотались под ногами, и тем более – они не могут дать чужому ребёнку всё то, что ему необходимо, что могут для него сделать родители! В принципе, родственникам-то должно быть всё равно, что из этого ребёнка вырастет. У них же свои дети есть! Вот папу абсолютно не интересует, какие дети у Яниса, у Йоргоса. Детей Йоргоса папа в лицо не знает. Яниса знает, но «нэнавидит». Каждого человека интересует только то, что принадлежит исключительно ему. Вот если дяди Яниса жена заболит, да или он сам – почему папа должен переживать? У него своя семья есть!

Папа по этому поводу очень любил рассказывать притчу,

как «адын мушина» (один мужчина) приехал к своей родне. В первый день все очень обрадовались. Накрыли столы, стали угощать гостей. На следующий день уже меньше угощали. Ещё через день перестали для него на стол накрывать, только один раз дали «кусочек хлэба».

– Он ужэ всём надозл, панимаэш? – улыбаясь, говорил папа.

По сути беседы получалось, что в самом-самом конце родня человеку перестала давать даже хлеб! И это понятно! Потому что к вечеру, по-хорошему, чужой человек в доме уже всем замылил глаз, он начинает действовать хозяевам на нервы, потому что у каждого свои дела, а приход или тем более приезд родственника отвлекает их от чего-то серьёзного и личного. Так сказать, «выбивает из колеи»! «Поо-омнишь рассказ Чехова про Ваньку Жукова? – говорила мама. – Его же отдали к дальним родственникам. Поо-о-омнишь, чем это закончилось? Ванька написал бабушке, что если он его не заберёт, то он умрёт! Вот она – жизнь с роднёй! Это тебе не мама с папой, которые и обуют, и приласкают. Вот умру я – найдутся какие-нибудь родственники, и тебя им отдадут. Или им, или в детдом. Вот тогда ты будешь знать! Поэтому, пока мы живы – цени нас! И Сёмочка, конечно, единственный человек на свете, которому ты нужна. Мы уйдём – останетесь вы вдвоём на целом свете!»

Мама заводилась с полоборота, просто так, для души. В последнее время она могла это делать прямо на улице. Па-

пе, в принципе, на всё было наплевать, но когда он чувствовал, что жена «разнервировывалась», то есть – начинала сопеть громче обычного, у неё бегали глаза, губы сжимались в курью попку, она тяжело переминалась с ноги на ногу, движения её становились порывистыми и почти спазматическими. Именно тогда раздражение перекидывалось и на папу, и причём гораздо быстрее, чем коклюш в детском саду. Папа тоже начинал ёрзать, слух его обострялся до тигриного. Он крутил головой по сторонам, внимательно, с пристрастием высматривая: кто же или что могло нарушить такой хрупкий покой дражайшей «Наны»?!

– Что это за глупость – поселить Кети у родственников? Ага! Нужна она там сто лет! А вдруг ещё «што-та случится»?! Кетькины родители должны будут родственников убить, потому что папа сказал – родители больше всего на свете любят своих детей, а не родственников, и они – родственники скорее всего «специально» от зависти за ней плохо смотрели, потому что у них «свая дочка балшая и э-э-э-э... нэ хатели ево, ну!»

Пройдя такие жизненные уроки, Аделаида хорошо усвоила, что человек человеку волк, крокодил и медведь! И только их «дружная, крепкая семья» достойна любви и уважения, как во внешних, так и во внутрисемейных связях. Поэтому в семье все должны друг другу соответствовать. То есть – стоять на высочайшем уровне. Они – мама, папа и Семён – стояли. Мама и папа – само собой стояли, и очень давно. Сё-

ма был талантливым спортсменом, но самое главное – хорошо учился. Одна Аделаида несколько портила картину. Поэтому её надо было всё время «держатъ в ежовых рукавицах», как любила повторять мама.

– Никто на светѣ твой ногтя не стоит! (Никто на свете твоего ногтя не стоит!) – любил говорить папа, принося фронтовые сводки со школы. – Кто такой этот быйвол?! Я эго за чѣловека не считаю толко пасматри как учица!

– Не «быйвол», а Буйнов! Это фамилия такая. Буй-нов!

– Какая разница?! Разница в то, что у него «пиат», у тебя – «четыре»!

– Чего удивляться? – так Аделаида позволяла себе говорить только с папой. – Так он с первого класса хорошо учится! Он же всегда был отличником!

– Ну что! Всѣ равно дурак! У тѣбя матѣматычѣская галава, разве ти не понимаѣшь?!

«Интересно, – с тоской, доходящей до тошноты, думала Аделаида, – если б к нам приехал папиного брата сын, что бы папа говорил? Он учится уже на первом курсе института. Он – студент. Или, несмотря на то, что он отличник, тоже её „нагта нѣ стоит“? Да, папа может его не любить, но ведь надо же рассуждать честно – „не люблю, но он не дурак“! Ведь всё-таки сын старшего брата! Или всё-таки „дурак, не дурак“ – не играет роли, всё равно нечего приезжать». Мама почему-то мгновенно «устаёт», раздражается и нервничает от того, что надо «уделять внимание» ещё и племяннику, на-

блюдать, кормить, следить, ухаживать.

Да... – иногда задумчиво вглядываясь внутрь себя, с нотками ущемлённого достоинства жаловалась она, – я в вашем доме стала и прачкой, и кухаркой, и уборщицей. Прислуга, одним словом. Не хватало мне ещё кого-то на шею вешать!

Правда, мама никогда и ничего не делала самостоятельно, то есть одна. Она начинала стирать – папа таскал кипящие выварки, крутил в них палкой и выжимал бельё; она начинала убирать – папа лазил под шкафы, стулья, кровати; она начинала готовить – папа чистил картошку, перебирал рис. Мама надевала на нос очки и внимательно смотрела, чтоб папа не халтурил. Шил и вязал тоже папа.

Но родители, видимо, и в этом были правы: значит, если приедет двоюродный брат, им обоим придётся больше стирать, готовить и убирать. Так чего ради? У каждого есть свой дом и свои родители! И, естественно, чужие дети не могут быть хорошими, потому что, во-первых: они неизвестно в какой семье воспитывались, вот даже пусть дядя Янис – папин брат, так ведь у него же есть ещё и жена! Он же не один родил своих детей. А кто его жена? Необразованная, деревенская дура, которая вместо росписи ставит крестик. Да, дядя Янис «нэплахой», как говорит папа, а «жинаа-а?!» Во-вторых – все дети вообще, если и воспитывались общественными организациями типа школы, то всё равно не известно, что «они впитали с молоком матери»?! Мама обожала пользоваться этим выражением: «впитать с молоком матери». Она

его произносила то с небывалой нежностью, то агрессивно, то насмешливо, в зависимости от ситуации. «Молоком» называлось то, что позже стало зваться «генофондом». Мама хотела сказать: может у них дед шизофреник, или бабушка с гемофилией?! То, что гемофилией женщина не может болеть, мама не желала запомнить. В её голосе было столько омерзения именно к «женщине», которая «передаёт гемофилию», как будто это не несвёртываемость крови, а цветущий сифилис.

В Городе, в принципе, никто к чужим детям слабости не питал. Даже родные отцы старались как можно меньше обращать на них внимания, никогда не хвалить и не ласкать, особенно на людях. А то вполне можно было прослыть «слюнтяем» и «бабой». Они, конечно, гордились наличием в семье «продолжателей рода», но исключительно в рамках поголовья, часто даже не ведая, какой класс посещает его персональный отрок. Любой взрослый по доброте душевной, так сказать, в воспитательных целях вполне мог вклеить чужому ребёнку оплеуху, обругать, но не матерно! Матерно считалось величайшим позором, ибо если принять дословно, то реально получается, что кто-то «имел интимную связь с матерью младенца»! А кто такая мать сего младенца? Законная супружница сего отца! Стало быть, эту супружницу кто-то имел! Значит – она испорченная?! Воо-о-от! Это уже позор и для мужа и для всей семьи, от которого не отмыться вовек, то есть – смертельная обида. Поэтому побить со-

седского ребёнка для его же блага можно. Хорошие родители за это ещё и «спасибо» скажут! Дескать, спасибо, что вы не прошли мимо и сделали моему ребёнку замечание, когда он был неправ и вёл себя нехорошо. Значит, он вам не безразличен. Но «маму заругать»! Хотя слова об интимной связи очень даже употреблялись, когда кто-то давал честное слово. То есть, он не говорит: «Клянусь честью!» или «Даю слово!» Он говорил просто и понятно: «Если я совру – я свою маму е**л!» И все в Городе понимали, что человек этот честный и порядочный и говорит правду. На английском это звучит как «мазафака».

Раз уж все родители любят исключительно своих детей, то Аделаида, пытаясь понять, почему если папа «тока» (только) их любит, то почему всегда и во всём она виновата: «тивинавата!» (ты виновата!). Почему папа никогда не брал её сторону?! Ведь не бывает, чтоб все всегда были правы, а она – никогда? Папа на такие «кисли» (кислые) вопросы не отвечал, тем не менее – она всё же вытянула его на разговор. Двухсекундный, но очень ёмкий:

– Неужели я такая плохая, что всё делаю не так и постоянно неправа? Этого же не может быть! Все люди то правы, то неправы! Тебя спросить – не права всегда я одна!

– Нэт, канэшна, инагда права! Редка бивает.

– Тогда почему ты никогда, ни разу в жизни меня не защитил?!

– Ты развэ не знаэш, кагда син Иосифа Виссаронича Ста-

лина папал в плен и немци хатэли эво паменят на фердмаршала Паулюса, что Сталин нэмцам сказал? Што, знаэш?! Он сказал: «Я салдата на гэнэрала нэ менаю»! Он эво што, нэ любил?!

Нормально... Всё понятно. Ей объяснили на хорошем примере. Кратко и доходчиво. Как можно хорошо относиться к племянникам, или совсем чужим детям, если своих «на гэнэралав нэ менают»?!

И опять, опять, опять несостыковкаа-а-а! Кто пишет эти проклятые книги, в которых всё наоборот, в которых всё с ног на голову?! Если они врут, зачем тогда их вообще читать?! Кто прав? Кто неправ? Зачем русские подсовывают нам свои провокационные «произведения»?! От них только мучаешься, тратишь огромные силы, чтобы что-то понять, в чём-то разобраться. Ведь хочется поменьше делать в жизни ошибок, но надо хотя бы знать, что хорошо и что плохо, как у русского Маяковского!

Вот что это?! «У меня сохранился снимок обоих мальчиков, сидящих на парапете террасы. Гвидо (сын знакомых) сидит лицом к камере, но взгляд его устремлён чуть вбок и вниз, руки сложены на коленях, выражение лица и вся поза исполнены задумчивости и сосредоточенной серьёзности. Гвидо как раз пребывает в том отвлечённом состоянии, в какое он погружался даже в разгаре смеха и игры, – совершенно неожиданно, целиком, как будто вдруг решил уйти и оставил тут безмолвную прекрасную оболочку дожидаться,

как пустой дом его возвращения. А рядом маленький Робин (сын автора) смотрит на него снизу, отвернув от камеры голову, но по линии щеки видно, что он смеётся; одна ручонка поднята вверх, другая держит Гвидо за рукав, как будто он тянет его, уговаривая пойти поиграть. Ножки, свисающие с парашюта, проворный аппарат схватил в миг нетерпеливого рывка – сейчас он соскользнёт вниз и побежит в сад играть в прятки».

Или очень глупо, или всё это просто придуманное враньё, что скорее всего!

Значит, фотографировавший навёл резкость не на своего сына, смотрящего снизу вверх, как будто он «второй сорт», а на чужого мальчика. В центре снимка этот самый Гвидо – сын их знакомых, который мало того, что не играет с ребёнком, а ещё заставляет его просить поиграть, типа «он задумался». О чём это, интересно, может задумываться соседский сын?! Папа ни за что бы не стал так фотографировать, чтоб лицо Сёмочки было не видно, а видна была только «линия щеки»! Что это ещё за «линия щеки»?! Когда папа их фотографировал, то они оба с Сёмой должны были смотреть именно в объектив и «улыбаца» (улыбаться). Если с чужими детьми, то они, как правило, вообще не попадали в кадр. «Он оставил тут прекрасную безмолвную оболочку»! У кого «прекрасная»?! У Кощейкиного брата?! Или у Феди?! А может, у Кости?! До чего смешно, аж противно! Зачем так людям врать?! Вон Тарас Бульба убил своего сына Андрия

за то, что тот вроде как предал свой народ и женился на вражеской княжне. Так ведь это же дурацкая сказка! И у Горького его произведения раннего периода потому и названы «романтическими», то есть дурацкими, написанными в молодости, когда мозгов нет! Поэтому это тоже всё враньё и выдумка! Какая мать «залезет» в стан врага и тем более убьёт своего родного сына только за то, что он перешёл на чужую сторону?!

– Теперь ты понимаешь, что романтика – это глупости!

– Так ведь Горький – буреветник революции? – недоумевала Аделаида. – Как он может быть дураком?

– Ни-э-э-т! – разочарованно тянула мама. – Он сперва был романтиком, потом многое понял, исправился и стал буреветником, поняла? Он изменился!

Ну, ладно, чужих любить, конечно, не за что, свои – частная собственность, со всеми потрохами... И всё-таки эту любовь ни в коем случае нельзя показывать! Нельзя, чтобы кто-нибудь о ней догадался и рассказал другим, что «Василий почти готов поменять солдата, но только в лице Сёмочки, на генерала!» Вот это – позорище! Это значит – Василий – слабак, вовсе не мужчина, а подкаблучник! Хотя, возможно, желание папы и мамы, чтоб она была «кристаллической девучкой» вызвано вовсе не любовью к ней, а элементарным желанием «быть на высоте», выглядеть «недосягаемыми»? Тут если ещё племянники приедут, которые скорее всего вообще невменяемые, они же всю картину испортят. Будут от-

влекать Аделаиду и вообще – маме не нужно их «влияние». Не простое, не хорошее! Как мама говорит? «Минуй нас пусть всех печалей и барский гнев, и барская любовь!» А вот она, Аделаида, конечно, отдала бы очень многое, чтоб папин брат Янис пожил у них хоть несколько дней. Или его взрослые красивые сыновья. Как бы она, надув щёки, ходила с ними гулять по улице! И все бы на них смотрели с интересом и завистью. И никто, ни одна скотина не смогла бы обернуться на неё и засмеяться вслед! Это её братья!

После отъезда Кети осталась одна Кощейка. Аделаида продолжала любить Кощейку, единственную свою подругу детства, но чем дальше, тем больше расходились их дорожки. Кощейку, как уже достигшую половой зрелости, стали готовить к замужеству. Она даже сама не ведала – будет ли заканчивать десятилетку, или родители примут сватов после восьмого класса. Аделаида же знала, что именно после восьмого класса её и отправят к «репетиторам». Кощейку замуж, а её на подготовку в институт. «Значит, – говорила мама, – между вами не может быть ничего общего!» Под элитным словом «репетитор» камуфлировались всё те же школьные учителя, которые набирали учеников на дом, создавая рабочие группы, и занимались с ними дополнительно во внеурочное время за определённую плату. На самом деле часто практиковать вне работы было противозаконно. Поэтому, начиная урок, накрепко запирали двери; заслышав незнакомые голоса, затаивали дыхание; в свою очередь ученики в школе

на вопрос преподавателей «занимаются ли они дополнительно по тем предметам, которые будут сдавать в вуз?» должны были отвечать:

– Да. Я занимаюсь с тётей!

И все понимали, что шифруется под домашним словом «тётя».

На самом же деле это было очень даже мило и аристократично – тайно посещать частные уроки, например, по химии, по биологии или физике. Это было престижно – значит, все понимали: чадо потенциальный абитуриент Медицинского института! Отрок или отрочица очень гордились собой и навесом тайны, окутавшей их. Они чувствовали себя посвящёнными и даже выработали специальный язык с кодовыми названиями, который постороннему было не понять. Весь Город знал, чей сын или дочь, где и по какому предмету занимается, и весь Город называл это «пошла к тётке».

Кошечка в свою очередь перестала носить платья без рукава и изменила свой искристый, весёлый смех на кудахтающее хихиканье, как и положено, в ладошку.

У Аделаиды в жизни, по большому счёту, ничего не изменилось. Проблемы, связанные с учёбой, стали вроде мелких доз мышьяка, которые с детства принимали венценосные особы, чтоб организм привык к этому веществу и при попытке отравления он бы на них не подействовал. Всё было по-старому: «чёрные вторники», папин рапорт генералиссимусу в лице мамы. Обстановка в течение учебного года,

натурально, была военизированной, и выписки оценок напоминали сводки с фронта.

– Видыш! Видыш што ти апят надэлала?! Извинс перэд мамом сечасже! Какое палажениэ в школе! Кода ти испра-виш палажэние?! Извинис сечас же перэд мамом, тэбэ гавару! Мама хочит чтоб ты был блестащая, всю дюшу тебе даёт!

Мама в свою очередь продолжала сперва бить Аделаиде морду, потом громко стенать, что её-таки доби́ли, что она расшибается в лепёшку, и никто это не видит, что она умирает, что ей не хватает воздуха: «дыхания нету-у-у-у!»; потом она кричала, что утопится, и что в её смерти будут винить Аделаиду и плевать ей вслед, желать ей, чтоб она сдохла! Высказавшись по полной, мама впадала в сумеречное состояние, бросалась на кровать, или заваливалась прямо на пол, пускала пузыри из слюны, закрывала глаза, «теряла сознание» и делала губами: «Бу-бу-бу...»; потом приезжала вызванная отцом «скорая», делала маме успокоительный укол и уезжала. За столько лет все водители скорой хорошо выучили их адрес, и карета подавалась без опозданий в течение нескольких минут. Заслышав в трубке папин голос, все уже знали, куда ехать, и адрес можно было и не говорить. Потом, когда мама «приходила в себя», то есть – открывала глаза и чистым взглядом только что вернувшегося с того света великомученицы обводила квартиру, надо было бесшумно войти в комнату, где она возлежала на постелях, молча, с убитым выражением лица сесть возле неё. Она медлен-

но переводила взгляд с одного предмета на другой, подолгу задерживалась на каждом, как бы давая понять, что она не узнаёт ни квартиру, ни домочадцев, что она изучает всё, как наивный ребёнок – умиротворённо и по-детски доверчиво. Потом, как бы невзначай взгляд её цеплялся за Аделаиду; мама с гримасой боли устало прикрывала глаза, и тихий стон срывался со скорбно поджатых губ... Дальше по годами утверждённому сценарию нужно было тоже вздохнуть, ещё немного помолчать как бы в мучительном раскаянии, не рискуя приоткрыть рот, и, осторожно поправляя уголок маминого одеяла, медленно и печально начинать извиняться...

Зато в остальном, не считая оценок, школа была спасительным архипелагом, где можно проявить свои прикладные способности и вдоволь наобщаться с друзьями. И потом, была куча кружков, факультативов, всяких дополнительных занятий. Конечно, почти ничего из них Аделаида не могла посещать, потому что мама считала – факультативы для «тупых» и «плохих учеников», чтоб они «подтянулись на несчастную «троечку», а Аделаида – выше среднего, поэтому, если что-то не знает – должна сама дополнительно заниматься дома. Или можно снова позвонить Береговой, чтоб она ей объяснила по телефону. Зато Аделаида пришла в неописуемый восторг, когда наконец её призвали ходить на ШБК – школу будущего комсомольца. Она три раза в неделю стала на час задерживаться после уроков. До-

мой Аделаида возвращалась с каким-то новым, совершенно неведомым до этого чувством безнаказанности и своей правоты. Она знала, что мама сейчас мечется по квартире совершенно взбешённая, растворившаяся в единственном желании дожидаться Аделаиды и, сдерживаясь из последних сил, ровным тоном спросить:

– И где ты была? У меня внутри всё клокочет! Вот так вот! – и мама показывает руками, как именно её кишки внутри «клокочат».

На что Аделаида, выкатив честные глаза и ликуя в душе, ответит:

– Школа будущего комсомольца.

– Ты что, не могла предупредить, что задержишься?! – мама пока не сдаётся.

– Извини, но мне надо учить «Устав». Я не могу терять время, потому что не успею. Я прямо сейчас начну учить наизусть «Устав», правда?

– Бессилие! Что может быть страшнее его?! Ещё более полное бессилие!

Мама бледнеет и уходит на кухню, откуда долго доносился грохот складываемой посуды и шум воды. Она ничего не может сделать! Потому что Аделаида учит «Устав» и готовится стать комсомолкой! Мама никогда не посмеет сказать, что уроки главнее «Устава»! Теперь мама будет ждать папу, чтоб громко выяснить какие-нибудь старые отношения с ним.

Так было каждый понедельник, среду и пятницу. И каж-

дый раз мама в блаженном ожидании с брезгливо-презрительным выражением лица медленно, с расстановкой произносила:

– «Ще-бе-ка...» что такой?

И каждый раз Аделаида, уверенная в своей неуязвимости и правоте, отвечала:

– Школа Будущего Комсомольца!

«Против линии Партии и Комсомола не попрёшь! Ты не сможешь мне запретить ходить на ШБК! Комсомол – это выше всего, это защита, это оружие, в конце концов, даже помощнее чем тот ядерный взрыв в Пятой школе на пожарном стенде с треугольным ведром! Так что, мамочка, умойся!»

Она сидела и часами читала нужные, патриотические книги. Она знала, что, в принципе, ей всё спишут, если даже она получит «четвёрку», потому что «не смогла достаточно хорошо подготовиться», так как наизусть учила «Комсомольский Устав»! Она возлюбила «Устав» даже больше, чем датского сказочника Андерсена, который обещал, что скоро она превратится в Прекрасного Лебедя!.. Она наслаждалась «Комсомольским Уставом», как её ровесницы романами о любви, каждый абзац заучивала, как самое красивое, самое проникновенное стихотворение:

Я – Аделаида Лазариди – вступая в ряды Всесоюзной Комсомольской организации, перед лицом своих товарищей торжественно клянусь...

Ах! Аж мороз по коже!

Аделаиде очень нравилась и сама «общественная» жизнь. Когда она была пионеркой, то мечтала, чтоб её хоть разок выбрали Председателем Совета отряда. О месте Председателя Совета дружины она и не мечтала. Выбирали всегда совершенно незаметных и блёклых, ничем не выделяющихся учеников. Никто из них даже не был «отличником»! Сколько она не анализировала, сколько потом не перебирала в голове явные достоинства и недостатки новоиспечённых «председателей», так никогда и не поняла, по какому принципу именно «он, или она, а не я»?! Её же почему-то с завидным постоянством из года в год выбирали то в редколлегию, то редактором школьной газеты. Это, конечно, была замечательная должность. Общественная газета это тебе не тенгель-вентель! Назначенные общественностью художники находились под командованием редактора, то есть Аделаиды, но они разбегались после школы, как тараканы, потому что у них и вне школы была куча дел! Был прекрасный парк, который без них бы, конечно, засох, Река с рыбой и соревнованиями по прыжкам с моста, да мало ли дел у художников?! Как только звенел звонок с последнего урока, совершенно не представлялось возможным их снова собрать и упротить нарисовать большими красивыми буквами хоть заголовок газеты. Зато Аделаида никуда после школы не спешила. Рисовала, писала статьи и подписывала их именами своих одноклассников. Она заменяла одна всю редколлегию. Она обо-

жала шуршание, с которым разворачивался лист ватмана, и кисловатый запах гуаши. Она выучилась делать заглавия широкими плакатными перьями, вырезать огромные трафареты и писать зубной пастой лозунги на красных полотнищах – транспарантах. Она стала задерживаться после школы. Несколько раз мама звонила в учительскую и просила кого-нибудь из учителей, у которых «окно», то есть нет урока, подняться и посмотреть в «Пионерской комнате», чем её дочь занимается. Несколько раз присылала после работы папу. Он поднимался на второй этаж в «Пионерскую комнату», садился, не снимая плаща, рядом на стул и сперва молча наблюдал за тем, как Аделаида выводит «Слава КПСС». Потом рассеянно оглядывал стены с барабанами, горнами, «Переходящими вымпелами» за звание «Лучшего звена» и красными знамёнами. Через минут пятнадцать полнейшей тишины, в которой улавливался только скрип плакатного пёрышка, тоскливо, с большой осторожно интересовался:

– Эшо долго надо?

– Не знаю! Как получится. – Она от удовольствия аж высовывала кончик языка.

– Э-э-э... А уроки успеэш дэлат?

Аделаида с вызовом смотрела в лицо папы:

– Через несколько дней годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции! Стенгазета пока не готова. Что, по-твоему, важнее – уроки, или сдать газету в срок?!

– Э-э... Пачэму адна? Что памоч никто нэ можэт? Тэбэ

дамой тоже нада! Нэ кушала!

– Так Лилия Шалвовна пошла кого-то звать. Придёт, тогда посмотрим.

Папа со вздохом поводил плечами и оставался на стуле ждать, пока Лилия Шалвовна «кого-нибудь приведёт». Так и сидел он на стуле в «Пионерской комнате», пока у Аделаиды не затекали ноги, и она действительно не начала умирать с голоду. Папа явно готов был лопнуть от злости за то, что его дочь не дома и не «пишит матэматику, нэ занимаэца», а ему самому приходится здесь сидеть и дожидаться, пока это всё закончится. Но, самое ужасное было то, что он при всём желании не мог брезгливо сказать: «Пэрэстан это виазат!»

Ставить под сомнение необходимость выпуска нового номера стенгазеты к годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции, как любил говорить сам папа, «ужэ плёхо пахнэт!» Посему он, не вставая, сидел на стуле, вместе с Аделаидой, дожидаясь прихода Лилии Шалвовны, ведущей за собой случайно пойманного художника, клятвенно пообещав ему, что если он не пойдёт сейчас же с ней в Пионерскую комнату, то «удовлетворительного поведения» ему в четверти-то не видать!

Обожала Аделаида и «Коммунистические субботники», это когда отменяли уроки, и они всей школой мыли стёкла, красили парты, убирали двор, чинили забор. Конечно, было ужасно жаль, что делались именно «субботники», а не «понедельники», потому что в субботу всегда были лёгкие уро-

ки. Субботники были для неё настоящим праздником! Иногда даже в школьном радиоузле включали музыку, и она со страшным шипением и помехами разносилась по двору, подбадривая лентяев, демонстративно играющих на открытой площадке в баскетбол вместо прополки школьного огорода. Вот тогда под «Взвейтесь кострами, синие ночи!» работать становилось особенно весело!

А ни с чем не сравнимый «локоть товарища» по сбору макулатуры?! Они с «товарищем» ходили по знакомым и незнакомым, можно было звонить в любые двери и разговаривать со всеми, не стесняясь, что о них плохо подумают. Им открывали чужие люди, и тётьки, и дядьки, и они с гордостью просили ненужные, старые журналы и газеты, потому что «между классами соревнование», кто больше принесёт бумаги. Они тащили эти тяжеленные кипы, поминутно останавливаясь, чтоб передохнуть, болтая и смеясь всю дорогу. И на них на улице оборачивались, и Аделаида гордо и с вызовом смотрела на любопытных. Некоторые дети, чтоб добавить килограммов своему классу, выносили из дома целые библиотеки, пока их родители были на работе. Всю бумагу со всех классов взвешивали, сваливали кучей в школьном дворе, потом приезжал грузовик и всё это увозил. На следующий день на «линейке» Лилия Шалвовна объявляла результаты соревнования и при всей школе поздравляла победителей.

Макулатуру собирали исключительно русские школы.

Макулатура не смогла бы заставить родителей из национальных школ позволить своей дочери таскаться как неприкаянной по улицам и звонить в чужие двери. Аделаида это знала точно, потому что Кощейка очень удивилась её желанию забрать у них все старые газеты. Она подумала, что бывшая подруга шутит, но даже когда Аделаида забрала весь этот тюк, никак не могла понять – зачем в русской школе национальные газеты?!

Вот и пусть сидят по домам, как крысы! Всё равно их наша Советская власть вытащит оттуда! Всё равно наша Партия, наше Советское государство признает только тех людей, для которых общая польза выше личной выгоды. Всё равно ощущение «я» перейдёт в ощущение «мы», каждый поймёт и почувствует верность долгу и ответственность перед обществом. Как там писал Багрицкий? «О себе не думай, думай о друзьях!» И женщины и девочки тоже не будут принадлежать папе, старшим братья, дядьям и мамам, как у них в Городе, они станут принадлежать нашему Советскому государству как к высшей и самой мощной форме личности! Что там мама говорит? Люди, окружающие меня – источник опасности? «При каждой неудаче давать умеете сдачи, иначе вам удачи не видать!» Ха-ха-ха! И что мама скажет про линию Партии? Про то, что у нас у всех единое сознание, едная воля! Она скажет: «люди не достойны уважения и любви»?! Скажет, что моего «ногтя никто не стоит»?!

Мы создадим человека будущего – вот на таких массо-

вых мероприятиях, собраниях, торжествах, шествиях преобразается сама сущность человека, он покоряется и дисциплинируется. Наше Советское государство захватит его полностью, будет контролировать его дух, волю, сердце, разум и формировать в его сознании высокие стремления! Как там написано в газетах? «Первая обязанность каждого гражданина государства – трудиться духовно и физически ради общего блага! Ведомые и вожди должны совместно трудиться для выполнения производственных задач на благо народа и государства». Как красиво! Аж плакать хочется! А что говорит мама: «Ты должна быть лучше всех!» Да, я буду лучше всех, вот похудею и буду, потому что я буду человеком будущего, отдающим всю жизнь на благо государства! И все должны так жить! И в их Городе и мужчины и женщины тоже... А то, понимаешь ли... что они все делают? Даже не знают, что такое макулатура!

Собирали и металлолом. Ржавый рельс тащить было не в пример труднее, чем связки книг, но ведь тащили же! И радовались пыли, грязи и порванной одежде. Потому, что все знали, если у туфли отлетела подошва во время сбора металлолома, тебя не имеют права дома ругать, потому что ты выполнял ответственное

Комсомольское задание. Чувство полнейшей свободы, вседозволенности, безнаказанности, внимание к их персоне лично пьянило всех участников. Аделаида с товарищами считали себя ни дать, ни взять именинниками, полноправными

ми хозяевами этой Земли. Это были те редкие дни, когда они себя ощущали сильными, значимыми и наравне со взрослыми...

Только одна проблема в эти дни мешала Аделаиде быть бесконечно счастливой. Надо было вечно думать, что надеть. Во двор, в школу и даже в театр можно было как-то приноровиться. Но в чём именно собирать металлолом, она не знала. Вообще у неё была ещё одна мечта: ещё она мечтала об одежде, про которую не надо ни думать, ни выбирать, что лезет и что не лезет, ни гладить, просто открыть гардероб, вытащить оттуда вещь и натянуть на себя! Просто взять и просто надеть! Задача на данный момент практически неразрешимая. Потому что официально существовали только школьная форма и «дворовая одежда». «Дворовая» была очень удобная, но совсем некрасивая. Зашитая, заштопанная, без нескольких пуговиц. В ней Аделаида была копия Махновец, который только что вынес награбленные трофеи из хаты, где они хранились в старом деревянном сундуке с железными застёжками. Ничего! Вот когда ей будет семнадцать лет, это произойдёт. Она будет, танцевать и кружиться на глазах всего зала. Она будет в узких брючках и приталенной кофте. Можно даже с вышивкой по воротнику. Или с аппликацией. Это будет чуть позже, уже мало осталось ждать, а пока, чтоб выйти через двор даже в гастроном, надо что-то из одежды почистить, погладить и всё равно выглядеть как дурак в «элегантном» платье, сшитом у портнихи, с заказными пу-

говицами, сделанными из той же ткани в Доме Быта. Стоять в этом платье в рыхлой очереди за хлебом, и стоять боком, потому что сзади пристраиваются разные уродливые дядьки. Они трутся об тебя чем-то, а когда поворачиваешься, то очень внимательно смотрят куда-то вдаль, делая вид, что напряжённо рассматривают прохожих на другой стороне улицы. Как сходишь за хлебом – надо снова переодеться, потому что мама говорит, что «без старого у тебя никогда не будет и нового!» То есть – в чём ходят по улице, дома не носят. А чтоб было и удобно, и не жарко, и не давило, и не мялось и не «жалко» – такое Аделаида себе даже представить не могла! Поэтому поход за хлебом, в принципе, приравнялся к походу в театр, а поход в театр – к военным действиям. Хорошо было только в школьной форме. Однако в школьной форме на общественные мероприятия не пойдёшь. Некоторые одноклассники ходили, но это те, которые были «плохими учениками» и из «таких» семей.

Металлолом надо собирать в штанах, потому что надо нагибаться и присаживаться, а когда нагибаешься, всё видно. Никаких штанов, кроме спортивных, у неё не было. Она и на физкультуру до шестого класса носила спортивные штаны прямо под платье. В шестом классе пришла Линоида и заставила всех не только снять школьные платья, из-под которых торчали синие спортивные штаны, но и надеть мужские трусы и майки. Когда в каком-то классе проходил урок физкультуры во дворе, за решёткой, отделяющей школьный

двор от улицы, собиралась толпа зевак в кепках и папиросами в углах рта. Они стояли и рассматривали девочек не менее внимательно, чем совершенно развратное кино «Фантомас». На субботник по сбору металлолома многие девчонки надевали старые штаны своих братьев. На Аделаиду Сёмкины поднимались только до колен. В обтягивающих спортивных не придёшь. Школьное платье пачкать нельзя, а своих ни старых, ни новых штанов, чтоб спокойно собрать металлолом, не было. Зато Ирка, у которой три рубля уже выросли до пяти, обещала прийти в «бриджах».

— А я приду в бриджах! — вызывающе выступала она на весь класс. — Вот возьму и приду! Вот увидите!

Что такое эти самые загадочные «бриджи», Аделаида не знала. Помнила что-то из журнала «Бурда», но живьём не видела. Раз уж Ирка столько раз грозилась и всё никак не приходила, значит, что-то неприличное? Бриджи Аделаида представляла себе каким-то верхом развязности, чем-то вроде «декольтэ», только ниже пояса. Наконец настал день, когда Ирка появилась в тех самых обещанных «бриджах». У Аделаиды захватило дух!

Да, они надевались на задницу и были декольтированы, но не сверху, как ожидала Аделаида, а снизу. Ярко-морковного цвета потрясающие штаны, у которых ниже колен вообще ничего не было! Да ещё и с маленькими разрезами по бокам, в которых видна Иркина ровная кожа, покрытая светлым пушком! Все поняли, почему Ирка столько обещала

в них прийти и не приходила: страшно вульгарно, полноги видно, но... но до ужаса красиво! Ирка старательно делала вид, что ничего не происходит, и, перебирая своими длинными ногами, так и ходила по школьному двору, светясь оранжевой попой и белыми кедами. И от неё невозможно было оторвать глаз! Такое Аделаида видела только в кино, или когда ездила отдыхать на море. Но чтоб вот так запросто, надеть короткие штаны и майку и от дома до школы по улице прийти на субботник?! Ирку никто не дразнил и не показывал на неё пальцем, хотя на весь Город навряд ли бы нашлись хоть ещё одни штаны такого цвета! На неё смотрели и прохожие за школьной оградой, переходили на другую сторону, когда она тащила по улице железяку, машины притормаживали, и водители провожали её взглядом. Это был вызов всему обществу.

В Городе люди знали себе цену. Они свято чтит законы и обычаи. Их кровно оскорбляло всё, что не входило в привычный жизненный уклад. Например, провожали взглядами и репликами Аделаиду потому, что она была непривычной взгляду, и всех, на ком было надето что-либо «неправильное». Например: девушка в юбке до колен, а не до земли; девушка в ярком платье, а не в сером или чёрном. Вид русской командировочной в брюках вообще являлся провокацией и приравнивался к хождению без кожи. Если б эту командировочную затащили в кусты прямо в центре города, около площади Ленина, то считалось бы, что это она «сво-

им видом спровоцировала бедного человека». Для мужчин были другие «обычаи». Мужчина обязан был передвигаться или пешком, или на машине. Если на велосипеде, то вполне мог получить камнем в лоб. Сзади велосипеда бежала толпа мальчишек и пыталась его догнать, чтоб в колёса воткнуть палку, или железку, или просто схватить за багажник, чтоб резко велосипед остановить. Если не получалось, они про-бегали между домами по дворам и выскакивали наперерез, чтоб ещё раз попытать счастья – сбить велосипедиста. Все знали, что «наши мужчины» на велосипед не сядут. Значит – или приезжий, или «дурак». Так что ж им за дурака будет?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.